

Право между Востоком и Западом

№ 4 / 2025

Журнал издается при поддержке
Фонда благодарных выпускников
Международно-правового
факультета МГИМО

Главный редактор

Толстопятенко Г.П., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора

Малиновский А.А., д.ю.н., доцент
Платонова Н.И., к.ю.н., доцент

Ответственный секретарь

Осина Д.М., к.ю.н.

Редакционная коллегия:

Абдуллин А.И., д.ю.н., профессор
Арзуманова Л.Л., д.ю.н., профессор
Баранов В.М., д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ
Васильева Т.А., д.ю.н., доцент
Волеводов А.Г., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ
Гаврилов В.В., д.ю.н., доцент
Грачева Е.Ю., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ
Захарова М.В., д.ю.н.
Зинковский С.Б., к.ю.н., доцент
Кравец И.А., д.ю.н., профессор
Монастырский Ю.Э., д.ю.н.
Носырева Е.И., д.ю.н., профессор
Ображиев К.В., д.ю.н., профессор
Покачалова Е.В., д.ю.н., профессор
Рыжкова Е.А., к.ю.н., доцент
Сайдов А.Х., академик Академии наук
Узбекистана, д.ю.н., профессор
Сидоренко Э.Л., д.ю.н., доцент
Скворцов О.Ю., д.ю.н., профессор
Трикоз Е.Н., д.ю.н., доцент
Троицкая А.А., д.ю.н., доцент
Трощинский П.В., к.ю.н.
Церковников М.А., к.ю.н.

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:
Гриб В.В., д.ю.н., профессор, академик РАО,
заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:
Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Корректура:

Павлова Т.Г.

Верстка:

Курукина Е.И.

Телефон редакции: (495) 953-91-08
Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Рег. ПИ № ФС77-84258 от 5 декабря 2022 г. Выходит с 2024 г., издается ежеквартально

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА

- Полдников Д.Ю. Вехи становления юридической географии за рубежом: от заметок этнографов — к научной дисциплине 2
- Яковleva B.A. Институт общественных судов в Германской Демократической Республике и его советские истоки 11

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

- Романовская О.В. Право и цифровой суверенитет: между Востоком и Западом 25
- Авдеев Д.А., Гиндулина А.Д. Применение рекомендательных технологий на интернет-ресурсах: опыт правового регулирования РФ и КНР 35
- Барзилова И.С. Нормативные правовые акты и иные источники права в правовых системах стран Содружества Независимых Государств (на примере республик Центральной и Средней Азии) 42
- Тонков Д.Е. Права человека в Швеции: исторические и современные примеры «нордической исключительности» 48
- Платонов А.П. Правовые основы реализации внешних функций государства в КНР 58

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- Васильев А.А., Беседина Е.С., Зеленин Ю.А. Право на историческую правду: проблема концептуализации и легального закрепления понятия ... 63

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО И РАЗРЕШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ СПОРОВ

- Бабкина Е.В. Экономическая эффективность как критерий экономического анализа интеграционного и международного частного права: применим ли принцип Парето? 77
- Костицын А.В. Международный коммерческий арбитраж в Китае: уроки Востока для будущего Запада 89

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская
наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм.

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.

Физ. печ. л. 12,5. Усл. печ. л. 12,5.

ISSN 3034-2953

Номер подписан в печать: 16.12.2025.

Номер вышел в свет: 24.12.2025.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая

группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка
материалов без письменного

разрешения авторов статей или
редакции преследуется по закону.

Учредитель: МГИМО МИД России

Вехи становления юридической географии за рубежом: от заметок этнографов – к научной дисциплине

Полдников Дмитрий Юрьевич,
профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения
Московского государственного института международных отношений
(университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент
d.poldnikov@inno.mgimo.ru

Идея влияния природно-климатических факторов на право и государство имеет давнюю историю, которая позволяет понять становление юридической географии. В статье прослеживается эволюция подходов к осмыслиению этой взаимосвязи в социальной географии и юриспруденции. Показано, как географический детерминизм в работах ученых древности и Средневековья постепенно уступил место поссибилизму, а к концу ХХ в. был дополнен инвайронментализмом и идеями «пространственного поворота».

Реконструированы этапы формирования новой дисциплины в научной мысли Востока и Запада, начиная с мыслителей Античности и Средневековья, затем Нового времени и эпохи европейского колониализма вплоть до ХХ в. Показано, как юридический позитивизм сдерживал развитие данного направления и какой импульс ему придало расширение предмета исследований за счет охвата тематики правового плюрализма, социальной справедливости и транснациональных аспектов права.

В XXI в., несмотря на отсутствие единого подхода и методологии, юридическая география формируется как важная междисциплинарная область, способная предложить новые инструменты для анализа и решения комплексных проблем, обусловленных взаимосвязью пространства и социума.

Ключевые слова: юридическая география, географический детерминизм, географический поссибилизм, инвайронментализм, пространственный поворот, правовой плюрализм, история зарубежных правовых учений.

Несмотря на недавнее появление термина «юридическая география»¹, природно-климатические условия издавна учитывались мыслителями Востока и Запада для объяснения специфики институтов права и государства различных стран и народов. Однако степень влияния менялась по мере перехода от кочев-

ых и аграрных к индустриальным и постиндустриальным обществам.

Традиционные кочевые и оседлые общества в наибольшей степени зависели от природно-климатических условий, решающее влияние которых на образ жизни обществ получило позднее название *географического детерминизма* (от лат. determinare — ограничивать)².

¹ По данным индекса англоязычных публикаций Google Books Ngram Viewer, словосочетание legal geography ненадолго вошло в научный оборот в конце XIX в., почти не использовалось в ХХ в., но стало весьма популярным в начале XXI в. URL: <https://books.google.com/ngrams/> (дата обращения: 07.11.2025).

² Гловели Г.Д. Географическое направление в социальной мысли // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/geograficheskoe-napravlenie-e64453?v=10260742> (дата обращения: 07.11.2025).

По мере становления индустриальных обществ их ограниченность природно-климатическими условиями снижалась фактически и переосмысливалась теоретически. В первой половине XX в. вместо детерминизма в западной научной мысли утвердилась концепция *географического поссибилизма* (от лат. *possibilis* — возможный): природные условия задают рамки, но они оставляют человека широкие возможности для деятельности и формирования социальных институтов.

По словам американского специалиста по социальной географии Р. Джонстона, «... человек, задаваясь определенными вариантами альтернативных видов природопользования, сопоставляет с ними окружающую среду и выбирает тот вид пользования, который наилучшим образом соответствует возможностям взаимодействия им культуры»³. Лишь в регионах с экстремальными природными условиями (пустыня, тундра, высокогорья) влияние природной среды на деятельность человека становится определяющим.

С 1970-х годов фокус западной социальной географии постепенно сместился с изучения влияния природных ресурсов на взаимодействие человека, общества и природной среды их обитания, в рамках междисциплинарного научного направления *инвайронментализма* (от англ. *environment* — окружающая среда)⁴.

Указанные смены парадигмы социальной географии в сочетании со сменой парадигмы правоведения (антич-

ная судебная риторика, средневековая схоластика, естественно-научный юснатурализм XVII–XVIII вв., юридический позитивизм и формализм XIX в., правовой реализм и постмодерн XX в.) определили становление и развитие юридической географии, исследующей степень (взаимо)обусловленности развития (со)обществ ландшафтом, климатом, природными ресурсами.

1. Юридическая география в парадигме природного детерминизма

Мыслители древности и Средневековья, рассуждавшие о влиянии природно-климатических условий на нравы и социальные институты кочевых и оседлых народов, как правило, признавали решающее значение природы. Истоки данного направления удается проследить в цивилизациях древности.

Античная (греко-римская) цивилизация породила не только историю-, этно- и географию, но и сам тезис о географическом детерминизме. Различные авторы (греки Еврипид, Аристотель, Страбон, римляне Цицерон, Цезарь, Тацит и др.) связывали превосходство своей цивилизации над странами и народами Азии и Северной Европы с благотворным влиянием средиземноморского климата⁵. Впрочем, в отличие от историков и философов, древнеримские юристы в целом остались без внимания природную обусловленность институтов гражданского права и его сравнение с иноземными обычаями, если преторы не интегрировали их в состав римского «права народов»

³ Джонстон Р. География и географы. Очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 г. М. : Прогресс, 1987. С. 63.

⁴ Баньковская С.П. Инвайронментализм // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/invaiironmentalizm-002c8b/?v=4754311> (дата обращения: 07.11.2025).

⁵ Наиболее четко данный тезис сформулировал Аристотель (*Политика*, кн. VII, 1327b23). О географическом детерминизме у античных авторов см.: Glacken, C.J. Traces on the Rhodian Shore: Nature and Culture in Western Thought from Ancient Times to the End of the Eighteenth Century. Berkley : University of California Press, 1967. P. 116 f.

(ius gentium). Причиной тому, видимо, стала убежденность в превосходстве своего права над иным, варварским.

В цивилизациях Востока также были распространены представления о решающей роли природных условий на хозяйствственный уклад и нравы. Однако признавалась и способность цивилизации преобразовывать первозданную стихию. В древнекитайской цивилизации сложилось представление о единстве неба (космоса, природы) и человека. Человек способен как нарушить гармонию этого единства, так и поддерживать (восстанавливать) ее. Возникшее в лоне китайской цивилизации (*вэньмин*) единое государство уже в период династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н.э.) мыслилось идеологами «государством ритуала и музыки», где культура противостоит природной стихии, первозданной простоте, дикости, войне. Указанный философский подход нашел отражение в официальной династической историографии, которая, начиная с исторических записок Сыма Цяня (ок. 145 г. — ок. 86 г. до н.э.), приобрела значение «истории-зеркала». Вглядываясь в это зеркало, потомки имели возможность знакомиться с опытом прошлых поколений и извлекать из него уроки. Но несмотря на развитость придворной (династической) историографии, второстепенная роль права (закона) в китайской цивилизации исключила сколько-нибудь заметное развитие юридической географии. Представления о нравах и порядках народов за пределами пространства китайской цивилизации зачастую оставались мифическими⁶.

Исламский мир, находясь на перекрестке торговых путей двух континен-

тов, оказался более открытым для этно- и географических исследований. О географическом детерминизме здесь могли узнать благодаря знакомству с наследием античной культуры, но развили на его основе собственные оригинальные учения. Так, арабский ученый, общественный деятель и путешественник XIV в. Ибн Хальдун сформулировал концепцию исторического круговорота укладов общества с опорой на тезис о том, что высокий уровень хозяйства и культуры достижим только в областях средних температур. Данный тезис лег в основу его учения о становлении цивилизованных обществ⁷.

В Западной Европе тезис о географической предопределенности социально-политических и правовых институтов стал известен благодаря переводам работ античных авторов и приобрел популярность начиная с эпохи Возрождения и Великих географических открытий. Однако вплоть до XIX в. ученые основывали свои гипотезы на умозрительных наблюдениях, книжном знании и редких заметках путешественников.

Так, уже в XVI в. Ж. Боден связал природно-климатические условия, социально-психический склад народов с идеей поступательного развития цивилизации и перемещения мировых центров с Юга на Север⁸. Широкую известность получила трактовка влияния природных условий на общество в трудах французских мыслителей периода Просвещения. Подобно Ибн Хальдуну (и, вероятно, под его влиянием) Ш. де Монтескье (1689—1755) утверждал: «Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого обра-

⁶ Духовная культура Китая : энциклопедия. В 5 т. Т. 4 / глав. ред. М.Л. Титаренко. М. : Восточная литература, 2009. С. 13.

⁷ Фролова Е.А. Арабская философия: Прошлое и настоящее. 2-е изд. М. : Садра, 2024. С. 194.

⁸ Glacken, C.J. Op. cit. P. 438 f.

зуется общий дух народа», определяющий его образ жизни, действий, поведения («О духе законов», кн. 19, гл. 4). Французский ученый искал в умеренности климата и особенностях рельефа, почв и пищевого рациона истоки преимущества европейской гражданской жизни над азиатским деспотизмом. По его мнению, холодный среднеевропейский климат благоприятен для становления политической свободы, в то время как жаркий формирует «дух рабства»⁹. Равным образом А. Барнав (1761–1793) во «Введении во Французскую революцию» (1792) развивал мысль о влиянии географической среды на формирование политического строя, подчеркивал значение приморского местоположения стран для роста среднего сословия («трудолюбивого народа городов»).

2. Западная юридическая география в парадигме позитивизма и колониализма XIX–XX вв.

В эпоху европейского колониализма Нового времени тезис о географическом детерминизме привлекал особое внимание ряда ученых, но не выдержал проверку на научную обоснованность и уступил концепции географического поссибилизма.

У истоков естественно-научного обоснования географического детерминизма стоял британский историк Г.Т. Бокль (1821–1862). В «Истории цивилизации в Англии» (1861), опираясь на методологию позитивизма, он доказывал, что история народов и государств определяется природно-географическими и материальными условиями их существования. Изучив их, можно вывести четкие закономерности истории, прежде всего — нараста-

ющую силу разума и утверждение либеральных ценностей. В XIX в. подобные исследования сформировали естественно-научную основу для социологии и исследований по всеобщей истории и истории отдельных цивилизаций.

В Германии наиболее последовательно тезис о решающем влиянии природы (ландшафта) на исторические судьбы народов отстаивал Карл Риттер (1779–1859). В своем фундаментальном труде «Землеведение в отношении к природе и истории человечества» (19 томов, 1822–1859) он последовательно доказывал, что природная среда оказывает значительное влияние на историю народа. Впрочем, Риттер одним из первых среди географов XIX в. пришел к выводу о решающем значении социальных факторов: природа накладывает рамочные ограничения на деятельность людей, но люди способны к ней адаптироваться. Сегодня такое объяснение назвали бы географическим поссибилизмом.

Во Франции самым заметным исследованием на стыке географии и социологии стала «Земля. Описание жизненных явлений земного шара» (1896) французского географа, историка, социолога и общественного деятеля-анархиста Элизе Реклю (1830–1905). По его убеждению, первобытная гармония космоса, Земли и человека оказалась нарушена в результате отказа от человеческой солидарности (принципа анархизма), капиталистической индустриализации и хищнического освоения природных ресурсов. По его мнению, предотвратить грозящую экологическую и социальную катастрофу позволит лишь преобразование социально-политических и правовых институтов в духе солидарности.

Подобные исследования географов оказали влияние на европейских исто-

⁹ Glacken, C.J. Op. cit. P. 568 f.

риков, социологов и правоведов, которые стремились раскрыть социальные закономерности по аналогии с законами природы. При этом опорой мог выступать как материализм (например, в марксизме, английском позитивизме), так и идеализм (например, в гегелевской философии истории и права, в учении Г. Мэна о раскрытии идеи свободы в эволюции древних обществ). Лишь к концу XIX в. историки и социологи все чаще отказывались смотреть на законы общественной жизни как на схожие с законами природы¹⁰.

Указанное состояние социальной географии формировало контекст «колониальной» юридической географии. Она возникла в ответ на потребности европейских метрополий (сначала частных компаний, затем королевской власти) создать устойчивый механизм управления завоеванными территориями и населением с претензией на легальность и легитимность. Недостаток знаний о социальной и юридической географии стал одной из причин неэффективного управления и потери колоний.

В XVIII–XIX вв. произошел поворот от умозрительных теоцентрических суждений о нравах «добрых дикарей» к становлению научной этнологии (антропологии). В ее развитии принято выделять несколько теоретических течений: естествоведение эпохи Просвещения, романтическая антропология первой половины XIX в., материалистический расизм, социальный дарвинизм и эволюционизм XIX в. и др.¹¹ Указанные теории заложили концептуальные основы научного (матери-

алистического или идеалистического) изучения пространственных и временных факторов для становления и развития социально-правовых институтов, пусть и с позиции превосходства (индо)европейских (арийских) народов в истории.

О становлении нового направления в социальной географии и правоведении свидетельствует обращение к изучению роли пространственных факторов в национальных историях права и государства. Показательна позиция ведущего английского историка конца XIX в. Ф. Мейтленда. В серии оксфордских лекций «Манор и городской округ» (1898) он, вероятно, впервые в англоязычной юриспруденции использовал термин «юридическая география» и определил ее как «процесс образования пространства, который происходит в юридически значимых отношениях между сообществом и его территорией».

Вплоть до распада колониальных империй знания о юридической географии мира служили нуждам колониального управления. На территории британской империи важными результатами обобщения местных обычаями стала кодификация права в Британской Индии после введения прямого правления короны, а также обширный отчет комиссии под руководством лорда Хейли об африканских социальных институтах¹². Аналогичный обзор в трех томах подготовила французская колониальная администрация в 1939 г.¹³

Сбор сведений об обычаях местного населения в подобных обзорах производился по заранее продуманным опросным листам. Один из них для

¹⁰ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / под ред. А.О. Чубаряна. М. : Аквилон, 2014. С. 111–113.

¹¹ Клейн Л.С. История антропологических учений. СПб. : Издательство СПбГУ, 2014.

¹² Hailey, L. An African Survey. A study of problems arising in Africa, south of the Sahara. London : Oxford University Press, 1938. 837 p.

¹³ Coutumiers juridiques de l'Afrique occidentale française. Vol. 3. Paris : Lib. Larose, 1939.

нужд германской колониальной администрации составил еще в 1897 г. известный немецкий компаративист Й. Колер (1849–1919). Тем же методом пользовался основоположник нидерландской школы изучения адатов для нужд администрации Голландской Ост-Индии (территория современной Индонезии) К. ван Волленховен (1874–1933).

В США интерес к юридической географии начинался с изучения первобытных народов Л.Г. Морганом и другими антропологами. Лишь после Первой мировой войны правоведы начали проявлять интерес к зарубежным правовым системам. Знаковой стала «Панорама правовых систем мира» (1928) Дж. Вигмора. Впрочем, накопление знаний о зарубежном праве имело и практическое значение для торговой экспансии американских корпораций, прежде всего в Китае и странах Латинской Америки — собрать сведения о действующем законодательстве, сформировать рекомендации по защите интересов американских компаний и граждан, обосновать необходимость их экстерриториальности неразвитостью местных законов, утвердить идеологическое превосходство англо-американского общего права¹⁴.

Несмотря на появление термина «юридическая география» и первых научных теорий о влиянии пространственно-климатических факторов на социальные институты, данные исследования в целом оставались на периферии западного правоведения. Парадигма юридического позитивизма и этатизма ограничивала предмет исследований ученых-юристов системой общеобязательных писанных норм, созданных или признанных публичной

властью (парламентом в странах романо-германского права, статутами и прецедентами в странах общего права), а значит, не позволяла раскрыть многообразие национального и интернационального правового пространства. Последнее оставалось объектом изучения этнологии (культурной антропологии).

3. Западная юридическая география в парадигме инвайронментализма и устойчивого развития

Следующий этап развития юридической географии обусловлен новыми geopolитическими реалиями (распад колониальных империй, окончание холодной войны, становление много极ного мира), а также сменой научной парадигмы социальных и культурологических исследований (постмодерн, постклассика). Последняя имела исключительное значение для становления особой дисциплины.

Еще в 1970-е годы в самых разных социальных науках, включая *социальную географию*, начался поворот к изучению взаимодействия общества и природы с целью сохранения качества среды обитания (инвайронментализм). В отличие от географического детерминизма и поссибилизма, новый подход учитывает значительно возросшие возможности человечества по влиянию на природно-климатические условия и связанные с этим экологические проблемы и грозящие катастрофы. Глобальные проблемы требовали комплексного анализа и взаимодействия, включая международные и национальные правовые средства.

Новаторство социальных и гуманистических наук второй половины XX в. выражалось в лингвистическом, антропологическом, прагматическом и культурном «поворотах постмодерна».

¹⁴ Ruskola, T. Legal orientalism: China, the United States and modern law. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2013. P. 14 f.

На смену позитивистским представлениям о праве как системе общеобязательных норм действующего национального законодательства пришло представление о праве как динамичном процессе воспроизведения правовой реальности в поведении властующих и подчиненных субъектов, детерминированном особенностями их культуры¹⁵.

В результате сложились предпосылки для возрождения интереса к юридической географии и ее обновления. К концу XX в. ученые заговорили о «пространственном повороте» (*spatial turn*) в общественных науках и прежде всего в этнологии (антропологии). Вышли в свет новаторские исследования о взаимосвязи социального и географического пространств в условиях правового плюрализма. Прежде всего следует отметить публикации английского социолога Э. Гидденса, британского географа Н. Блумли, голландского антрополога Ф. ван Бенда-Бекмана.

Э. Гидденс (род. в 1938 г.) отстаивает необходимость учитывать пространственный и правовой факторы для целостного представления об обществе. Н. Блумли (род. в 1962 г.) демонстрирует недооценку в юридических исследованиях пространственно-социального контекста для более полного понимания правового регулирования. Ф. ван Бенда-Бекман (1941–2013) стоял у истоков современной географической антропологии права как науки, изучающей связь социальных пространств с физическим (природным) в контексте правового плюрализма¹⁶.

¹⁵ Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. С. 13.

¹⁶ Giddens, A. Time, Space and Regionalisation // Social Relations and Spatial Structures. Basingstoke : Macmillan, 1985. P. 265–295; Blomley, N.K. Law, Space and the Geographies of Power. New York : Guilford, 1994; Spatializing Law: An Anthropological

Благодаря подобным исследованиям в западной науке формируется не только новое представление о социальном измерении пространства, но и расширяются исследовательская повестка и методология юридической географии. В предмет ее исследования включают правовой плюрализм, вне- и досудебный порядок решения споров, социальное страхование, право и развитие, право и (надлежащее) государственное управление, его децентрализацию, транснациональные аспекты права и пространственное проявление несправедливости (отсутствие доступа к благоприятной окружающей среде, к чистой воде, к городским ресурсам и т.п.).

В Оксфордском справочнике по праву и антропологии 2022 г. также фигурирует несколько тем, связанных с пространством и правом:

— как создаются пространства на поверхности Земли правовыми средствами в самых разнообразных социально-политических, правовых и экологических условиях;

— каковы взаимосвязи между социальным пространством и физическим пространством, а также как правовыми средствами локализовать права и обязанности людей в социальном пространстве;

— как различные понятия пространства становятся ресурсами в социальных, политических и экономических отношениях в условиях правового плюрализма¹⁷.

В XXI в. накопление знаний по юридической географии продолжается. Наряду с хрестоматиями текстов по данной тематике появляются обобщающие монографические исследования.

Geography of Law in Society / eds. by F. v. Benda-Beckmann, A. Griffiths. Farnham : Ashgate, 2009.

¹⁷ The Oxford Handbook of Law and Anthropology / eds. by M.-C. Foblets. M. Goodale, M. Sapignoli, O. Zenker. Oxford : Oxford University Press, 2022.

Например, такова книга доцента департамента права Веронского университета Маттео Николини¹⁸. Впрочем, автор приходит к выводу, что в научном сооб-

ществе еще не сложилось конвенций ни о предмете, ни о методах, ни о задачах данной дисциплины. Гетерогенная теоретико-методологическая основа современной юридической географии затрудняет ее интеграцию в программу юридического образования.

¹⁸ Nicolini, M. Legal geography: Comparative law and the production of space. Cham : Springer, 2022.

Литература

- Баньковская С.П. Инвайронментализм / С.П. Баньковская // Большая российская энциклопедия. В 30 томах. Т. 11. Излучение плазмы — Исламский фронт спасения / председатель научно-редакционного совета Ю.С. Осипов. Москва : Большая российская энциклопедия, 2008. 766 с.
- Гловели Г.Д. Географическое направление в социальной мысли // Большая российская энциклопедия. В 30 томах. Т. 7. Гермафродит — Григорьев / председатель научно-редакционного совета Ю.С. Осипов. Москва : Большая российская энциклопедия, 2007. 766 с.
- Джонстон Р. География и географы. Очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 г. / Р. Джонстон. Москва : Прогресс, 1987. 368 с.
- Духовная культура Китая : энциклопедия. В 5 томах. Т. 4 / главный редактор М.Л. Титаренко. Москва : Восточная литература, 2009. 935 с.
- Клейн Л.С. История антропологических учений / Л.С. Клейн. Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2014. 752 с.
- Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / под редакцией А.О. Чубарьяна. Москва : Аквилон, 2014. 576 с.
- Фролова Е.А. Арабская философия: Прошлое и настоящее / Е.А. Фролова. 2-е изд. Москва : Садра, 2024. 464 с.
- Честнов И.Л. Постклассическая теория права / И.Л. Честнов. Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2012. 650 с.
- Blomley, N.K. Law, Space, and the Geographies of Power / N.K. Blomley. New York : Guilford, 1994. 323 p.
- Giddens, A. Time, Space and Regionalisation / A. Giddens // Social Relations and Spatial Structures / eds. by D. Gregory and J. Urry. Basingstoke : Macmillan, 1985. P. 265–295.
- Glacken, C.J. Traces on the Rhodian Shore: Nature and Culture in Western Thought from Ancient Times to the End of the Eighteenth Century / C.J. Glacken. Berkeley : University of California Press, 1967. 763 p.
- Hailey, L. An African Survey: A study of problems arising in Africa, south of the Sahara / L. Hailey. Oxford : Oxford University Press, 1938. 1837 p.
- Maupoil, B. Coutumiers juridiques de l'Afrique occidentale française. 3 Tome / B. Maupoil , L.Lotte, A. Aubert. T. 3. Mauritanie — Niger — Côte d'Ivoire, Dahomey, Guinée Française / Lt. Lotte, G. Vieillard, Couturier, R. de Gaalon [et al.]. Paris : Lib. Larose, 1939. 612 p.
- Nicolini, M. Legal Geography: Comparative Law and the Production of Space / M. Nicolini. Cham : Springer, 2022. 251 p.
- Ruskola, T. Legal Orientalism: China, the United States, and Modern Law / T. Ruskola. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2013. 338 p.
- Spatializing Law: An Anthropological Geography of Law in Society / eds. by F. v. Benda-Beckmann, A. Griffiths. Farnham : Ashgate, 2009. 304 p.
- The Oxford Handbook of Law and Anthropology / eds. by M.-C. Foblets. M. Goodale, M. Sapi-gnoli, O. Zenker. Oxford : Oxford University Press, 2022. 1024 p.

References

- Bankovskaya, S.P. Invayronmentalizm [Environmentalism] / S.P. Bankovskaya // Bolshaya rosiyskaya entsiklopediya. V 30 tomakh. T. 11. Izluchenie plazmy' — Islamskiy front spaseniya /

- predsedatel nauchno-redaktsionnogo soveta Yu.S. Osipov. Moskva : Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya — Large Russian Encyclopedia. In 30 volumes. Vol. 11. Plasma Radiation — Islamic Salvation Front / chairman of the scientific and editorial board Yu.S. Osipov. Moscow : Large Russian Encyclopedia, 2008. 766 s.
2. Gloveli, G.D. Geograficheskoe napravlenie v sotsialnoy my'sli [Geographical Direction in Social Thought] // Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya. V 30 tomakh. T. 7. Germafrodit — Grigoryev / predsedatel nauchno-redaktsionnogo soveta Yu.S. Osipov. Moskva : Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya — Large Russian Encyclopedia. In 30 volumes. Vol. 7. Hermaphroditus — Grigoryev / chairman of the scientific and editorial board Yu.S. Osipov. Moscow : Large Russian Encyclopedia, 2007. 766 s.
  3. Johnston, R. Geografiya i geografy'. Ocherk razvitiya anglo-amerikanskoy sotsialnoy geografii posle 1945 g. [Geography and Geographers. Anglo-American Human Geography since 1945] / R. Johnston. Moskva : Progress — Moscow : Progress, 1987. 368 s.
  4. Dukhovnaya kultura Kitaya : entsiklopediya. V 5 tomakh. T. 4 [Spiritual Culture of China : encyclopedia. In 5 volumes. Vol. 4] / glavn'y redaktor M.L. Titarenko. Moskva : Vostochnaya literatura — editor-in-chief M.L. Titarenko. Moscow : Oriental Literature, 2009. 935 s.
  5. Klein, L.S. Iстория антропологических учений [History of Anthropological Doctrines] / L.S. Klein. Sankt-Peterburg : Izdatelstvo SPbGU — Saint Petersburg : Publishing house of the SPbSU, 2014. 752 s.
  6. Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskiy slovar [Theory and Methodology of Historical Science. A Terminological Dictionary] / pod redaktsiey A.O. Chubaryana. Moskva : Akvilon — edited by A.O. Chubaryan. Moscow : Akvilon, 2014. 576 s.
  7. Frolova, E.A. Arabskaya filosofiya: Proshloe i nastoyashee [Arabian Philosophy: Past and Present] / E.A. Frolova. 2-e izd. Moskva : Sadra — 2nd edition. Moscow : Sadra, 2024. 464 s.
  8. Chestnov, I.L. Postklassicheskaya teoriya prava [Postclassical Law Theory] / I.L.Chestnov. Sankt-Peterburg : Alef-Press — Saint Petersburg : Alef-Press, 2012. 650 s.
  9. Blomley, N.K. Law, Space, and the Geographies of Power / N.K. Blomley. New York : Guilford, 1994. 323 s.
  10. Giddens, A. Time, Space and Regionalisation / A. Giddens // Social Relations and Spatial Structures / eds. by D. Gregory and J. Urry. Basingstoke : Macmillan, 1985. S. 265–295.
  11. Glacken, C.J. Traces on the Rhodian Shore: Nature and Culture in Western Thought from Ancient Times to the End of the Eighteenth Century / C.J. Glacken. Berkeley : University of California Press, 1967. 763 s.
  12. Hailey, L. An African Survey: A Study of Problems Arising in Africa, South of the Sahara / L. Hailey. Oxford : Oxford University Press, 1938. 1837 s.
  13. Maupoil, B. Coutumiers juridiques de l'Afrique occidentale française. 3 Tome / B. Maupoil , L.Lotte, A. Aubert. T. 3. Mauritanie — Niger — Côte d'Ivoire, Dahomey, Guinée Française / Lt. Lotte, G. Vieillard, Couturier, R. de Gaalon [et al.]. Paris : Lib. Larose, 1939. 612 s.
  14. Nicolini, M. Legal Geography: Comparative Law and the Production of Space / M. Nicolini. Cham : Springer, 2022. 251 s.
  15. Ruskola, T. Legal Orientalism: China, the United States, and Modern Law / T. Ruskola. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2013. 338 s.
  16. Spatializing Law: An Anthropological Geography of Law in Society / eds. by F. v. Benda-Beckmann, A. Griffiths. Farnham : Ashgate, 2009. 304 s.
  17. The Oxford Handbook of Law and Anthropology / eds. by M.-C. Foblets. M. Goodale, M. Sagnoli, O. Zenker. Oxford : Oxford University Press, 2022. 1024 s.

Заходите в наш магазин на OZON.ru: https://www.ozon.ru/seller/izdatelskaya-gruppa-yurist-390930/products/?miniapp=seller_390930
и выбирайте книги и журналы!

DOI: 10.18572/3034-2953-2025-4-11-24

Поступила в редакцию: 18.10.2025. Принята к публикации: 15.11.2025.

Институт общественных судов в Германской Демократической Республике и его советские истоки

**Яковлева Виктория Алексеевна,
преподаватель кафедры конституционного права
Московского государственного института международных отношений
(университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук**
vik.yakovleva9@gmail.com

В статье рассматриваются становление и развитие общественных судов в Германской Демократической Республике в сравнении с аналогичными процессами в СССР. Основные этапы указанного процесса в ГДР повторяли советский образец. Начало созданию общественных судов было положено примерно в 1952 г. — в тот же период, когда в СССР были восстановлены после Великой Отечественной войны товарищеские суды. Впоследствии в конце 1950-х — начале 1960-х годов, а затем в конце 1970-х — начале 1980-х годов общественные суды в обоих названных государствах были реформированы. Однако с самого начала общественные суды ГДР в ряде аспектов отличались от советских товарищеских судов. Отличия объяснялись спецификой местных условий и, надо думать, стали причиной успешного функционирования общественных судов в ГДР вплоть до ее присоединения к Федеративной Республике Германии.

Ключевые слова: СССР, ГДР, общественные суды, товарищеские суды, конфликтные комиссии, примирительные комиссии.

Институт общественных судов, возникший в первой половине XX в. в Советском государстве, после Великой Отечественной войны был перенесен на территории стран Восточной Европы. Одной из первых этот опыт восприняла Германская Демократическая Республика. Однако советская модель не была механически перенесена на немецкую, но адаптирована под нужды и условия ГДР. По этой причине представляется интересным и целесообразным сопоставить основные этапы создания и развития общественных судов в ГДР и СССР.

Примечательно, что к опыту общественных судов как возможному способу решения существующих проблем — например, перегруженности государственной судебной системы или защиты трудовых прав работников —

обращаются сегодня российские и немецкие исследователи¹. Вероятность того, что эти рассуждения перейдут из теоретической плоскости в практическую, не равна нулю. В связи с этим изучение такого явления, как общественные суды, может быть актуальным и практически необходимым.

Общественные суды во второй половине XX в. появились не только в ГДР, но также и в других странах социалистического лагеря: Чехословакии, Польше, Венгрии и т.д. Однако в Германии возникновение указанных судов имело свои особенности. Утверждение о том,

¹ Васильев В.А. Товарищеские суды: история, перспективы деятельности в условиях рынка // Трудовое право. 2008. № 1. С. 18–21; Brüning, H.N. Die Konfliktkommissionen in der DDR. Frankfurt am Main, 2016. S. 15.

что «появление товарищеских судов в европейских странах “народной демократии” совпадает с периодом “хрущевского ренессанса” товарищеского правосудия в СССР»² применительно к Германской Демократической Республике неверно. Как будет показано далее, общественные суды в ГДР появились еще до того, как Н.С. Хрущев стал первым секретарем ЦК КПСС. Хотя на дальнейшее реформирование указанных судов «хрущевский ренессанс», безусловно, повлиял.

Развитие общественных судов ГДР отчасти шло в ногу с аналогичным процессом в Советском государстве. Это происходило главным образом потому, что Правительство ГДР ориентировалось на советский образец и само учреждение общественных судов проходило в непосредственном контакте с советской стороной. В ГДР существовало два типа общественных судов — конфликтные комиссии и примирительные комиссии. Первые создавались на предприятиях и в организациях, вторые — по территориальному признаку в жилых районах городов, сельских общинах и т.д. На начальном этапе процесс их создания и правовое регулирование отличались, однако в определенный момент суды обоих видов получили общую законодательную основу.

Для СССР институт общественных судов во второй половине XX в. уже не был новым. Впервые в советский период такие суды были созданы в первые годы после революции. В 1919 г.³ и 1921 г.⁴ было принято два положения о дисци-

плинарных товарищеских судах. Основным назначением данных судов было обеспечение соблюдения трудовой дисциплины на производствах. Соответственно, с окончанием войны, когда этот вопрос уже не стоял так жестко, дисциплинарные товарищеские суды были упразднены⁵.

Следующий этап развития советских общественных судов пришелся на конец 1920-х — начало 1930-х годов, когда были созданы различные общественные суды: товарищеские суды на предприятиях и в жилищно-арендных кооперативных товариществах, сельские общественные суды. Их появление объяснялось как практической необходимости в разгрузке народных судов от незначительных дел, так и специфическим представлением о дальнейшем развитии социалистического общества и государственности. Общественные суды воспринимались, с одной стороны, как инструмент воспитания трудящихся масс в духе новой коммунистической морали, а с другой — как средство реализации марксистского тезиса об отмирании государства и замены его общественным самоуправлением⁶. Однако уже в первой половине 1930-х годов такая идеологическая окраска потеряла актуальность и общественные суды в несколько измененном виде стали использоваться правительством для решения конкретных практических задач. Например, производственно-товарищеские суды стали действенным меха-

⁵ Икорский П.И. Организация и деятельность товарищеских судов в первые годы советской власти (1917–1922 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1965. С. 353–355.

⁶ Яковлева В.А. Создание производственно-товарищеских судов в РСФСР в конце 1920-х — начале 1930-х годов // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2024. № 1. С. 47–49.

² Гаврилова А.В. Товарищеские суды в СССР и европейских странах «народной демократии» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 201.

³ СУ РСФСР. 1919. № 56. Ст. 537.

⁴ СУ РСФСР. 1921. № 23–24. Ст. 142.

низмом поддержания трудовой дисциплины⁷.

Сведений о деятельности товарищеских судов в годы Великой Отечественной войны не обнаружено. Скорее всего, по объективным причинам в указанный период они не работали. К этому институту, хорошо зарекомендовавшему себя ранее в выполнении задач государственного значения, решено было вернуться вскоре после окончания войны. Вопрос о товарищеских судах встал осенью 1947 г., когда Министерство юстиции РСФСР разработало проект нового положения о них. Оно, однако, не было принято в силу возражений ряда ведомств (например, ВЦСПС, Министерства юстиции СССР)⁸.

Обновление нормативной основы деятельности товарищеских судов произошло позже: 14 июля 1951 г. Совет министров СССР утвердил новое положение о дисциплинарных товарищеских судах в учреждениях и на предприятиях. Товарищеские суды избирались общим собранием рабочих соответствующего предприятия. Основной целью данных судов снова должно было стать поддержание трудовой дисциплины. Они имели право рассматривать дела о прогулах без уважительных причин, опоздании на работу, появлении на работе в нетрезвом виде и т.д. Дела в товарищеские суды могли направлять руководители соответствующих предприятий⁹. Такая конструкция товарищеских судов вполне понятна ввиду необходимости восстановления народного хозяйства в послевоенные годы и, соответственно, важности поддержания дисциплины на предприятиях.

⁷ Там же. С. 53–55.

⁸ ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 5565. Л. 3, 41.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 468. Л. 247–248.

Примерно в это же время общественные суды появились и в ГДР. Исторически первыми возникли конфликтные комиссии. В советской и иностранной научной литературе указывается, что начало формирования конфликтных комиссий относится к 1953 г., когда было принято соответствующее положение¹⁰. Аналогично утверждал и первый секретарь ЦК СЕПГ (Социалистической единой партии Германии) Вальтер Ульбрихт в 1964 г.¹¹ Однако, основываясь на данных из юридической периодики ГДР, можно заключить, что на крупных государственных предприятиях (в частности, предприятиях горнодобывающей и химической промышленности) уже в 1952 г. создавались конфликтные комиссии. Первое время они действовали без общей правовой основы, а за образец брали советское регулирование¹². Характерно, что одним из первых предприятий, где появились конфликтные комиссии, было советско-германское предприятие по добыче и обогащению урана «Висмут»¹³.

Основной задачей конфликтных комиссий на первом этапе было разреше-

¹⁰ Brown, E.G. The Disputes and Arbitration Commissions: Social Organs for the Administration of Justice in the German Democratic Republic // Case Western Reserve Journal of International Law. 1968. Vol. 1. Iss. 1. P. 5; Kellner, H., Kaiser, F., Schulz, W. Die Tätigkeit der Gerichte in Arbeitsrechtssachen. Berlin, 1966. S. 26; Филимонов Б.А. Конфликтные и примирительные комиссии в Германской Демократической Республике // Общественные суды в европейских социалистических странах. М. : Издательство Московского университета, 1968. С. 49.

¹¹ Die Bildung von Schiedskommissionen – ein weiterer Schritt zur Einbeziehung der Bürger in die Bekämpfung und Verhütung von Rechtsverletzungen. Rede des Vorsitzenden des Staatsrates der DDR, Walter Ulbricht, in der 9. Sitzung des Staatsrates am 21. August 1964 // Neue Justiz. 1964. 1 September. S. 513.

¹² Görner, K. Die Entwicklung der Arbeitskonflikt-kommissionen // Neue Justiz. 1953. 20 Februar. S. 98.

¹³ Brüning, H.H. Op. cit. S. 38.

ние трудовых споров. Надо сказать, что в ГДР на тот момент существовали специальные суды по трудовым делам. Еще с 1946 г., до образования ГДР, были восстановлены трудовые суды земель. После ликвидации деления ГДР на земли и введение окружного деления в 1952 г. они, соответственно, были заменены на окружные суды¹⁴. Но, как утверждал сотрудник Министерства труда ГДР Роджер Шлегель, трудовые суды в ряде случаев не могли так же эффективно защищать трудовые права рабочих, как конфликтные комиссии. Преимуществами последних были возможность разрешать спорные ситуации непосредственно на самом производстве, а также максимально неформальный, «товарищеский» порядок работы¹⁵.

Первое положение о конфликтных комиссиях было опубликовано 13 мая 1953 г.¹⁶ Конфликтные комиссии создавались на всех государственных и приватных предприятиях для разрешения трудовых споров. Комиссии комплектовались из представителей рабочих и администрации предприятия (по два с каждой стороны). В комиссию мог обратиться с заявлением как рабочий, так и представитель администрации предприятия. К ведению конфликтных комиссий относились, например, дела, вытекающие из изменения или расторжения трудового договора, вопросы заработной платы и различных дополнительных выплат, дисциплинарной ответственности рабочих и т.д. Положение предусматривало возможность обращения в трудовой суд по указанным вопросам, однако

только после рассмотрения дела конфликтной комиссией.

Положение о конфликтных комиссиях регулировало также процесс рассмотрения дел в указанных комиссиях, очень похожий на традиционный судебный процесс: предполагалось ведение протокола заседания комиссии, подробно регламентировался порядок исследования доказательств, решения выносились в письменном виде. Также предусматривалась возможность обжалования решений конфликтных комиссий в трудовой суд.

Сам факт создания конфликтных комиссий объяснялся, как представляется, не в последнюю очередь оглядкой на советский образец. Фокус же указанных комиссий на трудовых спорах был обусловлен, во-первых, экономической ситуацией в ГДР. Жесткость положений трудового законодательства, предусматривавших высокие нормы выработки и, напротив, низкий уровень зарплат, вылилась в забастовку рабочих 13 июня 1953 г.¹⁷ Не случайно положение о конфликтных комиссиях предусматривало обширный перечень различных выплат, за взысканием которых рабочие могли обратиться в указанные комиссии. Во-вторых, роль играли и чрезмерная нагрузка, и нехватка кадров в трудовых судах. Конфликтные комиссии, с одной стороны, разгружали трудовые суды, а с другой — составляли для них кадровый резерв. Председатели указанных комиссий могли поступать на работу в указанные суды¹⁸.

Таким образом, хотя конфликтные комиссии создавались по советскому образцу, на начальном этапе они отличались от товарищеских судов СССР по

¹⁴ Lubini, J. Die Verwaltungsgerichtsbarkeit in den Ländern der SBZ/DDR 1945–1952. Tübingen : Mohr Siebeck, 2015. S. 226.

¹⁵ Schlegel, R. Das neue Verfahren in Arbeitssachen // Neue Justiz. 1953. № 11. S. 350–351.

¹⁶ Gesetzblatt der Deutsche Demokratische Republik. 1953. № 63. S. 695–698.

¹⁷ Geschichte der DDR. Informationen zur politischen Bildung. 2011. № 312. S. 25.

¹⁸ Brüning, H.H. Op. cit. S. 44–45.

своему основному назначению. Конфликтные комиссии создавались главным образом для защиты трудовых прав рабочих, тогда как товарищеские суды — для поддержания трудовой дисциплины. Соответственно, различались и порядок их комплектования, и круг лиц, уполномоченных инициировать разбирательство.

Следующий этап становления конфликтных комиссий опять же хронологически совпал с соответствующими процессами в СССР. На XXI съезде КПСС зимой 1959 г. Н.С. Хрущев выдвинул тезис о том, что дело обеспечения общественного порядка должно переходить все больше в руки самих трудящихся. Соответственно, требовалось развивать структуры и органы, которые делали это возможным, в том числе систему товарищеских судов. Ценность последних состояла в том, что они могли воздействовать на нарушителей в том числе как средство воспитания и предупреждения нарушений¹⁹.

В связи с этим в 1961 г. было принято новое положение о товарищеских судах в СССР²⁰. Основной задачей товарищеских судов признавалось «воспитание людей путем убеждения и общественного воздействия, создания обстановки нетерпимости к любым антиобщественным поступкам». Указанные суды могли создаваться на предприятиях, в учреждениях, высших учебных заведениях, в колхозах, в жилых домах. Они формировались путем выборов на общих собраниях коллективов трудящихся. Соответственно изменению назначения товарищеских судов изменились их компетенция и порядок работы.

¹⁹ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января — 5 февраля 1959 г. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1959. С. 104.

²⁰ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1961. № 26.

К ведению названных судов относились дела о нарушении трудовой дисциплины, о недостойном поведении, о малозначительных правонарушениях, имущественные споры на небольшие суммы и т.д. Товарищеские суды могли рассматривать дела по представлению местных общественных организаций и органов власти, заявлению трудающихся, по собственной инициативе, а также по материалам, переданным им судом, прокурором или органом дознания.

Реформирование немецких конфликтных комиссий происходило примерно в то же время при непосредственном восприятии советского опыта. В мае — июне 1959 г. ГДР посетила делегация советских юристов во главе с министром юстиции РСФСР В.А. Болдыревым. В ходе встреч с работниками немецкой системы юстиции в рамках обмена опытом затрагивались разнообразные вопросы. В том числе немецких товарищей интересовал вопрос организации общественных судов в СССР²¹. Также в 1961 и 1962 гг. делегации ГДР неоднократно посещали Ленинград с целью изучения работы товарищеских судов²². Надо полагать, этим объяснялся тот факт, что на следующем этапе развития общественные суды ГДР больше походили на советские товарищеские суды, чем в самом начале своего формирования. Кроме того, роль играла и некоторая стабилизация обстановки в ГДР. Экономический рост, улучшение доходов и уровня жизни населения, произошедшие за 1950-е годы²³, позволили переключиться с насущной проб-

²¹ Болдырев В., Туманов В. Советские юристы в Германской Демократической Республике // Советская юстиция. 1959. № 8. С. 46.

²² Brüning, H.H. Op. cit. S. 34.

²³ Geschichte der DDR. Informationen zur politischen Bildung. 2011. № 312. S. 29–30.

лемы защиты прав рабочих на более масштабные, в том числе идеологически обусловленные, проблемы.

С 1959 г. в порядке опыта начали создаваться конфликтные комиссии с расширенной компетенцией: в нее также входили дела о нарушении социалистической морали и малозначительные преступления, ранее рассматриваемые государственными судами. Двадцать восьмого апреля 1960 г. была утверждена инструкция о новых конфликтных комиссиях. В данной инструкции указывалось, что новые конфликтные комиссии являются формой самовоспитания трудящихся в духе социалистической морали и норм социалистического общежития. В связи с этим комиссии были уполномочены рассматривать, помимо трудовых споров, также гражданско-правовые споры между рабочими одного предприятия и дела о незначительных нарушениях уголовного закона (например, кражи на незначительные суммы, оскорблении, причинение легких телесных повреждений)²⁴. Передача незначительных нарушений законодательства на рассмотрение общественных органов была средством организации трудящихся и вела «к усилению наиболее прогрессивных организационных форм борьбы с антиобщественными явлениями»²⁵. Кроме того, в соответствии с новыми задачами конфликтные комиссии стали избираться рабочими предприятия. Таким образом, вслед за советским образцом конфликтные комиссии из чисто практического механизма по разрешению

²⁴ Gesetzblatt der Deutsche Demokratische Republik. 1960. Teil I. № 33.

²⁵ Беньямин М. Борьба с преступностью и отказ от уголовного преследования в ГДР // Вопросы уголовного права стран народной демократии : сб. ст. / под ред. А.А. Пионтковского, М.А. Гельфера. М., 1963. С. 376.

трудовых споров превратились в инструмент взаимного воспитания трудящихся масс.

Сеть конфликтных комиссий росла постоянно и достаточно быстро. Рост численности названных комиссий был обусловлен увеличением количества государственных предприятий, где такие комиссии как раз и создавались, вследствие национализации. К 1963 г. было сформировано 18 265 конфликтных комиссий²⁶. По сравнению с начальным периодом, когда за 1953–1954 гг. было создано 5 682 комиссии²⁷, их число увеличилось почти в 3,5 раза. Основными в работе конфликтных комиссий были трудовые споры, причем отмечалось, что комиссии рассматривают большую часть таких споров — 83%. Из 65 765 дел, рассмотренных комиссиями за 1963 г., 26 460 составляли трудовые споры²⁸.

Примерно в этот период в ГДР также появились примирительные комиссии. В советской юридической прессе писали, что подготовительным этапом к созданию общественных судов по территориальному принципу был институт общественных посредников (третейских судей), появившийся в 1958 г. Это был не судебный орган, а институт досудебного урегулирования незначительных споров. Основной задачей третейских судей было «улаживание мелких конфликтов между гражданами, чтобы избежать судебного их разрешения»²⁹.

²⁶ Müller, M. Eine neue Qualität der Arbeit der Konfliktkommissionen // Neue Justiz. 1966. 2 Juni. S. 381.

²⁷ Brown, E.G. Op. cit. P. 8.

²⁸ Kirchner, R. Die Entwicklung der Konfliktkommissionen nach dem Rechtpflegeerlaß // Neue Justiz. 2 Juni. S. 353.

²⁹ Страшун Б. Участие народа в правосудии ГДР (по страницам журнала «Der Shooffe») // Советская юстиция. 1959. № 10. С. 37.

Однако это не совсем верно. История института общественных посредников восходит к началу XIX в. Впервые они были учреждены в Пруссии в 1827 г. для рассмотрения мелких гражданско-правовых споров. Сделано это было для того, чтобы разгрузить суды от этих споров. Впоследствии общественные посредники появились в других немецких государствах, а их компетенция расширилась: к ней добавились, в частности, дела об оскорблении и телесных повреждениях³⁰.

Общественные посредники не были судьями, они скорее представляли собой институт медиации. Их задачей было привести стороны к соглашению, чтобы незначительные дела не попадали в суд. В конце XIX в. попытка досудебного урегулирования конфликта у общественного посредника по уголовным делам, входившим в его компетенцию, стала обязательной³¹. Надо полагать, эффективность их работы обусловила тот факт, что они не прекращали действовать вплоть до образования Федеративной Республики Германии и Германской Демократической Республики. Однако если в ФРГ этот институт продолжал развиваться, то в ГДР в 1963 г. было решено заменить их общественными судами советского типа — примирительными комиссиями, образуемыми в жилых квартирах, общинах, сельскохозяйственных кооперативах и на частных предприятиях³².

Летом 1963 г. примирительные комиссии были созданы в порядке эксперимента в четырех районах ГДР

(Биттерфельд, Пирна, Деммин и Берлин-Фридрихсгейн). К их компетенции были отнесены дела о малозначительных преступлениях и гражданско-правовые споры на небольшие суммы. К концу сентября они в общей сложности провели 58 заседаний, 33 из которых были посвящены правонарушениям, а 25 — гражданско-правовым спорам³³. В августе 1964 г. первый секретарь ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт отметил, что опыт оказался удачным, и призвал его расширять с опорой на практику конфликтных комиссий. Примириительные комиссии (по аналогии с конфликтными) должны были стать инструментом для привлечения граждан к самоуправлению и самовоспитанию³⁴. Согласно Постановлению о полномочиях местных органов власти по формированию примирительных комиссий, принятому Государственным советом ГДР 21 августа 1964 г., обязанность по учреждению на местах указанных комиссий возлагалась на местные органы. Для этих целей должны были формироваться специальные рабочие группы, куда входили в том числе члены действующих конфликтных комиссий. Завершить создание сети примирительных комиссий планировалось к 1966 г.³⁵

Формирование примирительных комиссий шло активно. К марта 1965 г. было создано 610 таких комиссий³⁶.

³⁰ Wach, H. Preußische Schiedsmannsordnung verkündet // SchiedsamtZeitung. 2002. № 10. S. 213.

³¹ Ibid.
³² Väth, E. 18 Jahre wieder Schiedspersonen im Osten // SchiedsamtZeitung. 2008. № 12. S. 271.

³³ Benjamin, H. Zur Geschichte der Rechtspflege der DDR 1961–1971. Berlin, 1986. S. 121.

³⁴ Die Bildung von Schiedskommissionen — ein weiterer Schritt zur Einbeziehung der Bürger in die Bekämpfung und Verhütung von Rechtsverletzungen. Rede des Vorsitzenden des Staatsrates der DDR, Walter Ulbricht, in der 9. Sitzung des Staatsrates am 21. August 1964 // Neue Justiz. 1964. 1 September. S. 513–514.

³⁵ Jaenchen, S., Winkler, R. Zur Richtlinie über die Bildung und Tätigkeit von Schiedskommissionen // Neue Justiz. 1964. 1 September. S. 515–516.

³⁶ Winkler, R., Jaenchen, S. Erfahrungen mit der Bildung und Tätigkeit von Schiedskommissionen // Neue Justiz. 1965. 2 Juli. S. 443–444.

К 1967 г. их число увеличилось до 5 620, т.е. более чем в 9 раз. Впоследствии количество примирительных комиссий менялось незначительно. За 1967 г. указанными комиссиями было рассмотрено 29 400 дел: в основном это были дела о клевете (всего 13 288) и гражданско-правовые споры (всего 9 761)³⁷. В марте 1967 г. Государственный совет ГДР издал директиву об успешном завершении создания сети примирительных комиссий³⁸.

В литературе высказывается мнение, что конфликтные комиссии были принципиально новым для немецкой правовой системы явлением, основанным на опыте советских товарищеских судов, тогда как примирительные комиссии выросли из института общественных посредников³⁹. Примирительные комиссии действительно имели черты института общественных посредников. Однако в то же время они напоминали советские общественные суды (не могли не напоминать, поскольку советский образец играл важную роль при их создании). Так, согласно названному выше Постановлению от 21 августа 1964 г.⁴⁰, в духе воспринятого из СССР подхода примирительные комиссии рассматривались как органы воспитания и самообразования граждан. В то же время одной из их основных задач, согласно Постановлению, было достижение примирения граждан до не-посредственного рассмотрения дела. На практике большинство дел об ос-

корблениях действительно заканчивались примирением сторон еще до непосредственного рассмотрения их комиссиями⁴¹.

Примирительные комиссии формировались из выборных представителей от местного населения в количестве от 5 до 15 человек. В их компетенцию входили незначительные гражданско-правовые споры, алиментные дела, случаи уклонения граждан от общественно полезной работы и неисполнения родителями обязанностей по обучению детей в школах и т.д. Кроме того, по решению органов следствия, прокурора или суда примирительным комиссиям могли быть переданы на рассмотрение дела о незначительных правонарушениях. Указанные государственные органы должны были оценивать в каждом случае, способна ли примирительная комиссия справиться с тем или иным делом.

Процедура рассмотрения дел в примирительных комиссиях, как и в конфликтных, была четко регламентирована и походила на судебное разбирательство, а решения могли быть обжалованы в суд. Деятельность примирительных комиссий также контролировал прокурор — ему направлялись копии всех их решений.

Расширение сети и работы общественных судов, начавшееся с конца 1950-х годов, объяснялось, помимо восприятия советского регулирования и стабилизации обстановки, также изменением основного направления уголовной политики ГДР. Было провозглашено, с одной стороны, что для искоренения преступности требовалось максимальное участие в этом процессе общественности. С другой стороны, новый этап развития социалистической

³⁷ Reinwarth, H. Rechtsprobleme in der Tätigkeit der Schiedskommissionen // Neue Justiz. 1968. 2 Januar. S. 41.

³⁸ Winkler, R., Gorner, K. Erfahrungen aus der Tätigkeit der Schiedskommissionen // Neue Justiz. 1967. 2 Mai. S. 300.

³⁹ Körting, E. Grundtendenzen in der Entwicklung der gesellschaftlichen Gerichte der DDR // Jahrbuch für Ostrecht. Vol. 221. 1981. S. 107.

⁴⁰ Gesetzblatt der Deutsche Demokratische Republik. 1964. Teil I. № 9. S. 115–123.

⁴¹ Benjamin, H. Op. cit. S. 180.

государственности в ГДР делал возможной (и необходимой) гуманизацию уголовной политики. В рамках такой гуманизации уголовная ответственность в некоторых случаях должна была заменяться мерами общественного принуждения. Конфликтные и примирительные комиссии как раз и являлись теми институтами, которые эти меры применяли⁴².

В соответствии с данным подходом в 1968 г. был принят Уголовный кодекс ГДР. Он основывался на принципах ответственности каждого государственного органа, каждой организации и каждого гражданина за предотвращение преступлений, а также дифференциации мер наказания. Реализация этих принципов требовала расширения практики общественных судов и превращения их из комиссий в собственно суды⁴³.

В 1968 г. был принят новый закон, который объединил в себе примирительные и конфликтные комиссии, — Закон об общественных судах⁴⁴. Наряду с этим двумя отдельными указами Государственного совета ГДР были подробно урегулированы выборы и порядок деятельности конфликтных и примирительных комиссий⁴⁵.

В Законе об общественных судах было зафиксировано, что целью деятель-

ности указанных судов в первую очередь является защита прав и законных интересов граждан, а также обеспечение нормальных условий социалистического общежития. Общественные суды могли рассматривать дела о незначительных правонарушениях, в том числе передаваемые им органами власти, гражданско-правовые и трудовые споры и т.д. В контексте основных задач общественных судов примечательно, что они могли, помимо назначения виновному санкций, также давать рекомендации по устранению причин и условий возникновения правонарушений. Эти рекомендации направлялись руководителям предприятий, общественных организаций, государственных органов и учреждений, к которым принадлежал виновный.

Надо сказать, что аналогичные изменения начались десятилетием ранее в СССР, так что и здесь ГДР повторяла советский опыт. О гуманизации уголовной политики заговорили вскоре после смерти И.В. Сталина, а Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятые в 1958 г., а затем и новый Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. зафиксировали эти тенденции. Так, было запрещено применение уголовного закона по аналогии, повышен возраст уголовной ответственности, сокращен перечень наказаний и уголовно наказуемых деяний и т.д. В русле этих тенденций правительство обратило особое внимание и на развитие общественных форм участия в судебной и правоохранительной деятельности⁴⁶.

Однако внимание к товарищеским судам со стороны советского правительства было обусловлено в том чис-

⁴² Беньямин М. Указ. соч. С. 375.

⁴³ Das neue Strafrecht — erstes humanistisches Strafrecht in der deutschen Geschichte Stellungnahme des Verfassungs- und Rechtsausschusses sowie der Ausschüsse für Auswärtige Angelegenheiten, für Nationale Verteidigung und für Eingaben der Bürger, vorgetragen in der 6. Tagung der Volkskammer am 12. Januar 1968 von der Abgeordneten Rosel Walthe // Neue Justiz. 1968. S. 66–67.

⁴⁴ Gesetz über die gesellschaftlichen Gerichte der Deutschen Demokratischen Republik vom 11. Juni 1968. URL: <https://www.verfassungen.de/ddr/gesellschaftlichegerichte68.htm> (дата обращения: 10.10.2025).

⁴⁵ Benjamin, H. Op. cit. S. 175.

⁴⁶ Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 244–245.

ле чисто идеологическим моментом. К концу 1950-х годов в печати и выступлениях партийных и политических деятелей, в том числе и Н.С. Хрущева, снова появился тезис об отмирании государства, популярный в 1920-е годы. В рамках этого процесса особую роль играло максимальное привлечение тружеников к управленческим процессам, в том числе с помощью товарищеских судов⁴⁷.

Во многом благодаря такой идеологической окраске советские товарищеские суды всегда рассматривались сугубо как общественные институты, отдельные от государственной судебной системы. В ГДР тезис об отмирании государства в связи с общественными судами никогда не звучал. Указанные суды выполняли более практические (хотя и идеологически обусловленные) задачи. Надо думать, в том числе поэтому они рассматривались как часть судебной системы ГДР. Показательно, что в ст. 92 Конституции ГДР, принятой 6 апреля 1968 г., указывалось, что правосудие в республике осуществляется в том числе общественными судами в рамках возложенных на них закона и задач⁴⁸. Судьи общественных судов признавались равными по статусу судьям государственных судов, такими же носителями судебной власти⁴⁹. Отсюда и более формализованный порядок работы, и возможность обжаловать решения общественных судов в государ-

⁴⁷ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января — 5 февраля 1959 г. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1959. С. 102–103.

⁴⁸ Конституция Германской Демократической Республики от 6 апреля 1968 г. // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: <http://www.worldconstitutions.ru> (дата обращения: 07.10.2025).

⁴⁹ Posorski, F. Die verfassungsmäßige Stellung der gesellschaftlichen Gerichte // Neue Justiz. 1969. S. 230.

ственными, и тесная связь с правоохранительными (о чем говорилось выше) и судебными органами (в своей работе общественные суды ориентировались на практику вышестоящих судов и Верховного суда⁵⁰).

В марте 1982 г. был принят последний закон, регулировавший деятельность и конфликтных, и примирительных комиссий ГДР, — закон об общественных судах. Вместе с тем указами Государственного совета ГДР были введены в действие новые правила выборов и рассмотрения дел в конфликтных и примирительных комиссиях⁵¹. На момент принятия этих актов сеть общественных судов была обширной: согласно официальной статистике, она включала 5 237 примирительных комиссий и 26 282 конфликтные комиссии⁵². Обновлению нормативной основы предшествовала большая подготовительная работа: с 1978 г. специальные правительственные рабочие группы изучали работу конфликтных и примирительных комиссий на местах, проводили совещания с членами и даже участвовали в работе указанных комиссий⁵³.

Сущностных изменений в концепцию и назначение общественных судов названный закон не внес, однако уточнил некоторые положения. Предшествующий период работы конфликтных

⁵⁰ Otte, S., Kusior, S., Röster, H. Die Konflikt-kommission. Arbeitsmaterialien für die Tätigkeit der gesellschaftlichen Gerichte in den Betrieben. Berlin, 1980. S. 277.

⁵¹ Langer, S., Posorski, F., Winkler, R. Die Konflikt-kommission hat eingeladen... Über die Tätigkeit der Konflikt- und Schiedskomissionen. Berlin, 1984. S. 14.

⁵² Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik (DDR), 27. Jahrgang 1982. Berlin, 1982. S. 395.

⁵³ Stellungnahme des Verfassungs- und Rechtsausschusses der Volkskammer der DDR Berichterstatter: Prof. Dr. Wolfgang Weichelt, Vorsitzender des Ausschusses // Neue Justiz. 1982. S. 148.

и примирительных комиссий был оценен как успешный, поэтому было решено расширить их полномочия. Так, был увеличен размер штрафов, которые они могли налагать, им предоставлена возможность направлять обвиняемых на общественно полезные работы. Также в целях контроля за исполнением решений общественные суды получили право требовать отчеты о таковом исполнении. Все эти нововведения должны были способствовать более эффективной борьбе за законность и воспитательной работе общественных судов⁵⁴.

Аналогичные процессы произошли незадолго до этого в СССР. В 1977 г. было принято новое положение о товарищеских судах⁵⁵. Оно также не внесло принципиальных изменений в их компетенцию и порядок работы. Новым было, например, образование общественных советов для содействия и координации работы товарищеских судов, а также возможность обжаловать решения указанных судов в профсоюзный комитет или исполнительный комитет местного совета народных депутатов.

Однако действовали эти акты недолго. Общественные суды в ГДР были ликвидированы после объединения Германии в 1990 г. Вместо конфликтных комиссий для разрешения трудовых споров на предприятиях предполага-

лось создать примирительные комиссии, но они так и не были созданы⁵⁶. Аналогично и в Российской Федерации с принятием Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»⁵⁷ в 1995 г. было прекращено действие нормативных актов о товарищеских судах.

Таким образом, развитие института общественных судов в СССР и ГДР во второй половине XX в. шло параллельно. Происходило это главным образом потому, что Правительство Германской Демократической Республики ориентировалось на советский образец. Однако общественные суды ГДР имели особенности, продиктованные специфическими местными условиями. Это касалось и компетенции общественных судов, и их встраивания в государственную судебную систему. Наиболее явными эти особенности были на начальном этапе их создания. Впоследствии они стали больше походить на советские товарищеские суды (хотя некоторые различия все равно сохранялись). Надо полагать, переработка и адаптация советского опыта и стали причиной того, что общественные суды успешно действовали вплоть до объединения Германии, а после указанного события оставались (и остаются) объектами обсуждений и исследований.

⁵⁴ Neues Gesetz über die gesellschaftlichen Gerichte Begründung des Gesetzentwurfs durch den Stellvertreter des Vorsitzenden des Ministerrates und Minister der Justiz, Hans-Joachim Heusinger, in der Tagung der Volkskammer am 25. März 1982 // Neue Justiz. 1982. S. 146–148.

⁵⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 12.

⁵⁶ Kothe, W. Konfliktkommissionen in der DDR — Historische Erfahrungen als Impulse für aktuelle Diskussionen? // 27. Kongreß der Deutschen Gesellschaft für Soziologie — Gesellschaften im Umbruch: Sektionen und Arbeitsgruppen. Halle, 1995. S. 342.

⁵⁷ С3 РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.

Литература

- Беньямин М. Борьба с преступностью и отказ от уголовного преследования в ГДР / М. Беньямин // Вопросы уголовного права стран народной демократии : сборник статей / под редакцией А.А. Пионтковского, М.А. Гельфера. Москва : Издательство иностранной литературы, 1963. С. 374–391.

2. Васильев В.А. Товарищеские суды: история, перспективы деятельности в условиях рынка / В.А. Васильев // Трудовое право. 2008. № 1. С. 18–21.
3. Гаврилова А.В. Товарищеские суды в СССР и европейских странах «народной демократии» / А.В. Гаврилова // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 199–207.
4. Икорский П.И. Организация и деятельность товарищеских судов в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) : диссертация кандидата юридических наук / П.И. Икорский. Москва, 1965. 397 с.
5. Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель» / А.В. Пыжиков. Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 511 с.
6. Страшун Б. Участие народа в правосудии ГДР (по страницам журнала «Der Shooffe») / Б. Страшун // Советская юстиция. 1959. № 10. С. 33–37.
7. Филимонов Б.А. Конфликтные и примирительные комиссии в Германской Демократической Республике / Б.А. Филимонов // Общественные суды в европейских социалистических странах : сборник статей. Москва : Издательство Московского университета, 1968. С. 48–78.
8. Яковлева В.А. Создание производственно-товарищеских судов в РСФСР в конце 1920-х — начале 1930-х годов / В.А. Яковлева // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2024. № 1. С. 45–58.
9. Benjamin, H. Zur Geschichte der Rechtspflege der DDR 1961–1971 / H. Benjamin. Berlin : Staatsverlag der DDR, 1986. 399 s.
10. Brown, E.G. The Disputes and Arbitration Commissions: Social Organs for the Administration of Justice in the German Democratic Republic / E.G. Brown // Case Western Reserve Journal of International Law. 1968. Vol. 1. Iss. 1. P. 5–27.
11. Brüning, H.H. Die Konfliktkommissionen in der DDR / H.H. Brüning. Frankfurt am Main : PL Academic Research, 2016. 817 s.
12. Jaenchen, S. Zur Richtlinie über die Bildung und Tätigkeit von Schiedskommissionen / S. Jaenchen, R. Winkler // Neue Justiz. 1964. 1 September. S. 515–516.
13. Kellner, H. Die Tätigkeit der Gerichte in Arbeitsrechtssachen / H. Kellner, F. Kaiser, W. Schulz. Berlin : Staatsverlag der DDR, 1966. 375 s.
14. Kirchner, R. Die Entwicklung der Konfliktkommissionen nach dem Rechtpflegeerlaß / R. Kirchner // Neue Justiz. 2 Juni. S. 353.
15. Kothe, W. Konfliktkommissionen in der DDR. Historische Erfahrungen als Impulse für aktuelle Diskussionen? / W. Kothe // 27. Kongreß der Deutschen Gesellschaft für Soziologie. Gesellschaften im Umbruch: Sektionen und Arbeitsgruppen / eds. by H. Sahner, S. Schwendtner. Halle : VS Verlag für Sozialwissenschaften Wiesbaden, 1995. S. 342–346.
16. Körtting, E. Grundtendenzen in der Entwicklung der gesellschaftlichen Gerichte der DDR / E. Körtting // Jahrbuch für Ostrecht. Vol. 221. 1981. S. 103–116.
17. Langer, S. Die Konfliktkommission hat eingeladen... Über die Tätigkeit der Konflikt- und Schiedskommissionen / S. Langer, F. Posorski, R. Winkler. Berlin : Staatsverlag der DDR, 1984. 111 s.
18. Lubini, J. Die Verwaltungsgerichtsbarkeit in den Ländern der SBZ/DDR 1945–1952 / J. Lubini. Tübingen : Mohr Siebeck, 2015. 319 s.
19. Müller, M. Eine neue Qualität der Arbeit der Konfliktkommissionen / M. Müller // Neue Justiz. 1966. 2 Juni. S. 381.
20. Otte, S. Die Konfliktkommission. Arbeitsmaterialien für die Tätigkeit der gesellschaftlichen Gerichte in den Betrieben / S. Otte, S. Kusior, H. Röster. Berlin : Verlag Tribüne, 1980. 374 s.
21. Posorski, F. Die verfassungsmäßige Stellung der gesellschaftlichen Gerichte / F. Posorski // Neue Justiz. 1969. S. 230.
22. Reinwarth, H. Rechtsprobleme in der Tätigkeit der Schiedskommissionen / H. Reinwarth // Neue Justiz. 1968. 2 Januar. S. 41.
23. Schlegel, R. Das neue Verfahren in Arbeitssachen / R. Schlegel // Neue Justiz. 1953. № 11. S. 350–351.

24. Väth, E. 18 Jahre wieder Schiedspersonen im Osten / E. Väth, // *SchiedsamtZeitung*. 2008. № 12. S. 271.
25. Wach, H. Preußische Schiedsmannsordnung verkündet / H. Wach // *SchiedsamtZeitung*. 2002. № 10. S. 213.
26. Winkler, R. Erfahrungen aus der Tätigkeit der Schiedskommissionen / R. Winkler, K. Gorner // *Neue Justiz*. 1967. 2 Mai. S. 300.
27. Winkler, R. Erfahrungen mit der Bildung und Tätigkeit von Schiedskommissionen / R. Winkler, S. Jaenchen // *Neue Justiz*. 1965. 2 Juli. S. 443–444.

References

1. Benyamin, M. Borba s prestupnostyu i otkaz ot ugolovnogo presledovaniya v GDR [Crime Combating and Abandoning of Criminal Prosecution in the German Democratic Republic] / M. Benyamin // *Voprosy ugolovnogo prava stran narodnoy demokratii : sbornik statey / pod redaktsiey A.A. Piontkovskogo, M.A. Gelfera*. Moskva : Izdatelstvo inostrannoy literatury' — Criminal Law Issues in the People's Democracies : collection of articles / edited by A.A. Piontkovsky, M.A. Gelfer. Moscow : Publishing House of Foreign Literature, 1963. S. 374–391.
2. Vasilyev, V.A. Tovarischeskie sudy': istoriya, perspektivy' deyatelnosti v usloviyah ry'nika [Comrades' Courts: History, Prospects of Activities in Market Conditions] / V.A. Vasilyev // *Trudovoe pravo* — Labor Law. 2008. № 1. S. 18–21.
3. Gavrilova, A.V. Tovarischeskie sudy' v SSSR i evropeyskikh stranakh «narodnoy demokratii» [Comrades' Courts in the USSR and the European People's Democracies] / A.V. Gavrilova // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* — Bulletin of the Tomsk State University. 2024. № 504. S. 199–207.
4. Ikorskij, P.I. Organizatsiya i deyatelnost tovarischeskikh sudov v pervy'e gody' sovetskoy vlasti (1917–1922 gg.) : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Organization and Activities of Comrades' Courts in the Early Years of the Soviet Rule (1917–1922) : thesis of PhD (Law)] / P.I. Ikorskij. Moskva — Moscow, 1965. 397 s.
5. Pyzhikov, A.V. Khruschevskaya «ottepel» [The Khrushchev Thaw] / A.V. Pyzhikov. Moskva : OLMA-PRESS — Moscow : OLMA-PRESS, 2002. 511 s.
6. Strashun, B. Uchastie naroda v pravosudii GDR (po stranitsam zhurnala «Der Schöffe») [Public Participation in Justice in the German Democratic Republic (Pages of the Der Schöffe Journal)] / B. Strashun // *Sovetskaya yustitsiya* — Soviet Justice. 1959. № 10. S. 33–37.
7. Filimonov, B.A. Konfliktny'e i primiritelny'e komissii v Germanskoy Demokraticeskoy Respublike [Dispute and Conciliation Commissions in the German Democratic Republic] / B.A. Filimonov // *Obschestvenny'e sudy' v evropeyskikh sotsialisticheskikh stranakh : sbornik statey*. Moskva : Izdatelstvo Moskovskogo universiteta — Social Courts in European Socialist Countries : collection of articles. Moscow : Publishing house of the Moscow University, 1968. S. 48–78.
8. Yakovleva, V.A. Sozdanie proizvodstvenno-tovarischeskikh sudov v RSFSR v kontse 1920-kh — nachale 1930-kh godov [The Establishment of Production and Comrades' Courts in the RSFSR in the Late 1920s — Early 1930s] / V.A. Yakovleva // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11 : Pravo* — Bulletin of the Moscow University. Series 11 : Law. 2024. № 1. S. 45–58.
9. Benjamin, H. Zur Geschichte der Rechtspflege der DDR 1961–1971 / H. Benjamin. Berlin : Staatsverlag der DDR, 1986. 399 s.
10. Brown, E.G. The Disputes and Arbitration Commissions: Social Organs for the Administration of Justice in the German Democratic Republic / E.G. Brown // *Case Western Reserve Journal of International Law*. 1968. Vol. 1. Iss. 1. S. 5–27.
11. Brüning, H.H. Die Konfliktkomissionen in der DDR / H.H. Brüning. Frankfurt am Main : PL Academic Research, 2016. 817 s.
12. Jaenchen, S. Zur Richtlinie über die Bildung und Tätigkeit von Schiedskommissionen / S. Jaenchen, R. Winkler // *Neue Justiz*. 1964. 1 September. S. 515–516.

13. Kellner, H. Die Tätigkeit der Gerichte in Arbeitsrechtssachen / H. Kellner, F. Kaiser, W. Schulz. Berlin : Staatsverlag der DDR, 1966. 375 s.
14. Kirchner, R. Die Entwicklung der Konfliktkommissionen nach dem Rechtpflegeerlaß / R. Kirchner // Neue Justiz. 2 Juni. S. 353.
15. Kohte, W. Konfliktkommissionen in der DDR. Historische Erfahrungen als Impulse für aktuelle Diskussionen? / W. Kohte // 27. Kongreß der Deutschen Gesellschaft für Soziologie. Gesellschaften im Umbruch: Sektionen und Arbeitsgruppen / eds. by H. Sahner, S. Schwendtner. Halle : VS Verlag für Sozialwissenschaften Wiesbaden, 1995. S. 342–346.
16. Körting E. Grundtendenzen in der Entwicklung der gesellschaftlichen Gerichte der DDR / E. Körting // Jahrbuch für Ostrecht. Vol. 221. 1981. S. 103–116.
17. Langer, S. Die Konfliktkommission hat eingeladen... Über die Tätigkeit der Konflikt- und Schiedskommissionen / S. Langer, F. Posorski, R. Winkler. Berlin : Staatsverlag der DDR, 1984. 111 s.
18. Lubini, J. Die Verwaltungsgerichtsbarkeit in den Ländern der SBZ/DDR 1945–1952 / J. Lubini. Tübingen : Mohr Siebeck, 2015. 319 s.
19. Müller, M. Eine neue Qualität der Arbeit der Konfliktkommissionen / M. Müller // Neue Justiz. 1966. 2 Juni. S. 381.
20. Otte, S. Die Konfliktkommission. Arbeitsmaterialien für die Tätigkeit der gesellschaftlichen Gerichte in den Betrieben / S. Otte, S. Kusior, H. Röster. Berlin : Verlag Tribüne, 1980. 374 s.
21. Posorski, F. Die verfassungsmäßige Stellung der gesellschaftlichen Gerichte / F. Posorski // Neue Justiz. 1969. S. 230.
22. Reinwarth, H. Rechtsprobleme in der Tätigkeit der Schiedskommissionen / H. Reinwarth // Neue Justiz. 1968. 2 Januar. S. 41.
23. Schlegel, R. Das neue Verfahren in Arbeitssachen / R. Schlegel // Neue Justiz. 1953. № 11. S. 350–351.
24. Väth, E. 18 Jahre wieder Schiedspersonen im Osten / E. Väth, // SchiedsamtZeitung. 2008. № 12. S. 271.
25. Wach, H. Preußische Schiedsmannsordnung verkündet / H. Wach // SchiedsamtZeitung. 2002. № 10. S. 213.
26. Winkler, R. Erfahrungen aus der Tätigkeit der Schiedskommissionen / R. Winkler, K. Gorner // Neue Justiz. 1967. 2 Mai. S. 300.
27. Winkler, R. Erfahrungen mit der Bildung und Tätigkeit von Schiedskommissionen / R. Winkler, S. Jaenchen // Neue Justiz. 1965. 2 Juli. S. 443–444.

Внимание!

Электронные версии статей и журналов
Издательской группы «Юрист»
можно приобрести на сайте lawinfo.ru

Для приобретения электронной версии
нужно зайти на страницу интересующего
Вас издания и оформить покупку.

DOI: 10.18572/3034-2953-2025-4-25-34

Поступила в редакцию: 30.05.2025. Принята к публикации: 22.10.2025.

Право и цифровой суверенитет: между Востоком и Западом*

**Романовская Ольга Валентиновна,
главный научный сотрудник Научно-исследовательского института
фундаментальных и прикладных исследований
Пензенского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
olga71.olgarom@gmail.com**

В статье рассматривается понимание цифрового суверенитета, сложившееся в странах Европейского союза и в Китайской Народной Республике. Представлено общее видение цифрового суверенитета, сложившееся во Франции. Подчеркивается, что именно в этой стране произошло первое использование данного понятия (в 1997 г., автор — П. Белланжер). Развитие интернета на принципах полной свободы рассматривалось как скрытая экспансия американских гигантов технологической индустрии, как новая форма колониализма, приобретающая цифровую оболочку. Такие идеи оказывают влияние на французскую правотворческую политику, обусловившую появление Закона № 2016-1321 от 7 октября 2016 г. о цифровой республике и создание Института цифрового суверенитета. Исследован опыт Германии, где создан Центр цифрового суверенитета государственного управления, призванного анализировать возможности ИТ-рынка по предоставлению цифровых решений для государственного управления. Германский подход построен на необходимости создания конкурентных начал, что предотвратит зависимость от поставщиков цифровых услуг. Одновременно подчеркивается необходимость опоры на цифровые решения с открытым кодом. Представлены общая характеристика «европейского цифрового суверенитета», продвигаемого на уровне Европейского союза, а также сложности реализации данной концепции. Обозначено общее понимание цифрового суверенитета, разрабатываемого в Китайской Народной Республике, строящегося на осуществлении национального контроля над данными; программным обеспечением; аппаратным обеспечением; цифровыми услугами; сетевой инфраструктурой; стандартами и правилами цифрового взаимодействия. Выделено, что в Китае данное понятие рассматривается только применительно к государству в целом, подчеркиваются его защитный характер, а также сбалансированность и умеренность в регулировании.

Ключевые слова: цифровизация, цифровой суверенитет, государственное регулирование, Франция, Германия, европейский цифровой суверенитет, Китай.

Цифровой суверенитет стал одной из популярных тем в юридических исследованиях современного мира. В Российской Федерации она приобретает повышенное внимание в силу внешнего политического воздействия, проходящего в последнее десятилетие,

которое сопровождается атаками в информационном пространстве. Но информационное поле — не единственное поле противостояния (хотя и одно из самых значимых). Цифровые технологии, трансформируя коммуникационные связи, тем самым преобразовывают

* Статья подготовлена в рамках исследования «Правовые основы цифрового государства (сервисного государства 2.0)», выполненного при финансовой поддержке Российского научного фонда; проект № 25-28-00322. URL: <https://rscf.ru/project/25-28-00322/>

практически все сферы общественной жизни. При этом цифровизация, как ни одно другое явление, способствует децентрализации и глобализации (что, в свою очередь, оказывает значимое влияние на государство и право).

Построение иерархических связей характерно для традиционных моделей управления, которые формировались одновременно с развитием бюрократической машины государства. Ему присущи определенные принципы информационного обмена: опора на официальные сообщения государственных органов и агентств, контроль за источниками массовой информации, пассивность потребителя информации, отсечение параллельных источников информации, которые могут нанести вред национальным интересам. Несмотря на то что на протяжении всего XX в. появлялись новые формы распространения информации — печатные издания, радио, телевидение — каждое из них находилось под определенным контролем. Более того, государство научилось манипулировать ими для формирования полезного (в понимании государства, а указание на полезность помещено в текст без какой-либо тени сарказма) поведения граждан.

Сейчас можно наблюдать совершенно иную картину. Во-первых, информация в современном мире распространяется с помощью цифровых технологий. Аналоговый мир уходит в прошлое. Это привело к тому, что указанные выше источники информации теряют свое первостепенное значение. Каждое последующее поколение все меньше обращается к газетам и ТВ (а уж тем более радио) для того, чтобы узнать о происходящем в мире. Во-вторых, изменились скорость и масштаб распространения информации. Любые события практически сразу становятся известны. Многие из них транслируются

в прямом эфире, а благодаря доступности смартфонов и покрытию сотовой связи за ними можно наблюдать в любом месте, не отвлекаясь от повседневных забот. Технология космического интернета (которую продвигает Илон Маск и его компания «Старлинк») только упрощает доступ к информации и вход в цифровой мир. В-третьих, именно информация становится «кровью» любой экономики. Этот термин все больше употребляют по аналогии с нефтью, на которую возлагались такие же надежды еще несколько десятков лет назад. Данная тенденция хорошо наблюдается по капитализации гигантов мировой индустрии, заметно потеснивших добывающие компании. Даже в научных отчетах используется термин «великолепная семерка», который распространяется на известную аббревиатуру GAFAM+2, включающую мировых лидеров: Alphabet-Google, Amazon, Meta (Facebook)¹, Apple, Microsoft, Nvidia и Tesla. На май 2025 г. первое место по капитализации занимает Microsoft — 3,359 трлн долларов США². Российские добывающие компании входят только в пятую сотню рейтинга. И счет идет лишь на десятки миллиардов долларов США. Рыночная капитализация **Роснефти составляла 58,65 млрд долларов США (еще в январе 2025 г. — 67,33 млрд долларов США)**.

Появление новых лидеров экономики связано с тем, что именно они выступают ключевыми проводниками (в широком смысле этого слова) информационных потоков. Для их обозначения появился новый термин Big Tech. Эти компании выступают основными производителями цифровой ин-

¹ Признана в России экстремистской организацией.

² Все данные по капитализации: Companies Market Cap. URL: <https://companiesmarketcap.com/> (date of access: 16.10.2025).

фраструктуры, а также превращения информации в экономическую прибыль. С учетом перевода информационных потоков в цифровое поле, усиления их роли в решении ежедневных насущных проблем меняется роль государства. Приоритетом становятся обеспечение кибербезопасности и технологическая независимость. Само государство превращается в одну большую технологическую платформу, что обусловило появление целой концепции «государство как платформа». Обращение к методологическим документам, которые нацелены на обоснование и продвижение данной концепции, показывает, что трансформация государства будет носить глобальный характер. Так, в одном из стратегических докладов «Государство как платформа»³ подчеркивается снижение роли «посредника» между информацией и гражданами и организациями. Вся система публичного управления превращается в информационный обмен, где посредником становится платформа (интерфейс с многофункциональными проактивными возможностями). В случае достижения заявленных целей «посредник», а точнее, орган государства, становится лишним. Для наладки оборудования необходимо технологическое обслуживание, а не внешнее управление должностного лица (именно человека) с властными полномочиями. Происходит фронтолиз (размывание) границ между человеком и государством. Если в период абсолютной монархии девизом была королевская фраза «государство — это я», то сейчас девиз надвигающейся трансформации «государство для меня». Подобные подходы отражаются в стратегиях развития стран, занимающих лидирую-

щие позиции в проектах цифрового государства: Сингапур — «Умная нация 2.0»⁴; Япония — «Общество 5.0»⁵; Китайская Народная Республика — «Сделано в Китае 2025»⁶.

Возникающие риски и угрозы обусловили появление новой парадигмы — цифровой суверенитет. Анализ мировой научной литературы показывает, что данный термин в первую очередь ассоциируется с политикой Китая, Индии, России и Европейского союза. Подобная последовательность стран указывает на уникальность положения Российской Федерации — мостика между Востоком и Западом. Для нас интересен опыт всех приведенных стран, поскольку он позволяет применить именно те практики и идеи, которые показали свою востребованность и положительный эффект.

Несмотря на то что идея цифрового суверенитета (в употребляемом в СМИ понимании) больше всего ассоциируется с политикой «Золотого купола» в Китае, первое использование данного термина (получившего медийное распространение) произошло во Франции. Автором понятия стал известный французский политолог и исследователь П. Белланжер, обозначивший ключевые расхождения, которые формируются между реальным (аналоговым) и цифровым миром. Первая публикация была в 1997 г.⁷, когда не было таких понятий, как мессенджеры, социальные сети, цифровые платформы, облачные технологии. Но уже тогда П. Белланжер сравнивал информационные миры

⁴ Smart Nation URL: <https://www.smartnation.gov.sg/> (date of access: 16.10.2025).

⁵ Science, Technology and Innovation Basic Plan. 2021. March 26. Government of Japan. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/english/sti_basic_plan.pdf (date of access: 16.10.2025).

⁶ 中国制造2025. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm (date of access: 16.10.2025).

⁷ Bellanger, P. Internet: de L'Aquarium à L'Océan // Les cahiers de l'audiovisuel. 1997. Iss.12. P. 88–101.

³ Государство как платформа: Люди и технологии / под ред. М.С. Шклярук. М. : РАНХиГС, 2019. 111 с.

настоящего и будущего как аквариум и океан. В первом случае можно говорить о замкнутом пространстве, которое регулируется национальными элитами путем «ограничений и принуждений». Во втором — универсальность цифровых технологий поглощает любые сферы взаимодействия. Цифровизация становится соединительной тканью для любых аспектов общественной жизни. Для этого П. Белланжер неоднократно использует термин «конвергенция». Как итог: «Информационная эпоха демарханизирует, устраниет посредников и децентрализует в пользу открытых горизонтальных сетей, допускающих прямой контакт». В его понимании государство при развитии цифровых технологий становится наиболее пострадавшим субъектом. Выход виделся в социальной мобилизации. Политические эссе публиковались в первую очередь для французов, поэтому во всех публикациях всегда содержался призыв к усилению роли государства. Средством отстаивания собственных национальных интересов выступала как раз идея цифрового суверенитета⁸. Основная угроза виделась в экспансии американских технологических компаний, где политика продвижения инноваций определялась как «американский неоколониализм»⁹.

Необходимо отметить, что подобные оценки нашли не только отклик в научной французской среде, но во многих законодательных инициативах. Так, именно во Франции действует Институт цифрового суверенитета¹⁰. А в со-

ответствии со ст. 29 Закона о цифровой республике № 2016-1321 от 7 октября 2016 г.¹¹ Правительству поручено создать Комиссиат по цифровому суверенитету.

Основная миссия Института цифрового суверенитета заключается в появлении площадки для создания «синергии по вопросам, связанным с европейским цифровым суверенитетом», а также в просвещении граждан по вопросам цифрового суверенитета, содействии защите киберпространства, формировании правовых и политических действий для утверждения цифрового суверенитета над отечественными цифровыми ресурсами (включая данные), способствовании цифровой трансформации государства, но с сохранением его традиционных функций по защите прав и свобод граждан Франции. В одном из последних отчетов Института указывается особая роль смартфонов, ставших в настоящее время «внешним мозгом» своих пользователей, в котором подключенные к нему объекты становятся продолжением сенсорных рецепторов человека¹². В таких условиях усложняется регулирующая роль государства. В. Мартин подчеркивает: «Государства теперь оказываются в ситуации конкуренции с другими субъектами, которые также разрабатывают нормы, — частными экономическими операторами или международными органами, — тем самым теряя на своей территории монополию на обеспечение и применение принципа верховен-

⁸ Bellanger, P. De la souveraineté numérique // Le Débat. 2012. Vol. 170. Iss. 3. P. 149–159.

⁹ Bellanger, P. De la souveraineté en général et de la souveraineté numérique en particulier // Les Echos. 2011. 30 août. URL: https://archives.lesechos.fr/archives/cercle/2011/08/30/cercle_37239.htm (date of access: 16.10.2025).

¹⁰ L'Institut de la Souveraineté Numérique. URL: <http://souverainetenumerique.fr/> (date of access: 16.10.2025).

¹¹ Loi n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000033202746> (date of access: 16.10.2025).

¹² Numérique & Développement. Durable évolutions technologiques, enjeux géopolitiques et perspectives de régulation en Europe. Institut de la Souveraineté numérique. 15 janvier 2024. URL: <http://www.souverainetenumerique.fr/sites/default/files/NUMERIQUE&DEV DURABLE-INS-CITC2024.pdf> (date of access: 16.10.2025).

ства права, что, следовательно, больше не будет прерогативой государств в рамках Сети»¹³.

Относительно создания Комиссариата по цифровому суверенитету следует отметить противоречивость данной инициативы. Еще при обсуждении Закона о цифровой республике такая идея не нашла однозначной поддержки. Уже в 2017 г. в отчете, представленном в парламент, отмечалось: «иностранные государства наблюдаются как на уровне аппаратного оборудования и программного обеспечения, так и на уровне “точек доступа” (мобильных телефонов и различных гаджетов) и мест хранения данных». Именно такая ситуация «создает проблему суверенитета, поскольку стратегическая информация государства управляет системами, над которыми государство имеет лишь частичный контроль». Итоговый вывод: в то же время создание новой Комиссии не является необходимой мерой, поскольку и так созданы различные государственные органы, выполняющие те или иные функции в сфере цифровизации и оборота данных¹⁴. В конечном итоге законодательный посыл так и не был реализован — Комиссариат не создан до сих пор. В отчете также указывается, что основная проблема реализации цифрового суверенитета заключается в общих принципах современного экономического обмена. Основным двигателем суверенизации должны стать национальные хозяйствующие субъекты.

¹³ Martin, V. La République numérique en débat au Parlement : le projet de commissariat à la souveraineté numérique // Les Nouveaux Cahiers du Conseil constitutionnel. 2017. Vol. 57. Iss. 4. P. 107–120. URL: <https://doi.org/10.3917/nccc1.057.0107>

¹⁴ Rapport etudiant la possibilite de creer un Commissariat a la souverainete numerique. Mars 2017. URL: <https://april.org/files/Rapport-etudiant-la-possibilite-de-creer-un-commissariat-a-la-souverainete-numerique-1.pdf> (date of access: 16.10.2025).

Цифровая экономика — условие цифрового суверенитета. А в качестве примера построения условий независимой цифровой экономики зачастую приводят наличие собственного поисковика, где негативной иллюстрацией выступает Германия. Первоначально действовал собственный интернет-поисковик Fireball, в начале 2000-х годов имел более 20-процентную долю рынка. В последующем именно из-за жестких регуляторных механизмов и отсутствия поддержки со стороны государства прекратил свое существование. В настоящее время основным конкурентом Google в Германии выступает российский поисковик Яндекс. Добавим, что Франция среди первых шагов в построении цифрового суверенитета объявила о продвижении собственной поисковой системы Qwant. Государственные инвестиции исчислялись весьма значительными суммами, что не привело к успеху (но к значительной критике эффективности государственных расходов). Доля рынка во Франции составляет около 2%. Сейчас происходит попытка объединения усилий с Германией в целях создания общеевропейского поисковика¹⁵.

Политическая линия Франции нашла поддержку в Германии, где также активно продвигается идея цифрового суверенитета. При федеральном правительстве введена должность уполномоченного по информационным технологиям. Его основная задача — координировать органы всех уровней власти «по вопросам ИТ в государственном управлении»¹⁶. В декабре 2022 г. под его патронажем создан

¹⁵ Türk, P. La souveraineté numérique européenne, vers une troisième voie? // Pouvoirs. 2024. Vol. 190. Iss. 3. P. 79–90. URL: <https://doi.org/10.3917/pouv.190.0079> (date of access: 16.10.2025).

¹⁶ CIO bund. URL: <https://www.cio.bund.de/Webs/CIO/DE/cio-bund/cio-bund-node.html> (date of access: 16.10.2025).

Центр цифрового суверенитета государственного управления, призванного анализировать возможности ИТ-рынка по предоставлению цифровых решений для государственного управления и потребности органов власти в цифровых технологиях при решении публичных задач. Центр выполняет также функции межведомственного взаимодействия¹⁷.

На официальном уровне цифровой суверенитет был провозглашен как цель трансформации государственного управления в 2013 г. в отчете «Пути будущего — Цифровая Германия 2020»¹⁸. Обратим внимание, что инициаторами документа стали федеральное правительство и Правительство Баварии. Выбор Баварии не случаен. Именно в этой земле принимаются амбициозные правовые акты в сфере продвижения цифровой трансформации. Так, на уровне земли принят Закон Баварии от 22 июля 2022 г. «О цифровизации»¹⁹, в котором впервые в Германии закреплен комплекс цифровых прав человека в публичной сфере. Цифровой суверенитет в Германии понимается через обеспечение независимости, автономности и безопасности всех участников цифрового обмена. Это означает, что цифровой суверенитет — свойство, которое должно принадлежать не только государству, но и каждому гражданину.

Одним из программных документов по обеспечению цифрового суве-

ренитета в Германии выступает Отчет «Укрепление цифрового суверенитета государственного управления. Ключевые моменты — цели и направления деятельности»²⁰, подготовленный весной 2020 г. Данный документ лег в основу Стратегии укрепления цифрового суверенитета ИТ-систем государственного управления, принятой в 2021 г.²¹ Во всех документах упор делается на необходимости создания конкурентных начал, что предотвратит зависимость от поставщиков цифровых услуг. Одновременно подчеркивается необходимость опоры на цифровые решения с открытым кодом. Результатом проводимой политики стало принятие Закона от 24 июля 2024 г. «О внесении изменений в Закон о доступе в режиме онлайн и другие положения о цифровизации управления»²², в соответствии с которым раздел 16а Закона об электронном правительстве устанавливает обязанность для федеральных органов власти «отдавать приоритет программному обеспечению с открытым исходным кодом по сравнению с программным обеспечением, исходный код которого не является общедоступным или лицензия которого ограничивает его использование, распространение и модификацию». В научной литературе продвигается тезис о необходимости новой организации политических процессов, которая и сможет обеспечить

¹⁷ Zentrum für Digitale Souveränität der öffentlichen Verwaltung. URL: <https://www.cio.bund.de/Webs/CIO/DE/digitale-loesungen/digitale-souveraenitaet/zentrum-fuer-digitale-souveraenitaet/zentrum-fuer-digitale-souveraenitaet-node.html> (date of access: 16.10.2025).

¹⁸ Zukunftspfade — Digitales Deutschland 2020. URL: <https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/downloads/DE/publikationen/themen/moderne-verwaltung/studie-digitales-deutschland.html> (date of access: 16.10.2025).

¹⁹ Gesetz über die Digitalisierung im Freistaat Bayern, Bayerisches Digitalgesetz — BayDiG. URL: <https://www.gesetze-bayern.de/Content/Document/BayDiG> (date of access: 16.10.2025).

²⁰ Stärkung der Digitalen Souveränität der Öffentlichen Verwaltung. Eckpunkte — Ziel und Handlungsfelder. URL: <https://www.cio.bund.de/SharedDocs/downloads/Webs/CIO/DE/digitale-loesungen/eckpunkt-papier-digitale-souveraenitaet.pdf?blob=publicationFile&v=4> (date of access: 16.10.2025).

²¹ Strategie zur Stärkung der Digitalen Souveränität für die IT der Öffentlichen Verwaltung. URL: https://www.it-planungsrat.de/fileadmin/beschluesse/2021/Beschluss2021-09_Strategie_zur_Staerzung_der_digitalen_Souveraenitaet.pdf (date of access: 16.10.2025).

²² OZGÄndG. URL: <https://www.buzer.de/gesetz/16543/index.htm> (date of access: 16.10.2025).

цифровой суверенитет. В числе изменений — децентрализация, сетевое управление, расширение круга субъектов, реализующих суверенитет²³.

В последнее время в Европе происходит попытка уйти от национального понимания цифрового суверенитета, создается концепция Европейского цифрового суверенитета, но которая пока боксует по ряду причин: наличие нескоординированных политических подходов; расходящиеся национальные предпочтения²⁴; необходимость согласования воли значительного числа государств; различный уровень технологической автономии. В настоящее время концентрируется внимание на обеспечении кибербезопасности стран Евросоюза с помощью осуществления контроля «посредством цифровых технологий»²⁵. Кибербезопасность определяется как «столп для достижения европейского цифрового суверенитета»²⁶. Тем самым происходит поиск собственного видения цифрового суверенитета, не означающего полное невмешательство со стороны государства, но и не скатывающегося

в тотальный государственный контроль²⁷. Некоторыми авторами его понимание сужается до европейской оценки содержания интернета будущего, которое в условиях развития искусственного интеллекта все больше определяется как европейский контроль за функционированием ИИ²⁸.

Представление о цифровом суверенитете, сформированное в Китайской Народной Республике, строится во многом на общих идеях, как раз сформулированных ранее в странах Европейского союза. Сейчас происходит взаимное обогащение, когда уже в странах Европейского союза используют опыт Китая. Обратим внимание, что на Глобальном Востоке европейские публикации данной тематики внимательно изучаются и подробно цитируются. Так, активно используется идея о невозможности обеспечения суверенитета исключительно политическими средствами; в цифровую эпоху одно из решающих значений приобретает технологическая автономия. При этом цифровой суверенитет выступает продолжением государственного, в рамках которого верховенство воли распространяется на киберпространство. Основные аргументы строятся на том, что сетевая инфраструктура обеспечивается юридическими лицами, находящимися под национальной юрисдикцией. Данные, которые подвергаются обработке, также принадлежат или гражданам Китая, или организациям, созданным по правилам, принятым в Китае. Глобальная сеть — фикция, в которой

²³ Wolff, M.C. Digitale Souveränität. Weilerswist : Velbrück Wissenschaft, 2022. 172 s.; Thiel, T. Forschungsdiskurse zu digitaler Souveränität // Politische Vierteljahresschrift. 2024. Vol. 65. P.835–839; Glasze, G., Odzuck, E., Staples, R. (Hg.) Was heißt digitale Souveränität? Diskurse, Praktiken und Voraussetzungen «individueller» und «staatlicher Souveränität» im digitalen Zeitalter. 322 s. URL: <https://www.transcript-verlag.de/978-3-8376-5827-9/was-heisst-digitale-souveraenitaet/> (date of access: 16.10.2025).

²⁴ Нидерланды, например, предпочитают термин «цифровая автономия».

²⁵ Bellanova, R., Carrapico, H., Duez, D. Digital sovereignty and European security integration: An introduction // European Security, 2022. Vol. 31. Iss. 3. P. 337–355. URL: <https://doi.org/10.1080/09662839.2022.2101887>

²⁶ Carver, J. More bark than bite? European digital sovereignty discourse and changes to the European Union's external relations policy // Journal of European Public Policy. 2024. Vol. 31. Iss. 8. P. 2250–2286. URL: <https://doi.org/10.1080/13501763.2023.2295523>

²⁷ Falkner, G., Heidebrecht, S., Obendiek, A., Seidl, T. Digital sovereignty — Rhetoric and reality // Journal of European Public Policy. 2024. Vol. 31. Iss. 8. P. 2099–2120. URL: <https://doi.org/10.1080/13501763.2024.2358984>

²⁸ Mügge, D. EU AI sovereignty: for whom, to what end, and to whose benefit? // Journal of European Public Policy. 2024. Vol. 31. Iss. 8. P. 2200–2225. URL: <https://doi.org/10.1080/13501763.2024.2318475>

больше всего заинтересованы гиганты технологической индустрии, ключевые из которых находятся в США. В КНР всегда подчеркивают полную асимметрию в управлении Мировой паутиной: 2/3 корневых серверов находятся на территории США, что обеспечивает определенную монополию. В случае возникновения киберугроз их отражение для США возможно с помощью «малой силы», что вряд ли может быть реализовано в других странах.

Цифровой суверенитет в понимании КНР предполагает осуществление национального контроля над данными; программным обеспечением; аппаратным обеспечением; цифровыми услугами; сетевой инфраструктурой; стандартами и правилами цифрового взаимодействия. Кроме того, подобное понимание обуславливает равные возможности в участии международного регулирования киберпространства, что в Европе многими расценивается как экспансия и давление со стороны Китая. Правильное понимание цифрового суверенитета строится на трех тезисах:

1. Основывается только на свойстве государства. Не может быть «личного суверенитета», как правило, позволяющего искусственно противопоставлять права человека и интересы государства в киберпространстве.

2. Защитный характер, указывающий на его оборонительный характер, направленный против «цифровой гегемонии» и юрисдикции «длинной руки».

3. Сбалансированность и умеренность в регулировании. Цифровой суверенитет не должен препятствовать развитию мировой цифровой экономики. Для Китая неприемлем принцип «осажденной крепости»²⁹.

Опора на национальный цифровой потенциал — главный тезис в на-

циональном понимании цифрового суверенитета, что должно проявляться в поддержке национальных компаний в строительстве мировой цифровой экономики³⁰.

Юридическое обеспечение цифрового суверенитета проявилось в принятии целого комплекса нормативных актов, центральное место среди которых занимают:

1. Закон КНР от 7 ноября 2016 г. «О кибербезопасности»³¹. В этом Законе используется несколько иной термин — «суверенитет киберпространства», который обусловлен юридическими требованиями ко всем участникам информационного обмена.

2. Закон КНР от 5 сентября 1988 г. «Об охране государственной тайны» (редакции от 29 апреля 2010 г.³²), в котором соблюдение информационной защиты приравнивается к соблюдению государственных интересов.

3. Закон КНР от 10 июня 2021 г. «О безопасности данных»³³ также устанавливает прямую связь оборота данных с интересами национальной безопасности.

Цифровой суверенитет призван минимизировать вызовы и риски, которые несут в себе хаос и неопределенность в информационном контенте в интернете в силу особенностей современных ИКТ³⁴.

²⁹ 高奇琦. 数字革命中国家主权的建构. URL: https://theory.gmw.cn/2021-12/26/content_35406869.htm (date of access: 16.10.2025).

³¹ 中华人民共和国网络安全法. URL: http://www.cac.gov.cn/2016-11/07/c_1119867116.htm (date of access: 16.10.2025).

³² 中华人民共和国保守国家秘密法. URL: http://www.gov.cn/flfg/2010-04/30/content_1596420.htm (date of access: 16.10.2025).

³³ 数据安全法. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202106/7c9af12f51334a73b56d7938f9a788a.shtml> (date of access: 16.10.2025).

³⁴ 支振锋、刘佳琨：互联网信息内容治理的中国方案 // 江西社会科学. 2023年第11期. URL: <https://law.ucass.edu.cn/info/1985/7010.htm> (date of access: 16.10.2025).

²⁹ 廖凡：数字主权与全球数字治理 // 暨南学报哲学社会科学版). 2024年第7期.

Несмотря на использование термина «цифровой суверенитет» в научной литературе, в российских официальных актах он встречается относительно редко. На укрепление цифрового суверенитета направлен Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., утвержденный Правительством РФ. В то же время используются схожие понятия, а именно: сетевой суверенитет, технологический суверенитет, информационный суверенитет. В соответствии с Указом Президента РФ от 14 апреля 2022 г. № 203 создана Межведомственная комиссия Совета безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры Российской Федерации. Правительством РФ определены приоритетные направления проектов технологического суверенитета — Постановление от 15 апреля 2023 г. № 603. Однако концепт цифрового суверенитета носит общий характер и охватывает собой все возможные оттенки его проявления (сетевая автономия, локализация данных, технологическая независимость). Это означает, что его обеспечение не может быть обусловлено единым правовым актом. По каждому из приведенных направ-

лений требуется принятие своего нормативного массива. Концепт цифрового суверенитета выступает связующим звеном для придания единства, системности, понятности. При этом реальная наполняемость цифрового суверенитета невозможна без технологической самостоятельности. В свою очередь, опора только на собственные ресурсы в конкурентной борьбе за цифровой сегмент имеет ограниченные возможности. Необходимо перенять опыт Китая в мировой экспансии собственных цифровых технологических решений. Сочетание собственной безопасности и открытости для сотрудничества — две основные цели, которые должны определять правотворческую политику современного цифрового государства. Опыт Европейского союза показывает, что цифровой суверенитет может стать объединяющим фактором для международного взаимодействия, где для Российской Федерации особые перспективы имеют такие организации, как Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС. В едином цифровом мире нельзя быть полностью самодостаточным, что уже сейчас подталкивает государства к объединению в цифровом пространстве. По-видимому, данная тенденция будет только усиливаться.

Литература

1. Bellanger, P. De la souveraineté numérique / P. Bellanger // Le Débat. 2012. Vol. 170. Iss. 3. P. 149–159.
2. Bellanger, P. De la souveraineté en général et de la souveraineté numérique en particulier / P. Bellanger // Les Echos. 2011. 30 août.
3. Bellanger, P. Internet: de L'Aquarium à L'Océan / P. Bellanger // Les cahiers de l'audiovisuel. 1997. Iss. 12. P. 88–101.
4. Bellanova, R. Digital/sovereignty and European security integration: An introduction / R. Bellanova, H. Carrapico, D. Duez // European Security. 2022. Vol. 31. Iss. 3. P. 337–355. URL: <https://doi.org/10.1080/09662839.2022.2101887>
5. Carver, J. More bark than bite? European digital sovereignty discourse and changes to the European Union's external relations policy / J. Carver // Journal of European Public Policy. 2024. Vol. 31. Iss. 8. P. 2250–2286. URL: <https://doi.org/10.1080/13501763.2023.2295523>
6. Falkner, G. Digital sovereignty — Rhetoric and reality / G. Falkner, S. Heidebrecht, A. Obendiek, T. Seidl // Journal of European Public Policy. 2024. Vol. 31. Iss. 8. P. 2099–2120. URL: <https://doi.org/10.1080/13501763.2024.2358984>

7. Martin, V. La République numérique en débat au Parlement : le projet de commissariat à la souveraineté numérique / V. Martin // Les Nouveaux Cahiers du Conseil constitutionnel. 2017. Vol. 57. Iss. 4. P. 107–120. URL: <https://doi.org/10.3917/nccc1.057.0107>
8. Mügge, D. EU AI sovereignty: for whom, to what end, and to whose benefit? / D. Mügge // Journal of European Public Policy. 2024. Vol. 31. Iss. 8. P. 2200–2225. URL: <https://doi.org/10.1080/13501763.2024.2318475>
9. Thiel, T. Forschungsdiskurse zu digitaler Souveränität / T. Thiel // Politische Vierteljahrsschrift. 2024. Vol. 65. P. 835–839.
10. Türk, P. La souveraineté numérique européenne, vers une troisième voie? / T. Thiel // Pouvoirs. 2024. Vol. 190. Iss. 3. P. 79–90. URL: <https://doi.org/10.3917/pouv.190.0079>
11. Was heißt digitale Souveränität? Diskurse, Praktiken und Voraussetzungen «individueller» und «staatlicher Souveränität» im digitalen Zeitalter / Hg. G. Glasze, E. Odzuck, R. Staples. Transcript, 2022. 322 s.
12. Wolff, M.C. Digitale Souveränität / M.C. Wolff. Weilerswist : Velbrück Wissenschaft, 2022. 172 s.
13. Государство как платформа: Люди и технологии / под редакцией М.С. Шклярук. Москва : РАНХиГС, 2019. 111 с.
14. 廖凡：数字主权与全球数字治理 // 暨南学报（哲学社会科学版）. 2024年第7期.
15. 支振锋、刘佳琨：互联网信息内容治理的中国方案 // 江西社会科学. 2023年第11期. URL: <https://law.ucass.edu.cn/info/1985/7010.htm>
16. 高奇琦. 数字革命中国家主权的建构. URL: https://theory.gmw.cn/2021-12/26/content_35406869.htm

References

1. Bellanger, P. De la souveraineté numérique / P. Bellanger // Le Débat. 2012. Vol. 170. Iss. 3. S. 149–159.
2. Bellanger, R. De la souveraineté en général et de la souveraineté numérique en particulier / P. Bellanger // Les Echos. 2011. 30 août.
3. Bellanger, R. Internet: de L'Aquarium à L'Océan / P. Bellanger // Les cahiers de l'audiovisuel. 1997. Iss. 12. S. 88–101.
4. Bellanova, R. Digital/Sovereignty and European Security Integration: An Introduction / R. Bellanova, H. Carrapico, D. Duez // European Security. 2022. Vol. 31. Iss. 3. S. 337–355. URL: <https://doi.org/10.1080/09662839.2022.2101887>
5. Carver, J. More Bark Than Bite? European Digital Sovereignty Discourse and Changes to the European Union's External Relations Policy / J. Carver // Journal of European Public Policy. 2024. Vol. 31. Iss. 8. S. 2250–2286. URL: <https://doi.org/10.1080/13501763.2023.2295523>
6. Falkner, G. Digital Sovereignty — Rhetoric and Reality / G. Falkner, S. Heidebrecht, A. Obendiek, T. Seidl // Journal of European Public Policy. 2024. Vol. 31. Iss. 8. S. 2099–2120. URL: <https://doi.org/10.1080/13501763.2024.2358984>
7. Martin, V. La République numérique en débat au Parlement : le projet de commissariat à la souveraineté numérique / V. Martin // Les Nouveaux Cahiers du Conseil constitutionnel. 2017. Vol. 57. Iss. 4. S. 107–120. URL: <https://doi.org/10.3917/nccc1.057.0107>
8. Mügge, D. EU AI Sovereignty: For Whom, to What End, and to Whose Benefit? / D. Mügge // Journal of European Public Policy. 2024. Vol. 31. Iss. 8. S. 2200–2225. URL: <https://doi.org/10.1080/13501763.2024.2318475>
9. Thiel, T. Forschungsdiskurse zu digitaler Souveränität / T. Thiel // Politische Vierteljahrsschrift. 2024. Vol. 65. S. 835–839.
10. Türk, P. La souveraineté numérique européenne, vers une troisième voie? / T. Thiel // Pouvoirs. 2024. Vol. 190. Iss. 3. S. 79–90. URL: <https://doi.org/10.3917/pouv.190.0079>
11. Was heißt digitale Souveränität? Diskurse, Praktiken und Voraussetzungen «individueller» und «staatlicher Souveränität» im digitalen Zeitalter / Hg. G. Glasze, E. Odzuck, R. Staples. Transcript, 2022. 322 s.
12. Wolff, M.C. Digitale Souveränität / M.C. Wolff. Weilerswist : Velbrück Wissenschaft, 2022. 172 s.
13. Gosudarstvo kak platforma: Lyudi i tekhnologii [State as a Platform: People and Technologies] / pod redaktsiyey M.S. Shklyaruk. Moskva : RANKHiGS — edited by M.S. Shklyaruk. Moscow : RANEPA, 2019. 111 s.
14. 廖凡：数字主权与全球数字治理 // 暨南学报（哲学社会科学版）. 2024年第7期.
15. 支振锋、刘佳琨：互联网信息内容治理的中国方案 // 江西社会科学. 2023年第11期. URL: <https://law.ucass.edu.cn/info/1985/7010.htm>
16. 高奇琦. 数字革命中国家主权的建构. URL: https://theory.gmw.cn/2021-12/26/content_35406869.htm

DOI: 10.18572/3034-2953-2025-4-35-41

Поступила в редакцию: 27.03.2025. Принята к публикации: 30.06.2025.

Применение рекомендательных технологий на интернет-ресурсах: опыт правового регулирования РФ и КНР

Авдеев Данила Алексеевич,
заместитель директора Владимирского филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук
danilavdeev@yandex.ru

Гиндулина Александра Денисовна,
ассистент кафедры гражданского права и процесса
Юридического института Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
alexandra.gindulina@yandex.ru

Многие функционирующие в настоящее время цифровые платформы предусматривают использование рекомендательных технологий, предлагающих пользователю наиболее релевантный контент, товары, услуги на основе анализа информации о нем. Данное обстоятельство в условиях изменения цифрового ландшафта ставит перед законодателями разных стран актуальную задачу: обеспечить баланс между экономическими преимуществами их применения и потенциальными рисками нарушения прав и свобод пользователей. В статье авторы в сравнительном аспекте исследуют опыт правового регулирования КНР и РФ в данной сфере: определяют нормативную базу, ключевые параметры регламентации и направления для дальнейшего совершенствования законодательства о рекомендательных технологиях с учетом национальных особенностей.

Ключевые слова: цифровое право, искусственный интеллект, цифровая платформа, рекомендательная система, права человека.

Мы никогда не сможем изменить направление ветра,
но в наших силах поставить нужные паруса.

Лао-цзы, древнекитайский философ

Право — инструмент поиска баланса: между публичными и частными интересами; стимулами и ограничениями; запретами и дозволениями; должным и возможным. Актуальные проблемы функционирования и развития правовой системы общества на современном этапе главным образом связаны с цифровизацией, протекающей во всех сферах жизни. Осмыслением этих проблем занимаются представители различных

юридических наук, причем исследование этих вопросов из модного тренда превратилось в насущную необходимость, в связи с чем «цифровые» темы включены в повестку практически всех научных центров ввиду их социальной значимости, они отражены в паспортах научных юридических специальностей, образовательных программах, освещаются на страницах научной литературы и т.д.

В целом можно утверждать, что несмотря на различные грани цифровизации, амбивалентное влияние этого процесса на общество в юридической среде достигнут консенсус относительно того, что «тотальная информатизация общества с неизбежностью приводит к переосмыслению устоев социального и государственного развития»¹.

В формирующейся цифровой экономике многие коммуникации, в том числе имеющие правовое значение, реализуются посредством (или с участием) цифровых платформ, статус которых (самостоятельный субъект, посредник, новая форма отношений и пр.) остается достаточно дискуссионным². Здесь стоит упомянуть, что наблюдается неравенство платформ и пользователя, рынки цифровых услуг тяготеют к монополии, их налогово-правовой статус не определен³.

Составной частью многих цифровых платформ являются интегрированные в них системы рекомендательных алгоритмов. Автоматизированное алгоритмическое профилирование позволяет формировать профили на основе интеллектуального анализа данных, собранных из различных источников (информация о местонахождении человека, его перемещениях, покупках, предпочтениях и т.д.). На основе «истории» прошлых действий, «реакций», оценок формируются персональные рекомендации⁴.

¹ Сидоренко Э.Л., Молчаков Н.Ю. Право на доступ к интернету и современные модели цифровой дискриминации // Сравнительная политика. 2022. Т. 13. № 4. С. 8–30.

² Сидоренко Э.Л. Статус цифровых платформ в российской и зарубежной юрисдикциях // Цифровое право : учеб. М. : Юрлитинформ, 2024. С. 364–377.

³ Дупан А.С., Бикбулатова Ю.С. Мировые тенденции в регулировании цифровых платформ: от мягкого права и саморегулирования к императивам // Закон и право. 2022. № 2. С. 212.

⁴ Назаров М.М. Платформы и алгоритмизация в медиа: содержание и социальные следствия // Коммуникология. 2020. Т. 8. № 2. С. 108–124.

Представители технических наук рассматривают рекомендательную систему как «комплекс алгоритмов, программ и сервисов, задача которого предсказать, что может заинтересовать того или иного пользователя, на основе информации о профиле пользователя и его предпочтениях»⁵.

Интернет-сервисы, предусматривающие рекомендательные технологии, основаны на том, что пользователю предлагается еще не знакомый контент, который потенциально может быть ему интересен. Данный подход получил название look alike.

В самом общем виде функционирование рекомендательной системы, интегрированной на медиаплатформу, включает несколько этапов:

- вычисление сходства между пользователями;
- выбор группы пользователей с такими же предпочтениями, как и у пользователя, которому нужны рекомендации;
- выход на рекомендацию на основе рейтингов группы⁶.

Технология рекомендаций может быть полезна для граждан (благодаря подбору подходящих продуктов и услуг). В то же время функционирование рассматриваемых технологий может вести к нарушению прав отдельных лиц. В некоторых случаях (например, когда медиаплатформа «рекомендует» им трек или фильм, не совсем отвечающий интересам пользователя) они несущественны. В других — следование реко-

⁵ Ищайнов В.Я. Предоставление информации и ее защита при применении рекомендательных технологий (в соответствии с дополнением ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») // Делопроизводство. 2024. № 1. С. 87–90.

⁶ Иванова М.И. Систематизация государственных рекомендательных систем на основе мирового опыта // Право и управление. XXI век. 2021. Т. 17. № 2 (59). С. 61–69.

мендациям опасно для состояния правовой защищенности личности. Ввиду того, что пользователям и регуляторам не всегда известны механизмы работы рекомендательного алгоритма, его называют «черным ящиком». Так, зачастую по неизвестным и пользователю, и регулятору алгоритмам принимаются решения, выдаются рекомендации, обеспечивается формирование общественного мнения.

Приведем некоторые примеры. В 2014 г. было установлено, что настройки рекламы Google непрозрачны в отношении некоторых функций профиля пользователя: пользователям, установившим в профиле женский пол, показывалось меньшее количество рекламы, связанной с высокооплачиваемой работой, чем мужчинам⁷. Исследование ученых университета Карнеги-Меллона, посвященное закономерностям размещения вакансий в интернете, показало, что реклама вакансий высокооплачиваемых руководителей показывалась 1 852 раза мужчинам и всего 318 раз женщинам⁸.

Стоит отметить, что проблема осознается и профессиональным юридическим сообществом: исследователи и преподаватели на одном из научно-практических мероприятий отмечали необходимость «уточнить требования к рекомендательным сервисам»⁹.

⁷ Конекстная реклама не показывает женщинам вакансии на высокооплачиваемую должность // Газета.Ru. URL: https://www.gazeta.ru/science/news/2015/07/08/n_7357777.shtml (дата обращения: 12.05.2025).

⁸ Is Google SEXIST? Men are shown more jobs for higher-paid executive jobs on the search engine compared to women. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-3168277/Is-Google-SEXIST-Men-shown-jobs-higher-paid-executive-jobs-search-engine-compared-women.html> (дата обращения: 12.05.2025).

⁹ Терещенко Л.К., Стародубова О.Е., Назаров Н.А. Цифровые платформы — новая среда взаимодействия: обзор научно-практического семина-

Долгое время нормы российского законодательства не содержали специальных положений, направленных на регулирование применения рекомендательных технологий. Обсуждения вариантов такого регулирования продолжались в профессиональном юридическом сообществе с представителями цифровой отрасли на протяжении нескольких лет.

Возможно, в силу того, что представители цифровой отрасли неоднократно подчеркивали, что принятие такого закона может привести к замедлению развития сервисов и снижению финансовых показателей компаний технологического сектора¹⁰, принятый в итоговом варианте текст содержит достаточно общие, в некотором смысле рамочные требования, тогда как первоначальный вариант законопроекта предусматривал возможность пользователям отключать рекомендательные системы вовсе¹¹. Итоговый вариант стал своего рода компромиссом между интересами пользователя и регулятора, так как возможность полного ограничения рекомендательных технологий в настоящее время может сделать нерентабельными некоторые цифровые платформы, основанные на рекомендациях.

В настоящее время российское законодательство устанавливает запрет на применение нарушающих права и законные интересы граждан и организаций рекомендательных технологий. Владельцы сайтов, мобильных приложений обязаны обнародовать в общем

ра и результаты эксперимента // Журнал российского права. 2024. № 7. С. 169.

¹⁰ Булгаков А.Э. Теневое блокирование контента в социальных сетях как угроза свободе выражения мнения // Юрист. 2024. № 5. С. 38–43.

¹¹ Виноградов В.А. Права и свободы человека и гражданина в цифровую эпоху: государства versus IT-гиганты // Журнал российского права. 2024. № 9. С. 72–87.

доступе русскоязычный текст правил применения рекомендательных механизмов¹². Причем пользователи должны быть информированы о применении таких механизмов. Роскомнадзор как регулирующий орган рекомендовал разместить следующее сообщение: «на информационном ресурсе применяются рекомендательные технологии».

Порядок взаимодействия Роскомнадзора с владельцами ресурсов, на которых применяются рекомендательные технологии, утвержден в 2023 г. приказом ведомства. Правовой акт определяет формы взаимодействия, этапы оценки соответствия применения рекомендательных технологий законодательству (включая предоставление доступа к программно-техническим средствам), юридические последствия обнаружения нарушений в указанной сфере¹³.

С учетом того, что многие государства находятся в поиске оптимальных правовых решений в плоскости регули-

рования отношений, связанных с использованием рекомендательных систем, интерес представляет практика юридической регламентации, принятая в отдельных странах, в частности, в КНР. Китай по праву признается «одной из самых развитых цифровых держав мира, основа успеха которой заключается в анализе больших объемов данных, благодаря применению различных инструментов анализа, наращиванию мощностей платформ и внедрению ИИ»¹⁴. Показательно, что за 11 лет объем цифровой экономики КНР вырос в 3,8 раза с 11,2 трлн юаней в 2012 г. до 53,9 трлн юаней в 2023 г.¹⁵ В связи с этим китайский опыт может быть полезен российским правоведам, участвующим в разработке госполитики в области регулирования отношений в цифровой среде.

В Китайской Народной Республике с 2022 г. действует Положение об управлении алгоритмическими рекомендациями для информационных интернет-услуг¹⁶ (далее также — Положение).

В документе перечислены услуги алгоритмических рекомендаций, как то: генерация и синтез, персонализированное подталкивание, сортировка и выбор, поиск и фильтрация, планирование и принятие решений и т.д. (ст. 2). В этой части (по сравнению с российским) «подход КНР является более конкретизированным в части перечисления действий, входящих в процесс работы рекомендательного алгоритма»¹⁷.

¹² Содержание правил установлено законом. В частности, правила должны включать описание процессов и методов сбора, систематизации, анализа сведений, относящихся к предпочтениям пользователей сети Интернет, способов осуществления таких процессов и методов, перечень сведений, относящихся к предпочтениям пользователей сети Интернет, которые используются для предоставления информации с применением рекомендательных технологий, а также источники получения таких сведений.

¹³ Приказ Роскомнадзора от 6 октября 2023 г. № 150 «Об утверждении порядка взаимодействия Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с владельцами сайтов и (или) страниц сайтов в сети “Интернет”, и (или) информационных систем, и (или) программ для электронных вычислительных машин, на которых применяются информационные технологии предоставления информации на основе сбора, систематизации и анализа сведений, относящихся к предпочтениям пользователей сети “Интернет”, находящихся на территории Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

¹⁴ Там же.

¹⁵ Избранные нормативно-правовые акты Китайской Народной Республики в области цифровизации / пер. с кит. Ли Яо. М. : Проспект, 2025. 136 с.

¹⁶ Арзамазов А.А. Особенности развития правового регулирования рекомендательных техно-

В статье 6 Положения определяется перечень видов деятельности, которую нельзя осуществлять путем применения рекомендательного алгоритма. На поставщиках «услуг алгоритмических рекомендаций» лежит обязанность создавать и совершенствовать механизмы проверки алгоритмических механизмов (ст. 7), при этом они обязаны регулярно проверять модель применения алгоритма и им запрещено разрабатывать алгоритмы, побуждающие пользователей к зависимости, чрезмерному потреблению, нарушать этику и мораль (ст. 7).

В Положении содержатся отдельные предписания, касающиеся запрета ограничения свободы выражения общественного мнения (ст. 14), антитраста (ст. 15) и пр.

Отдельная глава (глава 3) посвящена вопросам защиты прав и интересов пользователей. Поставщикам услуг также, как по российскому праву, вменена обязанность уведомлять об использовании алгоритмических рекомендательных систем. Специальные предписания установлены в отношении информации, предназначеннной для отдельных категорий: несовершеннолетних (ст. 18), пожилых (ст. 19) и отдельных видов сервисов: составления графиков работы (ст. 20), торговых площадок (ст. 21).

По запросу пользователей поставщики обязаны «закрыть услугу» алгоритмических дискrimинаций (ст. 17), т.е. обеспечить возможность пользователям отказаться от рекомендаций. Как мы отмечали выше, российский законодатель не пошел по этому пути.

Комментируя положения о формах надзора за исполнением закона, констатируем, что особые требования уста-

новлены для тех платформ, которые содержат «атрибуты общественного мнения» или «способны к социальной мобилизации». В целях обеспечения реализации принципа прозрачности установлена обязанность доведения до сведения уполномоченного органа необходимой информации (наименования поставщика, формы обслуживания, области применения, типа алгоритма, отчета о самооценке алгоритма и др.). Китайский подход предполагает, что уполномоченным органам представляется больший объем информации об алгоритмах, чем пользователям¹⁸.

Отметим наличие определенной аксиологической составляющей в регулировании. В частности, в качестве одной из целей принятия положения определено «продвижение основных социалистических ценностей» (ст. 1); нарушение этики и морали определено в качестве одного из запретов функционирования алгоритмов (ст. 8); одна из обязанностей поставщиков услуг — «придерживаться основной ценностной ориентации» (ст. 6).

Подводя итог, можно отметить, что и в России, и в КНР правовая база регламентации рекомендательных технологий находится в процессе формирования. Ключевое направление в правовом регулировании отношений, связанных с рекомендательными алгоритмами, — обеспечение прозрачности их функционирования, доведение до пользователей и до регулятора информации о факте их использования и об основных принципах работы. В Китае правовое регулирование данного вопроса в настоящий момент отличается большей

¹⁸ Харитонова Ю.С., Тяньфан Я. Рекомендательные системы цифровых платформ в Китае: правовые подходы и практика обеспечения прозрачности алгоритмов // Закон. 2022. № 9. С. 40–49.

логий в предпринимательской деятельности в России и Китае // Хозяйство и право. 2024. № 2. С. 111–122.

конкретизацией и ориентацией на морально-нравственные, ценностные категории, что может быть продуктивным и при дальнейшем совершенствовании правового регулирования рассматриваемых общественных отношений в нашей стране с учетом особенностей национальной идентичности.

В частности, возможно, стоит предусмотреть в законе конкретные сферы (виды цифровых платформ), в которых не могут применяться рекомендательные технологии. Такими сферами могут быть

наиболее чувствительные области общественных отношений (политика, образование и пр.). Другой вариант — обеспечение пользователям возможности в некоторых случаях отказаться от применения рекомендательных технологий.

Дальнейшее исследование и обобщение опыта правового регулирования отношений в цифровой среде в КНР и других странах позволит определить вектор формирования российской модели правового регулирования с учетом национальных особенностей.

Литература

1. Арзамазов А.А. Особенности развития правового регулирования рекомендательных технологий в предпринимательской деятельности в России и Китае / А.А. Арзамазов // Хозяйство и право. 2024. № 2. С. 111–122.
2. Булгаков А.Э. Теневое блокирование контента в социальных сетях как угроза свободе выражения мнения / А.Э. Булгаков // Юрист. 2024. № 5. С. 38–43.
3. Виноградов В.А. Права и свободы человека и гражданина в цифровую эпоху: государства versus IT-гиганты / В.А. Виноградов // Журнал российского права. 2024. № 9. С. 72–87.
4. Дупан А.С. Мировые тенденции в регулировании цифровых платформ: от мягкого права и саморегулирования к императивам / А.С. Дупан, Ю.С. Бикбулатова // Закон и право. 2022. № 2. С. 211–218.
5. Иванова М.И. Систематизация государственных рекомендательных систем на основе мирового опыта / М.И. Иванова // Право и управление. XXI век. 2021. Т. 17. № 2 (59). С. 61–69.
6. Избранные нормативно-правовые акты Китайской Народной Республики в области цифровизации / перевод с китайского Ли Яо. Москва : Проспект, 2025. 136 с.
7. Ищенинов В.Я. Предоставление информации и ее защита при применении рекомендательных технологий (в соответствии с дополнением ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») / В.Я. Ищенинов // Делопроизводство. 2024. № 1. С. 87–90.
8. Назаров М.М. Платформы и алгоритмизация в медиа: содержание и социальные следствия / М.М. Назаров // Коммуникология. 2020. Т. 8. № 2. С. 108–124.
9. Сидоренко Э.Л. Право на доступ к интернету и современные модели цифровой дискриминации / Э.Л. Сидоренко, Н.Ю. Молчаков // Сравнительная политика. 2022. Т. 13. № 4. С. 8–30.
10. Сидоренко Э.Л. Статус цифровых платформ в российской и зарубежной юрисдикциях / Э.Л. Сидоренко // Цифровое право : учебник / Д.В. Абдрахманов, В.В. Архипов, Д.Е. Богданов [и др.] ; под редакцией Э.Л. Сидоренко. Москва : Юрлитинформ, 2024. С. 364–377.
11. Терещенко Л.К. Цифровые платформы — новая среда взаимодействия: обзор научно-практического семинара и результаты экспертного опроса / Л.К. Терещенко, О.Е. Стародубова, Н.А. Назаров // Журнал российского права. 2024. № 7. С. 161–171.
12. Харитонова Ю.С. Рекомендательные системы цифровых платформ в Китае: правовые подходы и практика обеспечения прозрачности алгоритмов / Ю.С. Харитонова, Я. Тяньфан // Закон. 2022. № 9. С. 40–49.

References

1. Arzamazov, A.A. Osobennosti razvitiya pravovogo regulirovaniya rekomendatelnykh tekhnologiy v predprinimatelskoy deyatelnosti v Rossii i Kitae [Special Aspects of Development of Legal Regulation of Recommendation Technologies in Entrepreneurial Activities in Russia and China] / A.A. Arzamazov // Khozyaystvo i pravo — Economy and Law. 2024. № 2. S. 111–122.
2. Bulgakov, A.E. Tenevoe blokirovanie kontenta v sotsialnykh setyakh kak ugroza svobode vyrazheniya mneniya [Shadow Blocking of Social Media Content as a Threat to the Freedom of Expression] / A.E. Bulgakov // Yurist — Lawyer. 2024. № 5. S. 38–43.
3. Vinogradov, V.A. Prava i svobody cheloveka i grazhdanina v tsifrovyyu epokhu: gosudarstva versus IT-giganty [Human and Civil Rights and Freedoms in the Digital Era: States v. IT Giants] / V.A. Vinogradov // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2024. № 9. S. 72–87.
4. Dupan, A.S. Mirovy'e tendentsii v regulirovaniyu tsifrovyykh platform: ot myagkogo prava i samoregulirovaniya k imperativam [Global Tendencies in Regulation of Digital Platforms: From Soft Law and Self-Regulation to Imperatives] / A.S. Dupan, Yu.S. Bikbulatova // Zakon i pravo — Act and Law. 2022. № 2. S. 211–218.
5. Ivanova, M.I. Sistematisatsiya gosudarstvennykh rekomendatelnykh sistem na osnove mirovogo opyta [Systematization of State Recommendation Systems Based on Global Experience] / M.I. Ivanova // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2021. T. 17 — Law and Management. The 21st Century. 2021. Vol. 17. № 2 (59). S. 61–69.
6. Izbranny'e normativno-pravovy'e akty Kitayskoy Narodnoy Respublikи v oblasti tsifrovizatsii [Selected Statutory Acts of the People's Republic of China in the Digitalization Sphere] / perevod s kitayskogo Li Yao. Moskva : Prospekt — translated from Chinese by Li Yao. Moscow : Prospect, 2025. 136 s.
7. Ischeynov, V.Ya. Predostavlenie informatsii i ee zaschita pri primenenii rekomendatelnykh tekhnologiy (v sootvetstviu s dopolneniem FZ «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii») [Provision and Protection of Information in Application of Recommendation Technologies (in Accordance with the Supplement to the Federal Law, On Information, Information Technology, and Protection of Information)] / V.Ya. Ischeynov // Deloproizvodstvo — Records Management. 2024. № 1. S. 87–90.
8. Nazarov, M.M. Platformy i algoritmizatsiya v media: soderzhanie i sotsialnye sledstviya [Platforms and Algorithmization in Media: The Content and Social Consequences] / M.M. Nazarov // Kommunikologiya. 2020. T. 8 — Communication Studies. 2020. Vol. 8. № 2. S. 108–124.
9. Sidorenko, E.L. Pravo na dostup k internetu i sovremenneye modeli tsifrovoy diskriminatsii [The Right of Access to the Internet and Modern Models of Digital Discrimination] / E.L. Sidorenko, N.Yu. Molchakov // Sravnitel'naya politika. 2022. T. 13 — Comparative Politics. 2022. Vol. 13. № 4. S. 8–30.
10. Sidorenko, E.L. Status tsifrovyykh platform v rossiyskoy i zarubezhnoy yurisdiktsiyakh [The Status of Digital Platforms in the Russian and Foreign Jurisdictions] / E.L. Sidorenko // Tsifrovoe pravo : uchebnik / D.V. Abdrikhmanov, V.V. Arkhipov, D.E. Bogdanov [i dr.] ; pod redaktsiei E.L. Sidorenko. Moskva : Yurlitinform — Digital Law : textbook / D.V. Abdrikhmanov, V.V. Arkhipov, D.E. Bogdanov [et al.] ; edited by E.L. Sidorenko. Moscow : Urlitinform, 2024. S. 364–377.
11. Tereschenko, L.K. Tsifrovye platformy — novaya sreda vzaimodeystviya : obzor nauchno-prakticheskogo seminara i rezul'taty ekspertnogo oprosa [Digital Platforms as a New Interaction Environment : review of the scientific and practical seminar and results of the expert survey] / L.K. Tereschenko, O.E. Starodubova, N.A. Nazarov // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2024. № 7. S. 161–171.
12. Kharitonova, Yu.S. Rekomendatelnye sistemy tsifrovyykh platform v Kitae: pravovy'e podkhody i praktika obespecheniya prozrachnosti algoritmov [Recommendation Systems of Digital Platforms in China: Legal Approaches and Practice of Ensuring Algorithm Transparency] / Yu.S. Kharitonova, Y. Tianfan // Zakon — Law. 2022. № 9. S. 40–49.

Нормативные правовые акты и иные источники права в правовых системах стран Содружества Независимых Государств (на примере республик Центральной и Средней Азии)

Барзилова Инна Сергеевна,
профессор кафедры теории государства и права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор
advantage80@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению источников права в республиках Центральной и Средней Азии, входящих в Содружество Независимых Государств. Акцент сделан на нормативных правовых актах как основных источниках права в правовых системах данных стран. Анализируются общие черты и отличительные особенности форм права данных государств, относящихся к континентальной правовой семье. Отмечается разнообразие подходов в понимании роли судебных актов, правовых обычаев в правовых системах государств. Изучение подобных вопросов позволит Российской Федерации на современном этапе более эффективно взаимодействовать со странами данного региона в рамках СНГ.

Ключевые слова: правовая система, источники права, юридическая техника, механизм правового регулирования, система права, система законодательства, правовые режимы, международное сотрудничество.

Активное сотрудничество Российской Федерации с государствами Азии ставит перед юридической наукой задачу более глубокого и основательного изучения правовых систем данных стран теoriей государства и права. Особый интерес в настоящее время представляют правовые системы стран Центральной и Средней Азии, входящих в Содружество Независимых Государств, их правовые традиции и юридические номенклатуры. К числу последних, как известно, относятся Республика Казахстан, Киргызская Республика, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан.

В обозначенных государствах правовые системы относятся к континентальной правовой семье, где основным

источником права выступает нормативный правовой акт. Думается, к положительным моментам следует отнести принятие законов о нормативных правовых актах, закрепляющих разновидности последних, порядок их вступления в юридическую силу и иерархию.

Вместе с тем в правовых системах стран Центральной и Средней Азии наблюдаются различные подходы к выстраиванию системы права и системы законодательства; определению роли и юридической природы судебных актов; систематизации законодательства. Так, согласно Закону Республики Казахстан от 6 апреля 2016 г. № 480-В «О правовых актах» (с последующими изменениями и дополнениями) акты Конституционного Суда Республики

Казахстан и Верховного Суда Республики Казахстан имеют нормативный характер, основным их содержанием является разъяснение судебной практики, и они включаются в систему законодательства. Законодательной силой обладают и постановления Правительства Казахстана, имеющие временный характер¹. По мнению Е.Б. Абдрасурова, к источникам права относятся также правовые позиции органа конституционного контроля о содержании норм Конституции РК и законодательства²; С.Н. Сабикенов включает в систему законодательства международно-правовые договоры³.

В рамках данной правовой системы выделяются нормативные и ненормативные юридические акты. Нормативные правовые акты подразделяются на основные и производные, что предопределено, думается, их юридической природой, содержанием и ролью в механизме правового регулирования. К производным актам относятся различного рода технические регламенты, правила, инструкции, которые вводятся в действие посредством основных правовых актов и составляют с ними единое целое. Речь идет, по сути, о специфике технико-юридического регулирования отношений в Республике Казахстан. В статьях 8 и 9 перечисляются отношения, соответственно, регулируемые кодексами и консолидированными законами. Последние ка-

саются регулирования комплексных отношений в определенных сферах управления (например, в области государственного имущества, транспорта, жилищных отношений и т.д.)⁴. Согласно позиции М.Т. Баймаханова, консолидированные акты по отношению к кодексам обладают меньшей юридической силой⁵. В правовой системе Республики Казахстан широкое распространение получила практика аутентичного официального разъяснения, что закреплено в действующем законодательстве.

К источникам права Республики Казахстан относятся также акты ревизионных комиссий, акимов, акиматов, маслихатов, с точки зрения своей природы имеющие характер нормативных правовых решений.

Определенным своеобразием отличается правовая система Кыргызской Республики, согласно Закону КР от 20 июля 2009 г. № 241 «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» (с последующими изменениями и дополнениями) предусматривающая такие виды источников права, как: Конституция КР, указы Президента КР, конституционные законы, кодексы, законы, постановления Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов, постановления кабинета министров, постановления Жогорку Кенеша, постановления Национального банка, акты специальной финансовой инвестиционной территории «Тамчы» с особым правовым

¹ Казахстанская правда. 2016. 8 апреля.

² Абдрасулов Е.Б. Правовые позиции и правоположения Конституционного совета РК и их роль в развитии и совершенствовании национального законодательства. URL: <https://www.zakon.kz/4558872-pravovye-pozitsii-i-pravopolozeniya.html> (дата обращения: 06.09.2025).

³ Сабикенов С.Н. Международно-правовые вопросы теории прав человека // Вестник Атырауского университета имени Халела Досмухamedова. 2024. № 2 (73). С. 212–220.

⁴ Казахстанская правда. 2016. 8 апреля.

⁵ Баймаханов М.Т. Кодификационные акты — важнейший компонент систематизации законодательства // Актуальные проблемы систематизации национального законодательства : материалы научно-практической конференции (г. Астана, 18 марта 2011 г.) : сб. науч. статей / под ред. Р.Т. Тусупбекова. Астана : Институт законодательства Республики Казахстан, 2011. С. 10–15.

режимом и статусом, постановления представительных органов местного самоуправления. Согласно ст. 5 данного Закона судебные органы к нормотворческим органам не относятся⁶. Интересна используемая в правовой системе Кыргызской Республики практика временного правового регулирования, применяемая Президентом Кыргызской Республики в целях апробирования внедрения новых общественных отношений сроком до одного года. В случае достижения положительных результатов при применении подобных мер правового регулирования временные нормы уже легализуются субъектами нормотворчества в установленном законом порядке.

Согласно ст. 6 Конституции Кыргызской Республики составной частью правовой системы являются вступившие в силу в соответствии с действующим законодательством международные договоры, а также принципы и нормы международного права⁷. Правовые обычай относятся к источникам права. Кроме того, по мнению ряда исследователей, в законодательство Кыргызстана включаются особые правовые институты, характерные для обычного права кыргызов (адату). Речь идет о существовании института суда аксакалов (тройного айыпа)⁸.

Закон Республики Узбекистан от 20 апреля 2021 г. № 3РУ-682 «О нормативно-правовых актах» предусматривает следующие виды актов: Конституция РУ, указы и постановления Президента РУ, постановления палат Олий Маж-

лиса РУ, постановления кабинета министров РУ, законы, решения органов государственной власти на местах, приказы и постановления министерств и ведомств⁹. В своих исследованиях А.Х Сайдов отмечает, что правовые системы постсоветских государств относятся к семье кодифицированного права, где широкое распространение получили кодексы, в том числе в Узбекистане их принято порядка 16¹⁰.

Согласно позиции ученых-правоведов Республики Узбекистан, например Ш.Н. Рузиназарова, Х.Р. Рахмонкулова, судебные решения — это акты применения права, и в систему источников права они не включаются¹¹. Вместе с тем акты Конституционного Суда РУ, Верховного Суда РУ играют значительную роль в правовой системе данного государства. Высшие судебные органы по вопросам, отнесенными к их ведению, обладают правом законодательной инициативы; они осуществляют легальное толкование права; обобщают судебную практику и представляют Президенту РУ и органам законодательной власти информацию о состоянии законности в стране.

В правовой системе Республики Узбекистан в качестве источников права применяются правовые обычай (обычай делового оборота). Довольно велика роль правовых обычай при регулировании гражданских и семейных отношений. Подобные источники права используются в рамках правовой системы при преодолении пробелов в праве

⁶ Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 2009. № 7. Ст. 751.

⁷ Эркин-Тоо. 2021. 5 мая.

⁸ Чикеева З.Ч. Система источников права Кыргызской Республики в переходный период // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 160.

⁹ Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. 20 апреля 2021 г. № 03/21/682/0354.

¹⁰ Сайдов А.Х. Сравнительное правоведение и источники права // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 3. С. 35.

¹¹ Рузиназаров Ш.Н. Судебное решение как юридический факт // Обзор законодательства Узбекистана. 2015. № 4. С. 20–23.

(ст. 8 Семейного кодекса Республики Узбекистан¹²). Национальные традиции и обычаи находят отражение в актах местных Кенгашей народных депутатов, распоряжениях хокимов городов, областей и районов. Нормы международного права имплементируются в правовую систему Узбекистана.

Суверенная Республика Каракалпакстан имеет собственное законодательство. Конституция РК, подзаконные акты; законы, принимаемые Жокарги Кенесом РК; договоры и соглашения, заключенные между Республикой Узбекистан и Республикой Каракалпакстан, входят в единую систему источников права Узбекистана.

Думается, к положительным моментам в Республике Таджикистан необходимо отнести наличие закона, закрепляющего систему и иерархию нормативных правовых актов, порядок их разработки, проведения экспертизы, толкования, систематизации, разрешения возникающих различного рода коллизий. Согласно ст. 9 Закона Республики Таджикистан от 30 мая 2017 г. № 1414 «О нормативных правовых актах» (с последующими изменениями и дополнениями) систему актов составляют Конституция РТ, указы Президента РТ, постановления Правительства РТ, совместные постановления Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли РТ; законы, принятые путем всенародного референдума; конституционные законы; кодексы, законы; постановления Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли РТ; распоряжения министерств, органов при Президенте РТ, органов при Правительстве РТ, международные правовые акты, признанные Таджикистаном,

и т.д.¹³ В законодательство также включаются нормативные правовые акты Маджлисов народных депутатов г. Душанбе, областей и Горно-Бадахшанской автономной области.

Согласно позиции таджикских ученых-правоведов (Ш.А. Алимзода, Г.М. Бобокалонова, А.Д. Гафурзода, М.А. Махмудова, Р.Ш. Шарофзода), нормативные договоры относятся к источникам права¹⁴. Правовые обычаи широко применяются при регулировании отношений в сфере гражданского и семейного права. По мнению некоторых таджикских исследователей, в горных районах Таджикистана сохраняются нормы обычного права одат, включающие не только юридические, но и морально-этические правила поведения (дилсузи, бахшиш, хашар, гамхори и др.).¹⁵

Закон Туркменистана от 26 августа 2017 г. № 589-V «О правовых актах» выделяет основные (Конституцию, акты Президента Туркменистана и кабинета министров Туркменистана, нормативные правовые постановления Халк Маслахаты Туркменистана, конституционные законы, кодексы, законы, акты Меджлиса Туркменистана, акты Генгешей и хякимов и т.д.) и производные (технические регламенты, инструкции, правила) акты¹⁶. Производные акты самостоятельного значения не имеют, легализуются они основными актами, составляя с ними единое целое.

¹² Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2017. № 5. Ч. 1. Ст. 271.

¹⁴ Алимзода Ш.А. Нормативный договор как источник права Таджикистана: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе : Таджикский национальный университет, 2022. 203 с.

¹⁵ Бобохонов Р.С. Нормы обычного права в общественной жизни горных таджиков (XX в.) // Политика и общество. 2012. № 3 (87). С. 119–132.

¹⁶ Ведомости Меджлиса Туркменистана. 2017. № 3. Ст. 96.

¹² Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 1998. № 5-6. Приложение.

Судебные акты традиционно имеют правоприменительный характер, согласно Конституции Туркменистана (ст. 83) Верховному Суду Туркменистана принадлежит право законодательной инициативы¹⁷.

Можно сделать выводы следующего характера.

Во-первых, источники права, применяемые в правовых системах стран Центральной и Средней Азии, входящих в Содружество Независимых Государств, характерны для семьи континентального права. Среди источников права выделяют нормативные правовые акты, правовые обычаи, договоры с нормативным содержанием. Отношение к судебному прецеденту как источнику права не отличается однообразием. Так, одни республики (Казахстан) наделяют высшие судебные органы не только правоприменительной, но и правотворческой функцией, рассматривая вынесенные ими акты в качестве источников права; другие (Туркменистан) — относят судебные акты только к числу правоприменительных.

Во-вторых, роль правовых обычаяв как источников права довольно велика. Они традиционно используются в сфере гражданских и семейных отношений

для преодоления пробелов. Степень влияния норм обычного права отличается в данных республиках по степени интенсивности, о чем свидетельствует существование одатов (Таджикистан), судов аксакалов (Кыргызстан).

В-третьих, в систему нормативных правовых актов законодательство ряда государств (Туркменистан, Казахстан) включает и различного рода технические регламенты, инструкции и правила, имеющие производный характер. В данном случае, думается, следует говорить о специфике технико-юридического регулирования отношений в этих странах.

В-четвертых, в законодательстве всех государств существует акт, легализующий единую систему действующих нормативных правовых актов, устанавливающий их иерархию, порядок вступления в юридическую силу, способы разрешения юридических коллизий, порядок устранения и преодоления пробелов и т.д.

В заключение хотелось бы отметить важность изучения правовых систем, юридических источников государств Центральной и Средней Азии в целях разработки эффективных правовых механизмов взаимодействия с ними Российской Федерации в экономической, политической и иных сферах.

¹⁷ Ведомости Меджлиса Туркменистана. 2016. № 3. Ст. 131.

Литература

1. Абдрасулов Е.Б. Правовые позиции и правоположения Конституционного совета РК и их роль в развитии и совершенствовании национального законодательства / Е.Б. Абдрасулов // Zakon.kz. 2013. 27 мая.
2. Алимзода Ш.А. Нормативный договор как источник права Таджикистана: теоретико-правовое исследование : диссертация кандидата юридических наук / Ш.А. Алимзода. Душанбе, 2022. 203 с.
3. Баймаханов М.Т. Кодификационные акты — важнейший компонент систематизации законодательства / М.Т. Баймаханов // Актуальные проблемы систематизации национального законодательства : материалы научно-практической конференции (г. Астана, 18 марта 2011 г.) : сборник научных статей / под редакцией Р.Т. Тусупбекова. Астана : Институт законодательства Республики Казахстан, 2011. С. 10–15.

4. Бобохонов Р.С. Нормы обычного права в общественной жизни горных таджиков (XX в.) / Р.С. Бобохонов // Политика и общество. 2012. № 3 (87). С. 119–132.
5. Рузиназаров Ш.Н. Судебное решение как юридический факт / Ш.Н. Рузиназаров // Обзор законодательства Узбекистана. 2015. № 4. С. 20–23.
6. Сабикенов С.Н. Международно-правовые вопросы теории прав человека / С.Н. Сабикенов // Вестник Атырауского университета имени Халела Досмухamedова. 2024. № 2 (73). С. 212–220.
7. Сайдов А.Х. Сравнительное правоведение и источники права / А.Х. Сайдов // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 3. С. 25–38.
8. Чикеева З.Ч. Система источников права Кыргызской Республики в переходный период / З.Ч. Чикеева // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 154–163.

References

1. Abdrasulov, E.B. Pravovy'e pozitsii i pravopolozheniya Konstitutsionnogo soveta RK i ikh rol v razvitiy i sovershenstvovanii natsionalnogo zakonodatelstva [Legal Positions and Legal Provisions of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan and Their Role in the Development and Improvement of National Laws] / E.B. Abdrasulov // Zakon.kz. 2013. 27 maya — Zakon.kz. 2013. May 27.
2. Alimzoda, Sh.A. Normativny'y dogovor kak istochnik prava Tadzhikistana: teoretiko-pravovoe issledovanie : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [A Law-Making Treaty as a Source of Law in Tajikistan: A Theoretical and Legal Study : thesis of PhD (Law)] / Sh.A. Alimzoda. Dushanbe — Dushanbe, 2022. 203 s.
3. Baymakhanov, M.T. Kodifikatsionny'e akty' — vazhneyshiy komponent sistematizatsii zakonodatelstva [Codification Acts as a Key Component of Systematization of Laws] / M.T. Baymakhanov // Aktualny'e problemy' sistematizatsii natsionalnogo zakonodatelstva : materialy' nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Astana, 18 marta 2011 g.) : sbornik nauchnykh statey / pod redaktsiey R.T. Tusupbekova. Astana : Institut zakonodatelstva Respubliki Kazakhstan — Relevant Issues of Systematization of National Laws : materials of a scientific and practical conference (Astana, March 18, 2011) : collection of scientific articles / edited by R.T. Tusupbekov. Astana : Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan, 2011. S. 10–15.
4. Bobokhonov, R.S. Normy' oby'chnogo prava v obschestvennoy zhizni gornykh tadzhikov (XX v.) [Provisions of the Law of Custom in the Social Life of Mountain Tajiks (the 20th Century)] / R.S. Bobokhonov // Politika i obschestvo — Politics and Society. 2012. № 3 (87). S. 119–132.
5. Ruzinazarov, Sh.N. Sudebnoe reshenie kak yuridicheskiy fakt [Court Ruling as a Legal Fact] / Sh.N. Ruzinazarov // Obzor zakonodatelstva Uzbekistana — Review of Laws of Uzbekistan. 2015. № 4. S. 20–23.
6. Sabikenov, S.N. Mezhdunarodno-pravovy'e voprosy' teorii praw cheloveka [International Law Issues of the Human Rights Theory] / S.N. Sabikenov // Vestnik Atyrauskoogo universiteta imeni Khalela Dosmukhamedova — Bulletin of the Atyrau University Named after Khalel Dosmukhamedov. 2024. № 2 (73). S. 212–220.
7. Saidov, A.Kh. Sravnitelnoe pravovedenie i istochniki prava [Comparative Legal Studies and Sources of Law] / A.Kh. Saidov // Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) — Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2016. № 3. S. 25–38.
8. Chikeeva, Z.Ch. Sistema istochnikov prava Kyrgyzskoy Respublikи v perekhodny'y period [The System of Sources of Law of the Kyrgyz Republic in the Transitional Period] / Z.Ch. Chikeeva // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki — Law. Journal of the Higher School of Economics. 2013. № 4. S. 154–163.

Чтобы в режиме реального времени получить информацию о статусе статьи, необходимо отправить с Вашего электронного адреса письмо на autor-rq@lawinfo.ru

Права человека в Швеции: исторические и современные примеры «нордической исключительности»

Тонков Дмитрий Евгеньевич,
доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения
Московского государственного института международных отношений
(университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
d.tonkov@inno.mgimo.ru

В статье отмечается, что под «нордической исключительностью» представители Швеции подразумевают не только свое отличие от других, но и культурное и моральное превосходство, которое распространяется на самые разные сферы жизни. Важным элементом национальной «исключительности» стал образ шведов как однозначных сторонников прав человека с неприятием любых расистских проявлений на протяжении последних нескольких веков. Однако в действительности Швеция занимала одну из ведущих ролей в европейском колониализме, владея колонией Сен-Бартелеми в Карибском море (в XVIII–XIX вв.), имея торговые связи с Африканской, Вест-Индской и Ост-Индской компаниями (с XVII в.) и экономически поддерживая работторговлю (в XVII–XIX вв.). Более того, шведское недавнее прошлое содержит факты следования методам расовой биологии, гигиены и евгеники (в XX в.), например, в деятельности Государственного института расовой биологии: его наследие включало сохранение программ стерилизации шведского населения даже после окончания Второй мировой войны. Наиболее же показательным недавним примером подобной «исключительности» оказалось отличающееся от большинства стран реагирование Швеции на пандемию коронавирусной инфекции COVID-19, предполагавшее создание коллективного иммунитета путем наибольшего риска заражения среди малозащищенных слоев населения. В работе выявляются некоторые сформировавшиеся мифы в (само)восприятии стран Скандинавии, раскрываемые в первую очередь через труды их собственных авторов как наиболее приближенных к рассматриваемым темам, и скептически оценивается стремление скандинавских ученых представить «государство всеобщего благосостояния» Швеции в качестве современного аналога мифологической Гипербореи на территории Европы.

Ключевые слова: права человека, нордическая исключительность, Швеция, колониализм, расизм, евгеника, COVID-19, скандинавский правовой реализм, государство всеобщего благосостояния.

1. Введение

Представление о «нордической исключительности» (англ. *Nordic exceptionalism*), состоящей в особом подходе стран Скандинавии к тем или иным общественным отношениям, в том числе в сфере прав человека, часто заведомо считающимся одним из наиболее «прогрессивных», «социально ориен-

тированных», «моральных» и т.п., прочно укоренилось внутри данного региона и за его пределами¹. Идея «исключи-

¹ О репутации скандинавских стран как «моральных сверхдержав» и «глобальных добрых самаритян», в том числе в силу своей знаменитой модели «государства всеобщего благосостояния» (англ. welfare state), см., например: Vik, H.N., Jensen, S.L.B., Lindkvist, L., Strang, J. Histories of Human Rights in the Nordic Countries //

тельности» имманентно включает в себя политический элемент, разделяя индивидов на группы «мы» и «другие», и подвержена некоторой мифологизации для своего постоянного укрепления. В качестве одного из аспектов указанной «исключительности» в современной науке исследуется и так называемый нордический парадокс прав человека (англ. *Nordic human rights paradox*), который состоит из предполагаемого противоречия между тем, как, с одной стороны, скандинавские страны пытаются «экстернализировать внутренние нормы солидарности, равенства и (социальной) демократии» и как, с другой стороны, они объясняют «скептицизм на национальном уровне по отношению к конституционализму, судебному контролю и индивидуальным правам»², ссылаясь на внутреннюю правовую культуру, демократическую традицию и специфический конституционный уклад.

«Открытый характер» прав человека, предполагающий, что «в конституционных и международно-правовых актах права человека всегда закрепляются в общих, абстрактных формулировках»³, оставляет место судебному усмотрению

и локализации в понимании их сущности. Например, в Швеции «нордическая исключительность» проявилась среди прочего в скептическом отношении к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (и в целом к институту защиты прав человека) до 1980-х годов⁴ и снятии только в XXI в. отдельных исторически обусловленных ограничений на судебный контроль за законодательной и исполнительной властями, в том числе в сфере защиты прав человека⁵, которые принято связывать с движением скандинавского правового реализма⁶. В центре подобной исключительности лежит широко распространенное, однако ошибочное, представление об отсутствии у Швеции

сика / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2024. С. 269.

⁴ См., например: Sundberg, J.W.F. Human Rights in Sweden: The Breakthrough of an Idea // Ohio State Law Journal. 1986. Vol. 47. P. 951–983.

⁵ См.: Langford, M., Madsen, M.R., Karlsson Schaffer, J. The Scandinavian Rights Revolution: Courts, Rights and Legal Mobilization since the 1970s // SSRN Electronic Journal. 2019. P. 15–16. URL: <https://ssrn.com/abstract=3395834> (дата обращения: 01.05.2025). См. также специальный выпуск «Нордического журнала по правам человека» об особенностях судебного контроля в Скандинавии (*Nordic Journal of Human Rights*. 2009. Vol. 27. Iss. 2), включающий среди прочего обзор изменений в шведском конституционном праве в области защиты прав человека: Nergelius, J. Judicial Review in Swedish Law — A Critical Analysis // Nordic Journal of Human Rights. 2009. Vol. 27. Iss. 2. P. 142–159. О некоторых историко-правовых аспектах политики и практики защиты прав человека в Скандинавии см., например: *Nordic Histories of Human Rights* / ed. by H.H. Vik, S.L.B. Jensen, L. Lindkvist, J. Strang. London : Routledge, 2020.

⁶ См., например: Strang, J. Scandinavian Legal Realism and Human Rights: Axel Hägerström, Alf Ross and the Persistent Attack on Natural Law // Nordic Journal of Human Rights. 2018. Vol. 36. Iss. 3. P. 202–218. См. подробнее: Тонков Д.Е. Влияние скандинавского правового реализма на идею прав человека в Швеции // Образование и право. 2020. № 4. С. 530–537. О движении скандинавского правового реализма см., например: Тонков Д.Е. Правовой реализм: американское и скандинавское направления. М. : Юрлитинформ, 2021.

Nordic Journal of Human Rights. 2018. Vol. 36. Iss. 3. P. 193. О «мировом лидерстве» скандинавов в области соблюдения стандартов прав и свобод человека см.: Исаев М.А. Механизм государственной власти в странах Скандинавии. Конституционно-правовые аспекты : автореф. дис. .... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 9. Об особенностях «нордической цивилизации» и Швеции как ее «ядра» см.: Королев С.В. Шведский государственный индивидуализм: игра интеллектуалов или реализованный миф? // История государства и права. 2021. № 12. С. 30–37.

² Langford, M., Karlsson Schaffer, J. The Nordic Human Rights Paradox: Moving Beyond Exceptionalism // University of Oslo Faculty of Law Research Paper № 2013-25. 2015. P. 2. URL: <https://ssrn.com/abstract=2275905> (дата обращения: 01.05.2025).

³ Варламова Н.В. Толкование актов о правах человека: неизбежность судебского усмотрения // Толкование права: классика и посткласс-

колониального или расистского прошлого⁷.

2. Колониализм и сегрегация

Швеция после Второй мировой войны зарекомендовала себя «выдающейся защитницей универсальных прав человека, активно поддерживала борьбу против колониализма и апартеида, самоопределение и развитие стран третьего мира, была несомненным критиком расизма и империализма, находилась среди самых щедрых развитых стран по отношению к беженцам»⁸. Однако с первой половины XVII в. до Берлинской конференции 1884–1885 гг. (по обсуждению раздела Африки между европейскими странами) Швеция активно участвовала в «колониальной схватке». Как и у других европейских стран, у Швеции были зафрахтованные суда в Африканской, Вест-Индской и Ост-Индской компаниях. В 1650 г. процветающая Шведская Африканская компания (существовавшая в 1649–1663 гг.) основала небольшую торговую колонию в Кабо-Корсо (Шведский Золотой Берег) на территории современной Ганы, где в 1652 г. поработленными африканцами был построен форт Карлсборг (позже переименованный англичанами в замок Кейп-Кост). Помимо золота, слоновой кости, сахара и других товаров, компания торговала рабами-африканцами⁹.

Также Швеция веками потребляла произведенные рабами импортированные колониальные товары, например

⁷ См., например: Pred, A. Even in Sweden: Racism, Racialized Spaces and the Popular Geographical Imagination. Berkeley : University of California Press, 2000; McEachrane, M. Universal Human Rights and the Coloniality of Race in Sweden // Human Rights Review. 2018. Vol. 19. P.471; Wyver, R. COVID-19 and Swedish exceptionalism // A Research Agenda for COVID-19 and Society. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2022. P. 50.

⁸ McEachrane, M. Op. cit. P. 471.

⁹ См.: ibid. P. 476.

планационный сахар, для которого во второй половине XVII в. в Стокгольме и Гетеборге были построены перерабатывающие заводы. Другими импортируемыми товарами на протяжении XVIII–XIX вв. были кофе и продукция из хлопка. Более того, в XVIII в. Швеция была и важным колониальным экспортёром: шведская сельсть поставлялась на плантации в Северную и Южную Америку, и железо — основной продукт экспорта — играло главную роль в колониальных планктационных хозяйствах для производства ружей, кандалов, цепей, мотыг и мачете. Даже в 1922 г., согласно отчету шведского Министерства сельского хозяйства, «колониальные товары, такие как кофе, специи и хлопчатобумажные материалы, были одними из наиболее распространенных оптовых товаров в стране»¹⁰.

Известный шведский историк Нильс Анлунд (*Nils Ahnlund*, 1889–1957) вызвал резонансную дискуссию в 1937 г., предположив, что Швеция была слабым и несовершенным колонизатором: это возмутило его слушателей, которые считали Швецию прошлых веков могущественной нацией. Подобные различия продолжают прослеживаться в характеристиках участия Швеции в глобальной экспансии. Более того, по-прежнему принято настаивать на «исключительности» Швеции с точки зрения колониального опыта и предпочтить не обсуждать ее продвижение на север Скандинавского полуострова или в Балтийский регион с точки зрения колониализма. Можно отметить, что постколониальные влияния привели к тому, что научная риторика о Швеции в целом перешла от «отсутствия колониализма» к «постколониализму»¹¹.

¹⁰ Ibid.

¹¹ См. подробнее: Fur, G. Colonialism and Swedish History: Unthinkable Connections? // Scandinavian Colonialism and the Rise of Modernity. London : Routledge, 2018.

Тем не менее одним из наиболее известных примеров шведской вовлеченности в международное расовое устройство колониальной эпохи является ее небольшая заморская колония в Карибском море, остров Сен-Бартелеми, которым она владела почти столетие (1784–1878). Свободный порт Густавия был значимым колониальным местом в то время: например, только в 1787 г. в порт прибыло 1 033 судна и покинуло 1 082, а в 1804–1805 гг. около двадцати полностью груженных рабами судов зашло в Густавию. На острове люди с разных концов света могли стать натурализованными подданными Швеции, однако только «белые» имели избирательные права (представители других рас получили данные права в ограниченном виде в 1821 г.). Порабощенные лица считались частной собственностью своих господ и подвергались таким практикам, как смертная казнь, пытки раскаленным железом, удары плетью и отрезание уха (при попытке побега)¹².

Эти глобальные колониальные устремления сопровождались внутренней сегрегацией народа саами (коренного населения северной части Скандинавии), подпитываемой растущей верой в то, что «белые шведы» были представителями высшей европейской цивилизации. Угнетение народа саами культивировалось веками, но в XIX в. приобрело небывалый ранее размах

и к концу столетия стало общепринятым мнение о том, что культурные различия между шведами и саами объяснялись их расами. В начале XX в. указанная тенденция выразилась в сегрегационной политике «лапландцы должны быть лапландцами», выражавшаяся в ограничении доступа саами к образованию, жизни в домах и другим «благам цивилизации», так как они «по своей природе» не были к ним приспособлены (подобная политика медленно начала меняться только в 1930–1940-е годы в связи с растущими сомнениями о будущем оленеводства и когда открытые ссылки на расу приобрели дурную славу)¹³.

3. Расовая биология, гигиена и евгеника

Одновременно со шведской колониальной историей с начала XVIII в. прослеживается лидирующая роль Швеции в расовых исследованиях и евгенике, когда шведский ботаник Карл Линней (*Carl Linnaeus*, 1707–1778) разделил человечество на четыре расовые группы с различными географическим происхождением и физико-психологическими характеристиками в своем труде «Система природы» 1735 г. (данний труд имел десять изданий в 1735–1758 гг. и быстро приобрел славу в университетах Европы). Хоть и не используя слово «раса», К. Линней распределил современных «разумных людей» (лат. *Homo sapiens*) на «белых» европейцев (лат. *Homo Europaeus*), «желтых» азиатов (лат. *Homo Asiaticus*), «красных» американцев (лат. *Homo Americanus*) и «черных» африканцев (лат. *Homo Africanus*), что было развито в последующем как за пределами, так и внутри Швеции: например, шведский анатом и натуралист Андерс Адольф Ретциус (*Anders Adolph Retzius*, 1796–1860) разработал индекс

nity: Small Time Agents in a Global Arena. N.Y. : Springer, 2013. P. 17–36. О шведском (и в целом nordическом) «постколониализме», «неоколониализме» и влиянии колониального прошлого на национальную идентичность см., например: Whiteness and Postcolonialism in the Nordic Region: Exceptionalism, Migrant Others and National Identities / ed. by K. Loftsdóttir, L. Jensen. Farnham, 2012; Complying with Colonialism: Gender, Race and Ethnicity in the Nordic Region / ed. by S. Keskinen, S. Tuori, S. Irni, D. Mulinari. Abingdon : Ashgate, 2009.

¹² См.: McEachrane, M. Op. cit. P. 476–477.

¹³ См. подробнее: ibid. P. 477.

определения расовой классификации с помощью измерений черепа¹⁴.

Более того, первое в мире государственное учреждение по расовым исследованиям — Государственный институт расовой биологии (швед. *Statens institut för rasbiologi, SIFR*) — было основано именно в шведском городе Уппсала: его возглавил врач и расовый биолог Херман Бернхард Лундборг (*Herman Bernhard Lundborg*, 1868–1943), который в 1922 г. дополнил возникшую после Первой мировой войны череду публикаций о распространенном ранее представлении, что шведы принадлежат к «высшей расе» (к «наиболее чистой ветви немецкой расы») и что массовая миграция населения грозит ее «вырождением», своей брошюй «Опасность дегенерации», содержащей идеи о «физических и духовных недостатках низших слоев населения» и «расовой ценности шведских старых фермерских хозяйств»¹⁵. Также одной из первых задач данного института, вдохновившего появление в 1927 г. немецкого Института антропологии, генетики человека и евгеники им. кайзера Вильгельма¹⁶, было измерение ста тысяч шведов, результатом чего стала изданная в 1926 г. на английском языке (для большей доступности результатов исследования) работа «Расовые особенности шведской нации»¹⁷.

¹⁴ См.: Wyver, R. Op. cit. P. 51.

¹⁵ См.: ibid. См. также: Гехт А.Б., Неровный А.В., Цверианашвили И.А. Академический расизм в Швеции в первой половине XX века: создание и деятельность Государственного института расовой биологии // Научный диалог. 2020. № 1. С. 288–302.

¹⁶ О деятельности данного института в 1933–1945 гг. см.: Weiss, S.F. Human Genetics and Politics as Mutually Beneficial Resources: The Case of the Kaiser Wilhelm Institute for Anthropology, Human Heredity and Eugenics During the Third Reich // Journal of the History of Biology. 2006. Vol. 39. P. 41–88.

¹⁷ The Racial Characters of the Swedish Nation / ed. by H. Lundborg, F.J. Linders. Stockholm : Almqvist & Wiksell, 1926

В конце 1920-х годов в Швеции была внедрена концепция-лозунг «народного дома» (швед. *folkhemmet*), основанная на солидарности между классами, как если бы они жили в одной семье. С того же времени, особенно в 1930–1940-е годы, активно развивались идеи евгеники (шведское общество евгеники было основано в 1909 г.), различные проекты расовой и социальной гигиены, в том числе государственные программы стерилизации маргинальных слоев населения для защиты будущего генетического благополучия и «чистоты шведской расы». Такие примеры, как Акты о стерилизации 1935 г. и 1941 г. (со стерилизацией около 3 000 человек по первому акту и не менее 1 500 человек ежегодно в 1950–1970-е годы по второму), требовались для построения общества «хорошей прогрессивной Швеции» в русле «народного дома»: концепции, которая остается частью шведской национальной идентичности и поныне¹⁸.

Современные шведские исследователи выделяют три этапа, которые характеризуют отношение общества в Швеции к своей расовой идентичности в XX–XXI вв.: 1) «белая чистота» в 1905–1968 гг.; 2) «белая солидарность» в 1968–2001 гг.; и 3) «белая меланхолия», начиная с 2001 г.¹⁹ Примечательно, что достаточно гомогенная нация «старой Швеции» в настоящее время существует с политически прогрессивнойнацией «хорошей Швеции», определяя так называемый этап белой меланхолии, т.е. период, характеризующийся «неолиберальной экономикой

¹⁸ См. подробнее о практической стороне евгеники в Швеции в 1930–1975 гг.: Wyver, R. Op. cit. P. 52–54; McEachrane, M. Op. cit. P. 478–479.

¹⁹ См.: Hübinette, T., Lundström, C. Three phases of hegemonic whiteness: understanding racial temporalities in Sweden // Social Identities: Journal for the Study of Race, Nation and Culture. 2014. Vol. 20. Iss. 6. P. 423.

и неоконсервативной культурой, ликвидацией государства всеобщего благосостояния и заменой его режимом с оплатой труда, колониальной ностальгией, нелиберальным поворотом и исламофобией, а также общим кризисным менталитетом и чувством страха и тревоги по отношению ко всему, что считается иностранным, небелым и нехристианским»²⁰.

4. Пандемия COVID-19

Ответ Швеции на пандемию коронавирусной инфекции COVID-19, продолжавшуюся, согласно данным Всемирной организации здравоохранения, с 11 марта 2020 г. по 5 мая 2023 г., с новой силой поднял вопрос о необходимости искоренения негативных аспектов шведской «исключительности». В многочисленной научной литературе по данной проблематике за последние несколько лет подчеркивается особый подход Швеции, который является лишь одним из звеньев традиционной для нее «исключительности» и даже становится в этом плане шаблонным, или обыденным²¹.

Указанный шведский подход может быть обозначен как «радикальный» и «исключительный», основанный на стратегии распространения болезни среди незащищенных слоев населения в надежде на создание коллективного иммунитета: подобная стратегия избегала введения локдауна при сохранении ведения открытого бизнеса, включая посещение ресторанов

²⁰ Ibid. P. 431.

²¹ См. подробнее объяснение игры слов во фразе «неисключительная исключительность» (англ. unexceptional exceptionalism): Anderson, S., Aylott, N. Sweden and Coronavirus: Unexceptional Exceptionalism // Social Sciences. 2020. Vol. 9. Iss. 12. Art. 232. P. 1–18. Также в литературе отмечаются сходства реагирования на коронавирусную инфекцию Швеции и Японии в аспекте мироощущения данных стран как «исключительных».

и спортивных залов, а также ожидала ответственного поведения от населения при соблюдении официальных рекомендаций²². Однако возникает вопрос, не был ли данный подход проявлением расовой сегрегации и отчуждения, а не универсального равенства и свободы, так как, например, во вторую волну инфекции наблюдался существенный рост смертей среди «небелого» населения и представителей старшего поколения, что зачастую объяснялось их «неспособностью понимать и следовать рекомендациям»²³.

Шведская самоидентификация как исключительно сознательных и ответственных людей, особенно в сравнении с представителями других стран, способствовала особому восприятию вызовов коронавирусной инфекции. Любая критика шведского подхода, в том числе научно аргументированная, была воспринята как угроза национальной исключительности и стигматизирована. Подобная крайняя нетерпимость к несогласующейся с официальной позицией свидетельствует не только о защите государственных интересов, но и о попытке сохранения исторически обусловленных претензий на «особый» шведский путь в борьбе с кризисами²⁴, в том числе с пандемией (от греч. *pandemos* — всенародный), несмотря на примерно схожее воздействие инфекции на организм практически каждого жителя планеты.

²² См.: Wyver, R. Op. cit. P. 44; Giritli Nygren, K., Olofsson, A. Swedish exceptionalism, herd immunity and the welfare state: A media analysis of struggles over the nature and legitimacy of the COVID-19 pandemic strategy in Sweden // Current Sociology Monograph. 2021. Vol. 69. Iss. 4. P. 529–546.

²³ См. подробнее: Wyver, R. Op. cit. P. 45–46.

²⁴ См.: Simonsen, S. Swedish exceptionalism and the Sars-CoV2 pandemic crisis: Representations of crisis and national identity in the public sphere // Risks Hazards & Crisis in Public Policy. 2022. Vol. 13. Iss. 3. P. 290 и др.

5. Заключение

В настоящее время скандинавские страны считаются ведущими государствами в области защиты прав человека, однако подобное мнение скорее является отражением риторики данных стран в международной политике с 1960–1970 гг., чем результатом историко-правовых исследований²⁵. Формированию данного мнения частично способствовало и то, что с 1935 г. преемник Х. Лундборга на посту главы шведского Государственного института расовой биологии — Гуннар Дальберг (*Gunnar Dahlberg*, 1893–1956) — занимал более умеренную позицию относительно расовых и наследственных аспектов человека, поддерживал кампанию ЮНЕСКО против расизма в 1950-х годах (например, составил свой комментарий на проект первой Декларации о расе ЮНЕСКО 1950 г. и был соавтором второго проекта в 1951 г.)²⁶. Более того, представители Скандинавии были первыми двумя избранными Генеральными секретарями ООН (Т. Ли и Д. Хаммаршёльд)²⁷, активно участвовали в разработке международных документов по правам человека, таких как Всеобщая декларация прав человека 1948 г. и Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

После разоблачения ужасающих злодеяний нацистского режима в середине 1940-х годов Швеция отвергла лю-

бые сходства между своими изысканиями в евгенике и немецкими расовыми доктринаами. Однако государственные программы стерилизации продолжали поддерживаться разными политическими силами внутри Швеции (не только крайне правыми)²⁸. Идеи общества, состоящего из «хороших шведов», и государства, стремящегося к «всеобщему благосостоянию», занимают крепкие позиции в Швеции, что способствовало уже в XXI в. фактическому (сначала официально отрицаемому²⁹) принятию стратегии формирования коллективного иммунитета к пандемии COVID-19: такая стратегия не только поддержала экономику страны, но и подвергла значительному риску заражения именно «малозащищенные и наименее ценные слои населения, безусловно напоминая защиту и укрепление шведского “расового состава” путем стерилизации других представителей нации»³⁰.

Опора на интеллектуальную само-рефлексию ученых Скандинавии (взгляд из группы «мы») позволяет в рамках стороннего исследования (взгляд из группы «другие»)³¹ акцентировать наиболее актуальные вопросы каждой из затронутых тем. Предполагаемое «моральное превосходство» Швеции в самых разных сферах жизни³² связывается шведскими авторами и с мифом загадочной северной страны Гипербореи (греч. Υπερβορεία — дословно «за Бореем»³³, т.е. «за север-

²⁵ См., например: Browning, C.S. Branding Nordicity: Models, Identity and the Decline of Exceptionalism // Cooperation and Conflict. 2007. Vol. 42. Iss. 1. P. 27–51. См. также: Sundberg, J.W.F. Op. cit.

²⁶ См., например: McEachrane, M. Op. cit. P. 478–479.

²⁷ Трюгве Хальвдан Ли (Trygve Halvdan Lie, 1896–1968) — норвежский политический деятель, первый избранный Генеральный секретарь ООН в 1946–1952 гг.; Даг Яльмар Агне Карл Хаммаршёльд (Dag Hjalmar Agne Carl Hammarskjöld, 1905–1961) — шведский политический деятель, второй избранный Генеральный секретарь ООН в 1953–1961 гг.

²⁸ См. подробнее: Wyver, R. Op. cit. P. 54.

²⁹ См.: Anderson, S., Aylott, N. Op. cit. P. 5.

³⁰ См.: Wyver, R. Op. cit. P. 54.

³¹ Взгляд из группы «другие» основан в первую очередь на англоязычных источниках авторов из группы «мы», т.е. на специально адаптированных для группы «другие» текстах.

³² См., например, исследование о связи шведской исключительности с усыновлением и суррогатным материнством: Gondouin, J. Adoption, Surrogacy and Swedish Exceptionalism // Critical Race and Whiteness Studies Journal. 2012. Vol. 8. Iss. 2. P. 1–20.

³³ Борей — бог бурного северного ветра в греческой мифологии.

ным ветром», «страна севера»)³⁴. Приведенные в работе примеры позволяют убедиться в сомнительности и мифологичности представления, что Швеция была и остается всего лишь «участвую-

щим наблюдателем» и «беспристрастным исследователем во имя науки и культуры»³⁵ в колониализме, расизме и других неприглядных сторонах истории человечества.

³⁴ Ibid. Р. 3—4. См. подробнее работу Катарины Скуг «Гиперборея: идеи о месте Швеции в мире» 2008 г. на шведском языке: Schough, K. Hyperboré: Föreställningar om Sveriges plats i världen. Stockholm: Carlssons Bokförlag, 2008.

³⁵ В кавычках приведены фразы о гиперборецах из ранее указанной книги К. Скуг. См. подробнее: Gondouin, J. Op. cit. Р. 3; Wyver, R. Op. cit. Р. 55.

Литература

1. Варламова Н.В. Толкование актов о правах человека: неизбежность судейского усмотрения / Н.В. Варламова // Толкование права: классика и постклассика : коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. Санкт-Петербург : Алетейя, 2024. С. 269—284.
2. Гехт А.Б. Академический расизм в Швеции в первой половине XX века: создание и деятельность Государственного института расовой биологии / А.Б. Гехт, А.В. Неровный, И.А. Цверианашвили // Научный диалог. 2020. № 1. С. 288—302. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-288-302
3. Исаев М.А. Механизм государственной власти в странах Скандинавии. Конституционно-правовые аспекты : автореферат диссертации доктора юридических наук / М.А. Исаев. Москва, 2004. 37 с.
4. Королев С.В. Шведский государственный индивидуализм: игра интеллектуалов или реализованный миф? / С.В. Королев // История государства и права. 2021. № 12. С. 30—37. DOI: 10.18572/1812-3805-2021-12-30-37
5. Тонков Д.Е. Влияние скандинавского правового реализма на идею прав человека в Швеции / Д.Е. Тонков // Образование и право. 2020. № 4. С. 530—537. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10485
6. Тонков Д.Е. Правовой реализм: американское и скандинавское направления : монография / Д.Е. Тонков. Москва : Юрлитинформ, 2021. 232 с.
7. Anderson, S. Sweden and Coronavirus: Unexceptional Exceptionalism / S. Anderson, N. Aylott // Social Sciences. 2020. Vol. 9. Iss. 12. Art. 232. P. 1—18. DOI: 10.3390/socsci9120232
8. Browning, C.S. Branding Nordicity: Models, Identity and the Decline of Exceptionalism / C.S. Browning // Cooperation and Conflict. 2007. Vol. 42. Iss. 1. P. 27—51. DOI: 10.1177/0010836707073475
9. Complying with Colonialism: Gender, Race and Ethnicity in the Nordic Region / eds. by S. Keskinen, S. Tuori, S. Irni, D. Mulinari. Abingdon : Ashgate, 2009. 288 p.
10. Fur, G. Colonialism and Swedish History: Unthinkable Connections? / G. Fur // Scandinavian Colonialism and the Rise of Modernity: Small Time Agents in a Global Arena / eds. by M. Naum, J.M. Nordin. N.Y. : Springer, 2013. P. 17—36. DOI: 10.1007/978-1-4614-6202-6_2
11. Giritli Nygren, K. Swedish exceptionalism, herd immunity and the welfare state: A media analysis of struggles over the nature and legitimacy of the COVID-19 pandemic strategy in Sweden / K. Giritli Nygren, A. Olofsson // Current Sociology. 2021. Vol. 69. Iss. 4. P. 529—546. DOI: 10.1177/0011392121990025
12. Gondouin, J. Adoption, Surrogacy and Swedish Exceptionalism / J. Gondouin // Critical Race and Whiteness Studies Journal. 2012. Vol. 8. Iss. 2. P. 1—20.
13. Hübner, T. Three phases of hegemonic whiteness: understanding racial temporalities in Sweden / T. Hübner, C. Lundström // Social Identities: Journal for the Study of Race, Nation and Culture. 2014. Vol. 20. Iss. 6. P. 423—437. DOI: 10.1080/13504630.2015.1004827
14. Langford, M. The Nordic Human Rights Paradox: Moving Beyond Exceptionalism / M. Langford, J. Karlsson Schaffer // University of Oslo Faculty of Law Research Paper № 2013-25. 2015. P. 1—36. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2275905> (date of access: 01.05.2025).
15. Langford, M. The Scandinavian Rights Revolution: Courts, Rights and Legal Mobilization since the 1970s / M. Langford, M.R. Madsen, J. Karlsson Schaffer // SSRN Electronic Journal. 2019. P. 1—23. DOI: 10.2139/ssrn.3395834

16. McEachrane, M. Universal Human Rights and the Coloniality of Race in Sweden / M. McEachrane // Human Rights Review. 2018. Vol. 19. P. 471–493. DOI: 10.1007/s12142-018-0510-x
17. Nergelius, J. Judicial Review in Swedish Law — A Critical Analysis / J. Nergelius // Nordic Journal of Human Rights. 2009. Vol. 27. Iss. 2. P. 142–159.
18. Nordic Histories of Human Rights / eds. by H.H. Vik, S.L.B. Jensen, L. Lindkvist, J. Strang. London : Routledge, 2020. 146 p.
19. Pred, A. Even in Sweden: Racism, Racialized Spaces, and the Popular Geographical Imagination / A. Pred. Berkeley : University of California Press, 2000. XVII, 321 p.
20. Schough, K. Hyperboré: Föreställningar om Sveriges plats i världen / K. Schough. Stockholm : Carlssons Bokförlag, 2008. 247 s.
21. Simonsen, S. Swedish exceptionalism and the Sars-CoV2 pandemic crisis: Representations of crisis and national identity in the public sphere / S. Simonsen // Risks Hazards & Crisis in Public Policy. 2022. Vol. 13. Iss. 3. P. 277–295. DOI: 10.1002/rhc3.12247
22. Strang, J. Scandinavian Legal Realism and Human Rights: Axel Hägerström, Alf Ross and the Persistent Attack on Natural Law / J. Strang // Nordic Journal of Human Rights. 2018. Vol. 36. Iss. 3. P. 202–218. DOI: 10.1080/18918131.2018.1522757
23. Sundberg, J.W.F. Human Rights in Sweden: The Breakthrough of an Idea / J.W.F. Sundberg // Ohio State Law Journal. 1986. Vol. 47. P. 951–983.
24. The Racial Characters of the Swedish Nation / eds. by H. Lundborg, F.J. Linders. Stockholm, Almqvist & Wiksell, 1926. 182 p.
25. Vik, H.H. Histories of Human Rights in the Nordic Countries / H.H. Vik, S.L.B. Jensen, L. Lindkvist, J. Strang // Nordic Journal of Human Rights. 2018. Vol. 36. Iss. 3. P. 189–201. DOI: 10.1080/18918131.2018.1522750
26. Weiss, S.F. Human Genetics and Politics as Mutually Beneficial Resources: The Case of the Kaiser Wilhelm Institute for Anthropology, Human Heredity and Eugenics During the Third Reich / S.F. Weiss // Journal of the History of Biology. 2006. Vol. 39. P. 41–88. DOI: 10.1007/s10739-005-6532-7
27. Whiteness and Postcolonialism in the Nordic Region: Exceptionalism, Migrant Others and National Identities / eds. by K. Loftsdóttir, L. Jensen. Farnham : Ashgate, 2012. 182 p.
28. Wyver, R. COVID-19 and Swedish exceptionalism / R. Wyver // A Research Agenda for COVID-19 and Society / ed. by S. Matthewman. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2022. P. 43–60. DOI: 10.4337/9781800885141.00010

References

1. Varlamova, N.V. Tolkovanie aktov o pravakh cheloveka: neizbezhnost sudeyskogo usmotreniya [Interpretation of Human Rights Acts: Inevitability of Judicial Discretion] / N.V. Varlamova // Tolkovanie prava: klassika i postklassika : kollektivnaya monografiya / pod red. E.N. Tonkova, I.L. Chestnova. Sankt-Peterburg : Aleteyya — Interpretation of Law: Classical and Postclassical Approaches : collective monograph / edited by E.N. Tonkov, I.L. Chestnov. Saint Petersburg : Aletheia, 2024. S. 269–284.
2. Gekht, A.B. Akademicheskiy rasizm v Shvetsii v pervoy polovine XX veka: sozdanie i deyatel'nost Gosudarstvennogo instituta rasovoy biologii [Academic Racism in Sweden in the First Half of the 20th Century: The Establishment and Activities of the State Institute for Racial Biology] / A.B. Gekht, A.V. Nerovny, I.A. Tsvetianashvili // Nauchny'y dialog — Scientific Dialogue. 2020. № 1. S. 288–302. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-288-302
3. Isaev, M.A. Mekhanizm gosudarstvennoy vlasti v stranakh Skandinavii. Konstitutsionno-pravovy'e aspekty' : avtoreferat dissertatsii doktora yuridicheskikh nauk [The Mechanism of Government in Scandinavian Countries. Constitutional and Legal Aspects : author's abstract of thesis of LL.D.] / M.A. Isaev. Moskva — Moscow, 2004. 37 s.
4. Korolev, S.V. Shvedskiy gosudarstvenny'y individualizm: igra intellektualov ili realizovanny'y mif? [Swedish State Individualism: A Game of Intellectuals or an Implemented Myth?] / S.V. Korolev // Istorija gosudarstva i prava — History of State and Law. 2021. № 12. S. 30–37. DOI: 10.18572/1812-3805-2021-12-30-37
5. Tonkov, D.E. Vliyanie skandinavskogo pravovogo realizma na ideyu praw cheloveka v Shvetsii [The Impact of Scandinavian Legal Realism on the Idea of Human Rights in Sweden] / D.E. Tonkov // Obrazovanie i pravo — Education and Law. 2020. № 4. S. 530–537. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10485

6. Tonkov, D.E. Pravovoy realizm: amerikanskoe i skandinavskoe napravleniya : monografiya [Legal Realism: American and Scandinavian Directions : monograph] / D.E. Tonkov. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Urlitinform, 2021. 232 s.
7. Anderson, S. Sweden and Coronavirus: Unexceptional Exceptionalism / S. Anderson, N. Aylott // Social Sciences. 2020. Vol. 9. Iss. 12. Art. 232. S. 1–18. DOI: 10.3390/socsci9120232
8. Browning, C.S. Branding Nordicity: Models, Identity and the Decline of Exceptionalism / C.S. Browning // Cooperation and Conflict. 2007. Vol. 42. Iss. 1. S. 27–51. DOI: 10.1177/0010836707073475
9. Complying with Colonialism: Gender, Race and Ethnicity in the Nordic Region / eds. by S. Kesskinen, S. Tuori, S. Irni, D. Mulinari. Abingdon : Ashgate, 2009. 288 s.
10. Fur, G. Colonialism and Swedish History: Unthinkable Connections? / G. Fur // Scandinavian Colonialism and the Rise of Modernity: Small Time Agents in a Global Arena / eds. by M. Naum, J.M. Nordin. N.Y. : Springer, 2013. S. 17–36. DOI: 10.1007/978-1-4614-6202-6_2
11. Giritli Nygren, K. Swedish Exceptionalism, Herd Immunity and the Welfare State: A Media Analysis of Struggles over the Nature and Legitimacy of the COVID-19 Pandemic Strategy in Sweden / K. Giritli Nygren, A. Olofsson // Current Sociology. 2021. Vol. 69. Iss. 4. S. 529–546. DOI: 10.1177/0011392121990025
12. Gondouin, J. Adoption, Surrogacy and Swedish Exceptionalism / J. Gondouin // Critical Race and Whiteness Studies Journal. 2012. Vol. 8. Iss. 2. S. 1–20.
13. Hübinette, T. Three Phases of Hegemonic Whiteness: Understanding Racial Temporalities in Sweden / T. Hübinette, C. Lundström // Social Identities: Journal for the Study of Race, Nation and Culture. 2014. Vol. 20. Iss. 6. S. 423–437. DOI: 10.1080/13504630.2015.1004827
14. Langford, M. The Nordic Human Rights Paradox: Moving Beyond Exceptionalism / M. Langford, J. Karlsson Schaffer // University of Oslo Faculty of Law Research Paper № 2013-25. 2015. S. 1–36. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2275905> (date of access: May 1, 2025).
15. Langford, M. The Scandinavian Rights Revolution: Courts, Rights and Legal Mobilization Since the 1970s / M. Langford, M.R. Madsen, J. Karlsson Schaffer // SSRN Electronic Journal. 2019. S. 1–23. DOI: 10.2139/ssrn.3395834
16. McEachrane, M. Universal Human Rights and the Coloniality of Race in Sweden / M. McEachrane // Human Rights Review. 2018. Vol. 19. S. 471–493. DOI: 10.1007/s12142-018-0510-x
17. Nergelius, J. Judicial Review in Swedish Law — A Critical Analysis / J. Nergelius // Nordic Journal of Human Rights. 2009. Vol. 27. Iss. 2. S. 142–159.
18. Nordic Histories of Human Rights / eds. by H.H. Vik, S.L.B. Jensen, L. Lindkvist, J. Strang. London : Routledge, 2020. 146 s.
19. Pred, A. Even in Sweden: Racism, Racialized Spaces, and the Popular Geographical Imagination / A. Pred. Berkeley : University of California Press, 2000. XVII, 321 s.
20. Schough, K. Hyperboré: Föreställningar om Sveriges plats i världen / K. Schough. Stockholm : Carlssons Bokförlag, 2008. 247 s.
21. Simonsen, S. Swedish Exceptionalism and the Sars-CoV2 Pandemic Crisis: Representations of Crisis and National Identity in the Public Sphere / S. Simonsen // Risks Hazards & Crisis in Public Policy. 2022. Vol. 13. Iss. 3. S. 277–295. DOI: 10.1002/rhc3.12247
22. Strang, J. Scandinavian Legal Realism and Human Rights: Axel Hägerström, Alf Ross and the Persistent Attack on Natural Law / J. Strang // Nordic Journal of Human Rights. 2018. Vol. 36. Iss. 3. S. 202–218. DOI: 10.1080/18918131.2018.1522757
23. Sundberg, J.W.F. Human Rights in Sweden: The Breakthrough of an Idea / J.W.F. Sundberg // Ohio State Law Journal. 1986. Vol. 47. S. 951–983.
24. The Racial Characters of the Swedish Nation / eds. by H. Lundborg, F.J. Linders. Stockholm, Almqvist & Wiksell, 1926. 182 s.
25. Vik, H.H. Histories of Human Rights in the Nordic Countries / H.H. Vik, S.L.B. Jensen, L. Lindkvist, J. Strang // Nordic Journal of Human Rights. 2018. Vol. 36. Iss. 3. S. 189–201. DOI: 10.1080/18918131.2018.1522750
26. Weiss, S.F. Human Genetics and Politics as Mutually Beneficial Resources: The Case of the Kaiser Wilhelm Institute for Anthropology, Human Heredity and Eugenics During the Third Reich / S.F. Weiss // Journal of the History of Biology. 2006. Vol. 39. S. 41–88. DOI: 10.1007/s10739-005-6532-7
27. Whiteness and Postcolonialism in the Nordic Region: Exceptionalism, Migrant Others and National Identities / eds. by K. Loftsdóttir, L. Jensen. Farnham : Ashgate, 2012. 182 s.
28. Wyver, R. COVID-19 and Swedish Exceptionalism / R. Wyver // A Research Agenda for COVID-19 and Society / ed. by S. Matthewman. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2022. S. 43–60. DOI: 10.4337/9781800885141.00010

Правовые основы реализации внешних функций государства в КНР

Платонов Антон Павлович,
помощник министра финансов Российской Федерации,
кандидат юридических наук
a.platonov@minfin.ru

Статья посвящена рассмотрению вопроса о практических аспектах реализации Закона КНР о международных отношениях 2023 г.

На основании изучения практики международного общения китайской стороны с другими странами сделан вывод о значительном влиянии принятого Закона на внешнеполитическую деятельность Китая и формирование строгой нормативности при реализации внешних функций государства.

Ключевые слова: внешняя политика, внешние функции государства, Китай, КНР, Закон о международных отношениях, санкции.

Основы внешней политики КНР определяются партийными документами и конституционными нормами. В системе нормативного правового регулирования реализации внешних функций государства в Китае особое место принадлежит Закону о международных отношениях Китая¹, принятому в июне 2023 г. и вступившему в силу 1 июля 2023 г. Этот документ в своем роде уникален². Во многих зарубежных странах отсутствует единый целостный закон, излагающий базовые основы и принципы внешнеполитической деятельности государства. Закон вобрал в себя ранее разрозненные по различным документам правовые идеи и руководящие наставления, а благодаря их оформлению в рамки законодательного акта данные идеи и наставления трансформировались из неосязаемого субстанциального явле-

ния в непосредственное руководство к действию³.

Закон о международных отношениях включает шесть глав. Он начинается с изложения общих принципов. Соответствующая глава имеет важное значение, так как в ней сформулированы базовые начала и принципы внешней политики Китая, которыми обязаны руководствоваться все органы власти и их должностные лица. Основы предопределяют направление регулирующего воздействия государства в отношении иных аспектов деятельности по реализации внешних функций государства⁴. В первой главе Закона о международных отношениях сформулированы цели внешней политики, которые могут быть сведены к нескольким основным постулатам: миролюбие, отстаивание

¹ Закон о международных отношениях Китая 2023 г. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/foreign-relations-law/> (date of access: 03.03.2025).

² Виноградов А.О., Трошинский П.В., Мамыкин И.К. Закон КНР о внешних связях КНР // Аналитические записки ИКСА РАН. 2023. Вып. 5. М., 2023.

³ См. подробнее: Самович Ю.В. Закон о международных отношениях и внешняя политика Китая // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2025. № 1. С. 71–84.

⁴ См. подробнее: Платонов А.П. Правовой механизм реализации внешних функций государства : сравнительное исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024.

собственных интересов и национальной безопасности.

Своеборазным и непривычным для западного эксперта выглядит ст. 3 Закона о международных отношениях, фиксирующая мировоззренческо-философские основы внешней политики Китая. Они складываются из симбиоза и единения идей марксизма-ленинизма, взглядов Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Си Цзиньпина, размышлений о трех представителях, научного подхода. Также важное значение имеет четкое формулирование перечня принципов китайской внешней политики.

Вторая глава Закона о международных отношениях характеризуется более прикладным характером, так как в ней перечислены основные функции и полномочия центральных органов государственной власти Китая во внешнеполитической сфере.

Цели и задачи внешней политики страны более подробно раскрыты в третьей главе Закона о международных отношениях. Китайская концепция отношений с другими странами предполагает обязательный учет общечеловековспирательных задач и будущности всего человечества в целом. Китайское политическое руководство совершенственно справедливо принимает в расчет глобализирующуюся реальность, в условиях которой поступательное национальное развитие невозможно без контекста будущности человечества. Поэтому в Законе четко прослеживается уважительное отношение к Организации Объединенных Наций, признание вневременной и непреходящей ценности этой организации.

Согласно ст. 27 Закона о международных отношениях одним из аспектов внешней политики Китая является оказание помощи другим странам для содействия их гуманитарному, экономическому и иному развитию. Это на-

правление внешнеполитической активности в полной мере соответствует пониманию Китаем своей роли и места в системе государств.

Четвертая глава Закона о международных отношениях содержит различные общеправовые и политические постулаты, логично связанные с другими нормами закона. Так, в этой главе более развернуто описано содержание обязательства Китая выполнять международные договоры, участником которых он является. Пятая глава указанного Закона посвящена основам финансово-организационного обеспечения реализации внешней политики страны. Шестая глава является сугубо технической, так как состоит всего из одной статьи, касающейся вступления Закона в силу.

С позиций непосредственного влияния на внешнюю политику Китая более прикладное значение имеет ряд статей Закона о международных отношениях. Речь идет о ст. 30–33 Закона, которые, как выяснилось по реакции ряда зарубежных государств, вызывают наибольшие опасения у мирового сообщества⁵. В них прослеживается новая угрожающая тенденция развития китайской государственности, которая выражена в следующих аспектах:

1. Приоритет национального законодательства и Конституции Китая перед международным правом. Например, это выражено в требовании соответствия Конституции Китая международных договоров и соглашений, к которым присоединяется Китай.

2. Общепризнанные принципы и нормы международного права применимы только в той степени, в которой это отвечает интересам национальной безопасности и суверенитета.

⁵ Самович Ю.В. Закон о международных отношениях КНР: что тревожит Запад? // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 10. № 2. С. 79–83.

3. Возможность применения ограничительных мер и контрмер в отношении действий любой страны, нарушающих общепризнанные принципы и нормы международного права и наносящих вред безопасности, суверенитету и интересам развития Китая (ст. 33 Закона).

По мнению западных аналитиков, наибольшую угрозу представляет ст. 31 Закона о международных отношениях, позволяющая Китаю произвольно следовать положениям международных договоров и соглашений, руководствуясь достаточно неопределенными критериями возможности нанесения ущерба национальной безопасности и суверенитету. В целом отмеченное законоположение демонстрирует намечающийся отход Китая от следования международному праву⁶. Некоторые авторы полагают, что на основании ст. 34 Закона Китай откровенно оформляет свои территориальные претензии на Тайвань⁷.

Закон о международных отношениях сразу же после принятия фактически стал использоваться в практике международных коммуникаций представителей китайского внешнеполитического ведомства и других должностных лиц. В частности, это выражается, например, в содержании политических официальных заявлений должностных лиц Китая, которые представляют собой практически дословное воспроизведение отдельных мест этого законодательного акта. Так, во время встречи 23 октября 2023 г. министра иностранных дел Китая Ван И с президентом США Джо Байденом представитель Китая заявил,

что «важнейшей политической основой отношений между двумя странами» является «принцип “одного Китая”». Помимо всего прочего, глава МИД КНР упомянул про следование трем принципам взаимного уважения, мирного сосуществования, сотрудничества и обоюдного выигрыша⁸, которые непосредственно сформулированы в ст. 4 Закона о международных отношениях.

Из приведенного выше примера очевидно, что ставшие нормативным императивом идеи и принципы внешней политики становятся составной частью риторики китайских должностных лиц при ведении международных переговоров, в целях обоснования следования определенным позициям по тем или иным вопросам. Можно утверждать, что Закон о международных отношениях способствует универсализации и стандартизации китайского внешнеполитического общения, получившего значимый ориентир. Этот Закон насыщен нормами-принципами, в обобщенном виде указывающими на приверженность Китая базовым и неизыгаемым ценностям в сфере межгосударственного общения. Конечно, эти принципы и идеи имеют многолетнюю историю, в той или иной мере закреплены в актах международного права и стали общепринятой практикой международных отношений. Сам рассматриваемый Закон ничего принципиально нового в эту сферу не внес, однако его значение выражается в формализации средствами национального права соответствующих идей и обеспечения их средствами правового воздействия.

Другим важным практическим аспектом реализации положений Закона о международных отношениях стало

⁶ The South China Sea Arbitration (The Republic of Philippines v. The People's Republic of China) // Permanent Court of Arbitration. URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/Z7> (date of access: 03.03.2025).

⁷ Singh, T. Deciphering China's Law on Foreign Relations // Indian Council of World Affairs. URL: https://icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=9820&lid=6281 (date of access: 03.03.2025).

⁸ Президент США Джо Байден встретился с Ван И. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/wshd/202310/t20231029_11170186.html (date of access: 03.03.2025).

формирование определенного и ясного нормативного обоснования режима контранакций со стороны Китая в ответ на санкционное давление США и его союзников. Так, в феврале 2025 г. Министерство коммерции КНР заявило о недопустимости введенных против ряда китайских компаний санкций со стороны Канады. При этом в обоснование занятой позиции китайская сторона ссыпалась на противоречие действий канадской стороны сложившемуся международному порядку в торгово-экономических отношениях⁹. Подобная реакция и оценка односторонних действий Канады по смыслу ст. 31 Закона о международных отношениях позволяют Китаю ответить принятием ограничительных и контрмер.

К ответным действиям Китай приступил только в конце 2024 г. В декабре 2024 г. Министерство торговли КНР ввело запрет на экспорт в США галлия, германия, сурьмы и некоторых других материалов, которые могут использоваться в том числе для производства продукции военного назначения. Несколько месяцами ранее Китай ввел адресные санкции в отношении нескольких американских военных компаний, которые были уличены в поставке вооружения на Тайвань. В октябре 2024 г. Китай установил санкции в отношении крупнейшего американского производителя беспилотников. КНР также ввел санкции в отношении еще ряда американских компаний, вовлеченных в производство и поставку вооружений¹⁰.

⁹ В КНР ответили на санкции Канады в отношении китайских компаний. URL: <https://ria.ru/20250226/kitaj-2001635287.html?ysclid=m7sr6iauc0616995271> (дата обращения: 04.03.2025).

¹⁰ Обострение торгового давления США — как ответит Китай? URL: <https://worldmarketstudies.ru/article/obostrenie-torgovogo-davleniya-ssa-kak-otvetit-kitaj/> (дата обращения: 04.03.2025).

Положения Закона о международных отношениях в части оснований применения контрмер могут быть обоснованием для защиты китайских компаний от европейских санкций в рамках 15-го пакета антироссийских санкций, утвержденных 16 декабря 2024 г. Под них попал ряд китайских организаций, связанных с деятельностью по перевозке нефти. Китайская сторона незамедлительно анонсировала принятие ответных мер, направленных на недопущение ограничения законных прав и интересов китайских предприятий¹¹.

Стоит отметить, что еще в октябре 2024 г. министр торговли Китая Ван Вэнътао во время телефонного разговора с министром торговли США Джиной Раймондо призвал американскую сторону снять санкции с китайских компаний и нормализовать условия для ведения бизнеса в США для китайских предприятий¹².

Таким образом, на основании вышеизложенного можно заключить, что принятие Закона КНР о международных отношениях стало важной вехой в развитии внешней политики Китая как сильного государства¹³. Впервые основополагающие принципы и идеи внешнеполитической деятельности, которые ранее существовали в виде не облеченные в нормативность представлений, образов и неправовых документов, приобрели свойства нормы права.

¹¹ Китай защитит компании после их внесения в пакет антироссийских санкций. URL: <https://runews24.ru/world/19/12/2024/kitaj-zashhitit-kompanii-posle-ix-vneseniya-v-paket-antirossijskikh-sankcij> (дата обращения: 04.03.2025).

¹² Министр торговли Китая и министр торговли США провели телефонный разговор. URL: https://english.www.gov.cn/news/202410/09/content_WS6705d629c6d0868f4e8eb9a3.html (date of access: 04.03.2025).

¹³ Малиновский А.А. Концепт «сильное государство» в политико-правовом измерении // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 3. С. 506–526.

Тем самым внешняя политика страны получила прочный нравственно-идеологический базис, призванный обеспечить ее целостность и монолитность. Другим важным аспектом действия названного Закона является легитимизация допустимости отхода от следования общепризнанным принципам и нормам международного права в ка-

честве способа разрешения правовых коллизий между ними и национальным законодательством. Кроме того, с принятием Закона о международных отношениях более прочный нормативный базис получила практика введения Китаем ответных мер на санкции в отношении китайских компаний и физических лиц.

Литература

1. Виноградов А.О. Закон КНР о внешних связях КНР / А.О. Виноградов, П.В. Трошинский, И.К. Мамыкин // Аналитические записки ИКСА РАН. Вып. 5. Москва, 2023. С. 10–15.
2. Малиновский А.А. Концепт «сильное государство» в политico-правовом измерении / А.А. Малиновский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 3. С. 506–526.
3. Платонов А.П. Правовой механизм реализации внешних функций государства : сравнительное исследование : диссертация кандидата юридических наук / А.П. Платонов. Москва, 2024. 251 с.
4. Самович Ю.В. Закон о международных отношениях и внешняя политика Китая / Ю.В. Самович // Социальные и гуманистические науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2025. № 1. С. 71–84.
5. Самович Ю.В. Закон о международных отношениях КНР: что тревожит Запад? / Ю.В. Самович // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 10. № 2. С. 79–83.
6. Singh, T. Deciphering China's Law on Foreign Relations / T. Singh // Indian Council of World Affairs. 2023. 7 August.

References

1. Vinogradov, A.O. Zakon KNR o vnesnih syazyakh KNR [The Law of the PRC on Foreign Relations of the PRC] / A.O. Vinogradov, P.V. Troschinsky, I.K. Mamykin // Analytical Notes of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. Iss. 5. Moscow, 2023. S. 10–15.
2. Malinovsky, A.A. Kontsept «silnoe gosudarstvo» v politiko-pravovom izmerenii [The Concept of a Strong State in the Political and Legal Dimension] / A.A. Malinovsky // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya : Yuridicheskie nauki. 2021. T. 25 — Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series : Legal Sciences. 2021. Vol. 25. № 3. S. 506–526.
3. Platonov, A.P. Pravovoy mekhanizm realizatsii vnesnih funktsiy gosudarstva: srovnitelnoe issledovanie : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [The Legal Mechanism of Implementation of External Functions of a State: A Comparative Study : thesis of PhD (Law)] / A.P. Platonov. Moscow — Moscow, 2024. 251 s.
4. Samovich, Yu.V. Zakon o mezhdunarodnykh otnosheniakh i vnesnyaya politika Kitaya [The Law on International Relations and Foreign Policy of China] / Yu.V. Samovich // Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4 : Gosudarstvo i pravo — Social Sciences and the Humanities. Russian and Foreign Literature. Series 4 : State and Law. 2025. № 1. S. 71–84.
5. Samovich, Yu.V. Zakon o mezhdunarodnykh otnosheniakh KNR: chto trevozhit Zapad? [The Law on International Relations of the PRC: What Troubles the West?] / Yu.V. Samovich // Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta. 2024. T. 10 — Legal Bulletin of the Samara University. 2024. Vol. 10. № 2. S. 79–83.
6. Singh, T. Deciphering China's Law on Foreign Relations / T. Singh // Indian Council of World Affairs. 2023. 7 August.

DOI: 10.18572/3034-2953-2025-4-63-76

Поступила в редакцию: 12.07.2025. Принята к публикации: 13.11.2025.

Право на историческую правду: проблема концептуализации и легального закрепления понятия*

Васильев Антон Александрович,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Алтайского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент
anton_vasiliev@mail.ru

Беседина Екатерина Сергеевна,
ассистент кафедры теории и истории государства и права
Алтайского государственного университета
Katrim.prinz@mail.ru

Зеленин Юрий Александрович,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук
Uri-zelenin@yandex.ru

Статья посвящена анализу понятия «право на историческую правду» и его соотношению с такими смежными правовыми понятиями, как «право на правду/истину», право на память, право на историческую память в общественном и научном дискурсе, особенно в контексте усиления внимания к сохранению исторической памяти и культурного наследия в законодательстве, проводится анализ юридической сущности «право на историческую правду». Рассматриваются предпосылки появления данной категории, подчеркивается специфическое значение данной категории прав в Российской Федерации в связи с введением конституционной нормы о защите исторической правды. Поднимается вопрос о применении категории «право на историческую правду» в юридической науке и юридической практике в национальном законодательстве разных стран и в международном праве. В рамках статьи обобщается складывающаяся судебная практика защиты данной группы прав, предпринята попытка определить место права на историческую правду в существующей структуре прав человека. В конце статьи авторы формулируют определение данной правовой категории.

Ключевые слова: охрана исторической правды, право на историческую правду, право на истину, право на память, защита исторического наследия, мемориальное право.

Преемственность духовного опыта поколений — фундаментальный принцип, определяющий культурное и историческое развитие любой нации. В современном дискурсе такая преем-

ственность рассматривается как ключевой фактор сохранения национальной идентичности, обеспечения стабильности и поступательного развития общества на основе традиций и ценностей,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01416 «Мемориальное право и политика памяти: теоретико-правовые аспекты». URL: <https://rscf.ru/project/24-28-01416/>

уходящих корнями в историю. В России преемственность духовного опыта занимает особо значимое место, отражаясь в актуальном развитии законодательства. В принятии и разработке новых нормативно-правовых актов прослеживается четкая тенденция, выражющаяся в усилении внимания к вопросам сохранения культурного наследия, защиты исторической памяти и правды, охраны исторических ценностей. Также, возможно, это связано с очередной волной политизации и юридизации прошлого как во всем мире в целом, так и в России в частности. Поэтому в российском общественном и научном дискурсе чаще стали использоваться такие схожие понятия, как «право на правду», «право на истину», «право на историческую правду», «право на историческую память», «право на историческую истину» и т.п.¹

С точки зрения происхождения данных терминов в русском языке ни «право на историческую правду», ни «право на историческую истину» не содержатся в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ). Словосочетание «право на истину» имеет довольно долгую историю в русском языке. В вышеуказанном корпусе оно упоминается шесть раз и впервые фиксируется в 1878 г. Интересно то, что оно впервые используется как раз в юридическом значении в судебной речи известного адвоката В.И. Жуковского: «Одно из европейских законодательств восходило в уголовном преследовании этого рода преступлений до смертной казни. Преступление определялось, как противораввенственное деяние. Стогость преследования за подлог и обман

обусловливалась принципом, в силу которого государство имело **право на истину** (*выделено авторами статьи*), — право, обязывающее всякого гражданина, — а потому подлог и обман представлялись особенно гнусными и противообщественными преступлениями². В остальных пяти случаях, зафиксированных в XX–XXI вв., термин «право на истину» используется в религиозном или идеологическом значении³. Выражение «право на правду» в НКРЯ тоже фиксируется шесть раз в основном в художественной литературе и носит нравственный или политический характер. В любом случае все имеющиеся в НКРЯ примеры использования выражений «право на истину» и «право на правду» не имеют отношения к the right to truth, используемого в современном международном праве. Этот вывод, помимо НКРЯ, подтверждает статья известного дореволюционного правоведа Я.А. Канторовича, в которой под правом на истину он понимает обязанность правдивости, т.е. «возможность понуждения в случае нарушения этого права»⁴. Эту обязанность, по его мнению, нельзя абсолютизировать ни в нравственном, ни в правовом отношении. С точки зрения права существует право на истину, и нарушение этого права подлежит наказанию только в двух случаях: «1) когда ложью причиняется ущерб чьим-нибудь личным или имущественным интересам, охрану которых принимает на себя закон, и 2) когда государство, для достижения своих общественно-правовых целей, нуждается в истине

² Жуковский В.И. Речь по делу Гулак-Артемовской // Юриспруденция. 2011. № 1. С. 55–68.

³ См.: Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CmMqLwoICAAQChgyIAoQBSAAKMS3utr4upoJMglncmNyZWF0ZWRABWoEMC45NXgAoAEBMgIIAToBAUlpCicKJQoDcmVxEh4KHNC/0YDQsNCy0L4g0L3QsCDQuNGB0YLQuNC90YM=> (дата обращения: 10.11.2025).

⁴ Канторович Я.А. Право на истину: этико-юридический очерк. СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1904. С. 43.

и за получением этой истины обращается к своим гражданам», т.е. право на истину сводится у него к праву принуждения к даче свидетельских показаний в суде⁵.

На современном этапе понятие «право на историческую правду» в отечественной юридической литературе и практике практически не используется. Данное понятие чаще всего фигурирует как красноречивое название для студенческих статей⁶ или научных конференций⁷, связанных с защитой исторической правды и/или посвященных празднованию Победы в Великой Отечественной войне.

Оно, как нам кажется, является производным от понятия «защита исторической правды» (по крайней мере в российском и белорусском законодательствах). Как известно, ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ устанавливает юридическую обязанность для государства в обеспечении защиты исторической правды: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»⁸.

⁵ Там же. С. 45–48.

⁶ Алексеев А.А. Право на историческую правду // Государство. Право. Война (К 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 г.) : сб. науч. статей. В 2 ч. Ч. 2 / члены ред. кол.: Н.С. Нижник, А.А. Удальцов, О.В. Семенова [и др.]. СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 724–726.

⁷ Международная научно-практическая конференция «Без срока давности: право на историческую правду». URL: <https://www.ugrainfo.ru/4197877.html>; Сессия XII Петербургского международного юридического форума «Право на историческую правду и борьба с фальсификацией истории». URL: <https://legalforum.info/archive/2023/programme/business-programme/2729/2802/> (дата обращения: 10.11.2025).

⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе об-

В отличие от российского законодательства, где акцент сделан на почитании памяти защитников Отечества и обеспечении защиты исторической правды, ст. 15 Конституции Беларусь фиксирует обязательство по сохранению исторической правды и памяти о героизме белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Так же отличием является то, что в соответствии с ч. 2 ст. 54 Конституции Беларусь сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа и патриотизм закреплены как долг каждого гражданина Республики Беларусь⁹.

Из вышесказанного можно предположить, что субъектом права на историческую правду по российскому и белорусскому законодательствам являются павшие защитники Отечества. А юридическая обязанность защищать или сохранять это право возложена или преимущественно на государство (Россия), или на государство и каждого гражданина (Беларусь).

В отечественном политическом дискурсе более популярным, чем понятие «право на историческую правду», является понятие «право на историческую память». Так, уполномоченный по правам человека в РФ Т.Н. Москалькова 29 апреля 2020 г. отметила в своем выступлении на заседании Евразийского альянса омбудсменов (ЕАО), что право на историческую память является условием сохранения международной системы защиты прав человека¹⁰.

щероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595/> (дата обращения: 10.11.2025).

⁹ Конституция Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 10.11.2025).

¹⁰ Москалькова Т. Евразийский альянс омбудсменов выступает в защиту истории от фальсификации. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8362807> (дата обращения: 10.11.2025).

А в 2024 г. она даже предложила дополнить Всеобщую декларацию прав человека «правом на историческую память», что, по ее мнению, «могло бы помочь уберечь человечество от настоящего, рукотворного конца света, который за последние годы приобрел пугающие контуры»¹¹.

Однако термин «право на историческую правду» (*the right to historical truth*) довольно активно используется в зарубежных исследованиях. В том числе обращается внимание на проблему соотношения этого понятия с такими смежными категориями, как «право на истину/правду» и «право на память». Так, по мнению А. Глицинской-Габрианс и Г. Барановской, право на правду/истину связано с обязанностью государства предоставлять информацию об обстоятельствах, связанных с серьезными нарушениями прав человека. Оно возникло в связи с правом семей пропавших без вести лиц знать о судьбе своих родственников. В отличие от этого право на историческую правду не ограничивается жертвами нарушений прав человека, оно также принадлежит обществу, народу или нации. Однако, как и в случае с правом на правду/истину, речь идет об обязанности государства предоставлять определенную информацию об исторических фактах¹².

Эти исследователи считают, что вышеупомянутые термины, как они понимаются в международном праве, отличаются от понятия «право на память». Они полагают, что в основе права на истину/правду лежит право жертв нарушений прав человека узнать о том, что произошло на самом деле и что не предполагает автоматического признания

права на увековечивание памяти жертвы. Но данные авторы и не отрицают определенного пересечения права на истину/правду с правом на память, так как раскрытие и обнародование правды является залогом ее присутствия в общественном дискурсе. Кроме того, право на истину/правду может использоваться как обоснование необходимости мемориализации. В то же время разница между понятиями «право на историческую правду» и «право на память» представляется авторами уже менее четкой, так как обе категории апеллируют к историческому нарративу¹³.

Польский исследователь М. Садовски вместо термина «право на правду/истину» предлагает использовать термин «право быть помненным» (*be remembered*). Оно является, по мнению автора, одной из составных частей права на память (*the right to memory*). Последнее М. Садовски предлагает рассматривать как двоякое право, «состоящее из права на воспоминание (*the right to evoking*) — основанного на праве помнить (*the right to remember*) и быть помненным (*to be remembered*), и права на забвение (*the right to disremembering*) — образованного из права забыть (*the right to forget*) и быть забытым (*to be forgotten*), различные аспекты которого должны быть сбалансированы, особенно в современную эпоху»¹⁴. Он предлагает право быть помненным рассматривать как переосмысление права на правду. В его представлении право быть помненным — это право, направленное от общества к индивидууму или группе, суть которого заключается в необходимости возвращения коллективной памяти о конкретных людях или группах на их законное место в обществе через процесс разрушения правового и социального молчания и установления истины

¹¹ Москалькова Т. Право на память. URL: <https://www.pnp.ru/social/pravo-na-pamyat.html> (дата обращения: 10.11.2025).

¹² Gliszczyńska-Grabias, A., Baranowska, G. Using and abusing memory laws in search of “historical truth” // *The Right to Memory: History, Media, Law and Ethics*. Berghahn Books, 2023. С. 120.

¹³ Там же. С. 122.

¹⁴ Sadowski, M.M. Law and Memory: Intersections. Canada : McGill University, 2023. P. 31.

об их судьбе¹⁵. По мнению М. Садовски, термин «право быть помнимым» является более точным, чем «право на правду», так как оно тесно связано с понятием жертвы. В конечном итоге именно жертвы, «мертвые», считает он, имеют право на память, и только на основе этого права на память их семьи и все общество выдвигают свои требования на истину, которые также можно рассматривать как требование возвращения индивидуальной памяти о жертвах в коллективную память¹⁶.

В отечественной юридической науке the right to truth обычно переводят как право на правду¹⁷ или право на истину¹⁸. Реже используются термины «право на установление истины», «право знать». Понятие «право на правду/истину» берет свое начало с принятия в 1977 г. Протокола I к Женевским конвенциям. Статья 32 данного Протокола устанавливает «право семей знать о судьбе своих родственников», имея в виду людей, погибших в вооруженных конфликтах¹⁹.

В международном праве существует и более развернутое толкование пра-

ва на правду/истину. Так, в ч. 2 ст. 24 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений расширена сфера действия этого права, которое распространяется не только на родственников, но и на всех пострадавших от насильственного исчезновения²⁰. В настоящее время 98 государств подписали Конвенцию, а 77 ратифицировали или присоединились к ней²¹. На постсоветском пространстве эту конвенцию просто подписал Азербайджан, а ратифицировали такие страны, как Армения, Казахстан, Литва и Украина.

В 2006 г. Комиссия ООН по правам человека определила, что существует «неотъемлемое и самостоятельное право» на установление истины о грубых нарушениях прав человека и что оно «тесно связано с другими правами, имеет как индивидуальный, так и социальный аспект, и должно рассматриваться в качестве права, не допускающего каких-либо отступлений и не подлежащего ограничениям»²².

На протяжении многих лет гражданские общества в странах, пострадавших от насилия, вместе с экспертами из различных дисциплин разрабатывали

¹⁵ Ibid. P. 233.

¹⁶ Ibid. P. 235.

¹⁷ Это наиболее часто встречаемый в отечественной юридической литературе термин применительно к данному праву. См., например: Евсеев А.П. Право на правду — новое право человека? // Международное правосудие. 2022. № 2 (42). С. 24–37; Чернышова О.С. Сюжет для сериала? Право на правду в практике ЕСПЧ // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2015. № 1. М. : Статут, 2015. С. 140–146.

¹⁸ Нелаева Г.А. Право на установление истины в контексте правосудия переходного периода: опыт стран Латинской Америки // Латинская Америка. 2020. № 5. С. 43–52; Ключников А.Ю. Право на истину в международном правосудии // Lex russica (Русский закон). 2020. № 12 (169). С. 106–117.

¹⁹ Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся жертв международных вооруженных конфликтов (с изменениями на 30 ноября 1993 г.) // Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. 5-е изд., доп. М. : Международный комитет Красного Креста, 2011. С. 227.

²⁰ «Каждая жертва имеет право знать правду об обстоятельствах насильственного исчезновения, о ходе и результатах расследования и о судьбе исчезнувшего лица» (Each victim has the right to know the truth regarding the circumstances of the enforced disappearance, the progress and results of the investigation and the fate of the disappeared person). См.: Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disappearance.shtml (дата обращения: 10.11.2025).

²¹ International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=IV-16&chapter=4&clang=_en (дата обращения: 10.11.2025).

²² Исследование, посвященное праву на установление истины: доклад Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/567521?v=pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

различные механизмы установления истины. С 1974 г. было создано более 30 официальных комиссий по установлению истины, и каждый день в странах по всему миру запускается множество других важных инициатив по установлению истины, проводятся независимые расследования. Механизмы установления истины не должны рассматриваться как замена уголовному преследованию и обеспечению соблюдения международного права. Хотя до сих пор нет единого соглашения о наилучшей практике обеспечения и защиты права на правду/истину, важность установления истины после грубых нарушений прав человека широко признана. Как сформулировал Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в послании 2011 г., «знание правды дает отдельным жертвам и их родственникам возможность успокоиться, восстановить свое достоинство и получить хоть какое-то возмещение своих потерь»²³.

Суть юридической природы права на правду/истину заключается в обязательствах государств — участников международного сообщества, к которым относятся как борьба с наиболее тяжкими преступлениями посредством их расследования, наказания виновных, установление всех обстоятельств преступлений, так и выявление причин и условий, способствовавших их совершению.

Дело «Кинтерос против Уругвая» (1983) открыло историю судебной защиты права на правду/истину на международном уровне. Так, Комитет ООН по правам человека, опираясь на Международный пакт о гражданских и политических правах, подтвердил, что мать жертвы имеет право знать, что слу-

²³ Послание по случаю Международного дня права на установление истины в отношении грубых нарушений прав человека и достоинства жертв от 24 марта 2011 г. // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/sg/messages/2011/righttotruthday.shtml> (дата обращения: 02.12.2025).

чилось с ее дочерью. Данный комитет дополнительно отметил, что женщина тоже является пострадавшей от нарушений Пакта — в частности, от нарушения ст. 7, касающейся ее ребенка²⁴.

В деле «Саадун против Алжира» (2003) в отношении мужчины, который был насильственно похищен во время гражданской войны в Алжире, Комитет по правам человека ООН установил, что отказ от расследования привел к новому нарушению Пакта. Отказ был обусловлен принятой в Алжире Хартией мира и национального примирения, которая под угрозой тюремного заключения запрещала возбуждать судебные разбирательства в связи с гражданской войной в Алжире с 1991 по 1999 г.²⁵ Мотивирован такой подход был желанием избежать конфронтации в судах, излишних публикаций в СМИ и сведения политических счетов. Хотя суд не считал данную аргументацию достаточным основанием для ограничения права на истину/правду, пример наглядно демонстрирует альтернативный подход к этой правовой категории. Существует точка зрения, согласно которой ограничение (или фактически запрет на реализацию и защиту) этого права способно предотвратить будущее насилие и конфликты. Это ставит перед нами острый вопрос о приоритете: что важнее — государственная стабильность и безопасность или историческая правда?

В качестве более приоритетных по отношению к праву на истину/правду могут признаваться и другие права. Показательным примером служит кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25 февраля 2022 г. (дело № 88а-3621/2022), приня-

²⁴ Sweeney, J. A. The elusive right to truth in transitional human rights jurisprudence // International & Comparative Law Quarterly. 2018. Vol. 67. Iss. 2. P. 360.

²⁵ Устинкин С.В., Ахмед Г., Рудакова Е.К. Процесс национального примирения в Алжире: нормативно-правовой и демографический аспекты // Власть. 2020. № 5. С. 241–246.

тое по итогам рассмотрения кассационной жалобы, поданной представителем административного истца. Административный истец — гражданка изначально обратилась в суд с административным исковым заявлением к УФСБ России по Псковской области об оспаривании отказа в предоставлении в полном объеме копий материалов архивных уголовных дел в отношении репрессированных родственников. В обоснование заявленных требований административный истец указывала на то, что вышеуказанный орган не законно уклоняется от предоставления ей сведений о сотрудниках НКВД, осуществлявших уголовное преследование ее родственников, что препятствует установлению в полном объеме исторической правды о произошедших событиях. По данному делу кассационная инстанция заключила, что суды обеих инстанций пришли кциальному выводу о том, что решение об отказе административному истцу в ознакомлении с архивными материалами в отношении сотрудников НКВД обусловлено наличием в запрашиваемых документах сведений, относимых к частной жизни, личной и семейной тайне лиц, фамилии и должности которых отражены в документах, относящихся к категории ограниченного доступа, поскольку позволяют идентифицировать личность субъектов информации, а также составляют тайну их частной жизни. В результате решение районного суда и апелляционное определение судебной коллегии по административным делам сохранили свою силу, а кассационная жалоба не была удовлетворена²⁶. Таким образом, несмотря на растущее признание, концепция права на истину/правду вызывает вопросы относительно ее

объема и реализации, а также ее существования в качестве самостоятельного права.

По своей природе право на историческую правду может осуществляться одновременно как индивидуально, так и коллективно в зависимости от субъекта права на историческую правду. Его в данном случае можно сравнить с правом на труд, которое в зависимости от того, какой формат трудовой деятельности сформирован на предприятии или в организации, может быть как индивидуальным, так и коллективным²⁷.

Индивидуальное право на историческую правду основывается на защите частных интересов в ситуациях, когда нарушения затрагивают конкретных людей либо группы лиц, связанных родственными отношениями прямо или косвенно. Такая защита предполагает возможность получения достоверных сведений о судьбе близких, а также публичное восстановление доброго имени человека. В случае выявления систематических нарушений прав человека на определенном этапе эффективной мерой становится внедрение мемориальных законов в национальную систему права.

Право на истину/правду рассматривалось и в рамках Европейского суда по правам человека. В деле «Кипр против Турции» Суд вынес решение против Турции по делу греков-киприотов, которых в последний раз видели под стражей турецкими войсками. Страдания оставшихся в живых родственников представляют собой «продолжающееся нарушение статьи 3 Европейской конвенции по правам человека в отношении родственников пропавших без вести лиц греко-кипрского происхождения»²⁸.

²⁶ См.: Сазонникова Е.В. Защита исторической правды как направление государственной политики в Российской Федерации // Конституционализм и государство. 2023. № 4 (32). С. 27–28.

²⁷ См.: Гаджиева Д.А. К вопросу о концепции коллективных прав личности // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. № 4.

²⁸ Кипр против Турции (жалоба № 25781/94): Постановление Европейского суда по правам человека от 10 мая 2001 г. // European

Показательным делом является дело ЕСПЧ «Яновец и другие против России». Поводом к обращению стал факт, что Российская Федерация прекратила расследование и засекретила некоторые документы, в том числе о причинах закрытия дела о казне и заключении в тюрьмы польских военнопленных в 1940 г., получившие в истории название Катынская резня. Европейский суд по правам человека признал, что дело не может быть рассмотрено, так как преступление произошло в 1940 г., а Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод была принята только в 1953 г., а Россия, в свою очередь, присоединилась к ней только в 1998 г., иное решение противоречило бы принципу отсутствия обратной силы закона.

Коллективное право на историческую правду предполагает обязанность общества и государства помнить не только героические и достойные события и даты, но и неприятные исторические факты, особенно в случаях систематических и массовых нарушений прав и свобод человека. Корреспондирующая обязанность выражается в ответственности государства перед своими согражданами, что может выражаться в организации мест памяти, сохранении архивов, содержащих документы о преступлениях режима, создании судебных механизмов, включая временные комиссии, и т.д.

Говоря о закреплении права на историческую правду в национальном законодательстве, стоит отметить Аргентину. Это право на признание в рамках судебного заседания действий, совершенных репрессивными органами против прав человека, незаконными, т.е. на прижизненную или посмертную реабилитацию. Принятие данной нормы

Database of Asylum Law. URL: <https://www.asylumlawdatabase.eu/en/content/ecchr-cyprus-v-turkey-application-no-2578194-10-may-2001> (date of access: 10.11.2025).

обусловлено потребностью осмыслить массовые репрессии в период с 1976 по 1983 г.

Также право на правду закрепляет ст. 15 Закона о демократической памяти (*Ley de Memoria Democrática*), принятого испанским парламентом 19 октября 2022 г. В преамбуле закона гарантируется неотъемлемое право «знать историческую правду о насилии и терроре, осуществляемых режимом Франко, а также о ценностях и принципах демократического сопротивления, осуществляемых жертвами репрессий»²⁹.

С 2022 по 2024 г. в 25 субъектах Российской Федерации прошли судебные процессы, направленные на реализацию права на историческую правду³⁰. Так, в октябре 2022 г. Санкт-Петербургский городской суд постановил, что блокада Ленинграда представляет собой военное преступление и геноцид национальных и этнических групп. Решение было вынесено на основании доказательств массового уничтожения мирного населения северной столицы немецкими захватчиками и их союзниками. В ходе изучения архивных материалов и проведения допросов были достоверно подтверждены факты целенаправленного разрушения городов Павловска, Пушкина, Петергофа фашистскими захватчиками. Нацисты использовали различные методы, такие как продовольственная блокада и масированные обстрелы, для ликвидации национальных групп и искоренения их культурной истории³¹.

²⁹ Евсеев А.П. К истории принятия испанского закона «О Демократической памяти» // Вестник восстановительной юстиции. 2023. № 17. С. 38–39.

³⁰ Суды 25 регионов РФ признали геноцидом советского народа преступления нацистской Германии. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22037467> (дата обращения: 10.11.2025).

³¹ В Санкт-Петербурге суд удовлетворил заявление прокуратуры об установлении факта геноцида народов Советского Союза, подготовленное по поручению Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова.

Также 22 марта 2023 г. в ГД РФ принято заявление с призывом признать геноцидом народов СССР действия Германии и ее пособников в ходе Великой Отечественной войны³². Совместно с правоохранительными органами Беларуси проводится расследование жестокого уничтожения соотечественников³³.

Существование таких судебных процессов доказывает, что коллективное право на историческую правду активно охраняется судами Российской Федерации и имеет уже определенную нормативную базу, хотя само понятие «право на историческую правду» не используется. В данном случае апеллируют к понятию «увековечение памяти». Правовое регулирование в сфере увековечения памяти представлено тремя законодательными актами: Законом РФ от 14 января 1993 г. № 4292-И «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества»³⁴ и Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне» и принятом совсем недавно Федеральным законом от 21 апреля 2025 г. № 74-ФЗ «Об уве-

URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=77587481> (дата обращения: 10.11.2025).

³² Постановление ГД ФС РФ от 22 марта 2023 г. № 3389-8 ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О геноциде народов Советского Союза Германией и ее пособниками в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=605229306&rdk=&link_id=2&intelsearch=%C8%ED%F4%EE%F0%EC%E0%F6%E8%FF++ (дата обращения: 10.11.2025).

³³ В СК рассказали о сотрудничестве с Белоруссией по расследованию геноцида // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240622/rassledovanie-1954691177.html> (дата обращения: 10.11.2025).

³⁴ Закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-И «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&nd=102020987&rdk=&link_id=19 (дата обращения: 10.11.2025).

ковечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»³⁵.

Существенные сложности могут быть с определением места права на историческую правду и смежных с ней понятий в системе прав человека. Некоторые авторы считают, что право на историческую правду как одну из разновидностей права на память можно отнести к группе культурных прав³⁶, поскольку существует глубокая взаимосвязь национальной идентичности народа и знаний о прошлых исторических событиях. Доступ к исторической информации возможен через музеи, архивы, монументы и памятники, что, конечно, роднит право на историческую правду с такими правами, как право на доступ к культурным ценностям, право на образование, право на изучение родной культуры. Но это узкий подход, из которого исключается обязанность государства официально признавать исторические события как нарушающие права человека.

Безусловно, довольно близким к праву на историческую правду является право на доступ к информации как гарантированное Конституцией РФ каждому право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29)³⁷. В этом

³⁵ Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202504210003> (дата обращения: 10.11.2025).

³⁶ См.: HuysSEN, A. Historical justice and Human Rights. A New Constellation // Historical Justice and Memory. Madison, WI : The University of Wisconsin Press, 2015. P. 39–40.

³⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595/> (дата обращения: 10.11.2025).

случае под правом на историческую правду следует понимать гарантированную возможность каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять достоверную информацию о значимых событиях истории, об их участниках, месте, времени, результатах и итогах. В свою очередь, у государства появляется обязанность в определенных случаях такую информацию предоставить, когда она непосредственно затрагивает права и свободы человека и гражданина. Тогда такое право можно определить как политическое право. Это связано с тем, что полная информация о деятельности государства и его органов, в том числе историческая, безусловно, не может быть совершенно общедоступной. В противном случае государство лишилось бы общепризнанного права на государственную тайну, нарушилась бы возможность защищать национальную безопасность как категорию, признанную рядом международно-правовых актов. Да и возникает вполне резонный, хотя и не лишенный философской составляющей, вопрос: «Может ли вообще быть достигнута абсолютная историческая правда?».

При этом важно отграничивать категории «память» и «история» несмотря на то, что в контексте прав отдельного человека или общности людей они зачастую используются как синонимы. «Память» — категория, наполненная эмоциями и субъективным восприятием, тогда как категория «история» является результатом изучения источников (архивных документов, устных свидетельств, иконографий и аудиовизуальных материалов), т.е. интеллектуальной работы, критического осмысления. При этом при изучении исторических событий надо пытаться быть объективным, исключить субъективный подход при оценке фактов почти невозможно. Согласно позиции П.А. Астафичева, поиск исторической правды — это цель,

к которой стремится любой исследователь, пытаясь определить свое отношение (позитивное или негативное) к событиям, имевшим место в прошлом³⁸. В.С. Уакиев утверждает, что правдой становится лишь та истина, в которую верит человек. Поэтому историческую правду можно на время достигнуть, к ней приблизиться, но объявлять что-либо безусловной «правдой» довольно опрометчиво³⁹. В истории всегда существуют и существовали различные школы и подходы, и невозможно представить эту науку без здоровой конкуренции теорий, противопоставленных друг другу, а часто и взаимоисключающих. Так, даже сама идея происхождения Российского государства до сих пор остается предметом спора, очевидно, что и весь объем других исторических событий невозможно унифицировать, подогнать под идеи только одной научной школы. Поэтому наряду с тем, что историки, безусловно, являются борцами за историческую истину, теми, кто собирает теоретическую основу, они же могут стать жертвами «законов о правде», заложниками однобокой трактовки событий. Поэтому, несомненно, наряду с внедрением институтов защиты исторической памяти должна обеспечиваться свобода научного творчества.

При этом важно понимать, какой перечень сведений будет подпадать под категорию исторической правды. Очевидно, что сохранить все без исключения сведения об исторических событиях, а главное, в какой-либо форме предоставить гражданам, невозможно. Можно встретить позицию, что сохранения и опубликования требует не вся историческая информация, а только

³⁸ Астафичев П.А. Обеспечение защиты исторической правды как новый принцип в конституционном праве современной России // Правоприменение. 2020. № 4. С. 5–10.

³⁹ Уакиев В.С. Диалектика правды и неправды в вопросе изучения военной истории // Вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2019. № 2 (15). С. 62–75.

о наиболее важных и значимых событиях, память о которых формирует национальную идентичность населения. Однако такой подход нарушал бы индивидуальное право и требовал определенной экспертизы по ограничению значимых событий от незначимых.

Можно предположить также, что право на историческую правду является неотъемлемой частью или продолжением такого личного права человека, как право на поминовение или право на увековечение памяти родственника. В эту пользу говорит следующий факт: археологические раскопки свидетельствуют, что люди начали хоронить своих близких более чем 120 тыс. лет назад⁴⁰. И помимо гигиенических целей, захоронения всегда носили ритуальный характер. Поэтому не только возможность захоронения, но и знание места, где захоронен твой родственник, давало возможность сохранить духовную и социальную связь с ним. То есть потребность знать достоверную информацию о своем предке неразрывно связана с самой природой человека. Запрет на захоронение родственника или знание о его судьбе можно также рассматривать как поведение, унижающее человеческое достоинство. В этом смысле интересен комментарий Джая Винтера к сюжету трагедии Софокла «Антигона»: «Оплакивание мертвых — это выражение той любви, которая делает нас людьми, любви, которая превосходит земную власть. «Не ненавидеть, но любить, — говорит Антигона, — родилась я». Но Креон не желает этого. Сестра любит, царь убивает, а затем оставляет труп своего врага гнить в пыли. Человечность Антигоны требует, чтобы она бросила вызов царю и пожерт-

вовала своей жизнью. Тем самым она подтверждает свое человеческое достоинство. Осуждая Антигону, Креон отстраняется от богов и обрушивает их гнев на свою голову. Почему? Потому что память о наших братьях и сестрах, наших отцах и материах, наших детях, когда они умирают на наших глазах, — вот что делает нас людьми»⁴¹.

Также существуют дискуссии среди исследователей по поводу степени новизны права на (историческую) правду (истину) и в целом его самостоятельности. Ряд авторов, вкладывая разное содержание и используя разные названия, считают это право вполне самостоятельным и относят его к четвертому (или даже пятому) поколению прав человека⁴². Т.Д. Оганесян относит право на правду (на установления истины), наряду с правом быть забытым и правом на надежду, к постмодернистским правам, противопоставляя их универсальным и «классическим» правам человека⁴³.

Конституционалист П.Д. Блохин сомневается в новизне и самостоятельности таких прав, как, например, право на забвение, считая что «даже радикальные перестроения в общественно-политической, экономической и культурно-идеологических сферах, как показывает опыт, необязательно ведут к появлению именно “новых” прав»⁴⁴.

⁴⁰ Winter, J. Antigone's Shadow: Human Rights, Memory, and the Two World Wars // The Right to Memory: History, Media, Law, and Ethics. Vol. 10. Worlds of memory. New York : Berghahn, 2023. Vol. 10. P. 18.

⁴² Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И. Право на историческую память в системе прав человека // Пролог: журнал о праве. 2024. № 2. С. 7–18.

⁴³ Оганесян Т.Д. Постмодернистские права в европейском праве // Актуальные проблемы мировой политики : материалы X Ежегодной международной научной конференции молодых ученых (г. Москва, 8 декабря 2023 г.) : сб. науч. статей / члены ред. кол.: И.О. Анисимов, О.В. Джавад, А.А. Кашина [и др.] ; ответ. ред. О.А. Тимакова. М. : Дипломатическая академия МИД России, 2024. С. 599–605.

⁴⁴ Блохин П.Д. Структура основных прав и их правомерное ограничение: российская конституционная модель // Закон. 2022. № 12. С. 14–33.

Это утверждение, как он полагает, полностью относится и к «праву на правду» (right to truth), которое «вполне может быть выведено из классических прав, в том числе свободы информации и права на судебную защиту»⁴⁵.

Таким образом, право на историческую правду является составной частью

права на память и тесно связано с такими правами и свободами человека и гражданина, как право на свободу слова, свободу научного поиска, право на доступ к информации, право на человеческое достоинство и т.д. Степень его новизны, самостоятельности и места в системе прав человека остается дискуссионной и требует дальнейших научных изысканий.

⁴⁵ Там же. С. 22.

Литература

1. Алексеев А.А. Право на историческую правду / А.А. Алексеев // Государство. Право. Война (К 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 г.) : сборник научных статей. В 2 частях. Ч. 2 / члены редакционной коллегии: Н.С. Нижник, А.А. Удальцов, О.В. Семенова [и др.]. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 724–726.
2. Астафьев П.А. Обеспечение защиты исторической правды как новый принцип в конституционном праве современной России / П.А. Астафьев // Правоприменение. 2020. № 4. С. 5–10.
3. Блохин П.Д. Структура основных прав и их правомерное ограничение: российская конституционная модель / П.Д. Блохин // Закон. 2022. № 12. С. 14–33.
4. Гаджиева Д.А. К вопросу о концепции коллективных прав личности / Д.А. Гаджиева // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 36. № 4. С. 46–52.
5. Евсеев А.П. К истории принятия испанского закона «О Демократической памяти» / А.П. Евсеев // Вестник восстановительной юстиции. 2023. № 17. С. 38–39.
6. Евсеев А.П. Право на правду — новое право человека? / А.П. Евсеев // Международное правосудие. 2022. № 2 (42). С.24–37.
7. Жуковский В.И. Речь по делу Гулак-Артемовской / В.И. Жуковский // Юриспруденция. 2011. № 1. С. 55–68.
8. Канторович Я.А. Право на истину: этико-юридический очерк / Я.А. Канторович. Санкт-Петербург : Типография товарищества «Общественная польза», 1904.
9. Ключников А.Ю. Право на истину в международном правосудии / А.Ю. Ключников // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 12 (169). С. 106–117.
10. Марков А.В. В Кении нашли самое древнее на территории Африки человеческое погребение / А.В. Марков // Элементы. 2021. 10 мая.
11. Нелаева Г.А. Право на установление истины в контексте правосудия переходного периода: опыт стран Латинской Америки / Г.А. Нелаева // Латинская Америка. 2020. № 5. С. 43–52.
12. Оганесян Т.Д. Постмодернистские права в европейском праве / Т.Д. Оганесян // Актуальные проблемы мировой политики : материалы X Ежегодной международной научной конференции молодых ученых (г. Москва, 8 декабря 2023 г.) : сборник научных статей / члены редакционной коллегии: И.О. Анисимов, О.В. Джавад, А.А. Кашина [и др.] ; ответственный редактор О.А. Тимакова. Москва : Дипломатическая академия МИД России, 2024. С. 599–605.
13. Сазонникова Е.В. Защита исторической правды как направление государственной политики в Российской Федерации / Е.В. Сазонникова // Конституционализм и государство-правование. 2023. № 4 (32). С. 27–28.
14. Скоробогатов А.В. Право на историческую память в системе прав человека / А.В. Скоробогатов, А.И. Скоробогатова // Пролог: журнал о праве. 2024. № 2. С. 7–18
15. Уакиев В.С. Диалектика правды и неправды в вопросе изучения военной истории / В.С. Уакиев // Вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2019. № 2 (15). С. 62–75.
16. Устинкин С.В. Процесс национального примирения в Алжире: нормативно-правовой и демографический аспекты / С.В. Устинкин, Г. Ахмед, Е.К. Рудакова // Власть. 2020. № 5. С. 241–246.

17. Холмогоров Е. Истина в кино. Опыт консервативной кинокритики / Е. Холмогоров // ЭОН. Альманах старой и новой культуры : сборник статей / ответственный редактор-составитель Гальцева Р.А. Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. С. 140–159.
18. Чернышова О.С. Сюжет для сериала? Право на правду в практике ЕСПЧ / О.С. Чернышова // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2015. № 1. Москва : Статут, 2015. С. 140–146.
19. Gliszczynska-Grabias, A. Using and abusing memory laws in search of “historical truth” / A. Gliszczynska-Grabias, G. Baranowska // *The Right to Memory: History, Media, Law, and Ethics* / N. Tirosh, A. Reading. Berghahn Books, 2023. P. 112–131.
20. Huyssen, A. Historical justice and Human Rights. A New Constellation / A. Huyssen // *Historical Justice and Memory* / eds. by K. Neumann, J. Thompson. Madison, WI : The University of Wisconsin Press, 2015. P. 27–44.
21. Sadowski, M.M. Law and Memory: Intersections / M.M. Sadowski. Canada : McGill University, 2023. 503 p.
22. Sweeney, J.A. The elusive right to truth in transitional human rights jurisprudence / J.A. Sweeney // *International & Comparative Law Quarterly*. 2018. Vol. 67. Iss. 2. P. 353–387.
23. Winter, J. Antigone’s Shadow: Human Rights, Memory, and the Two World Wars // *The Right to Memory: History, Media, Law, and Ethics*. Vol. 10. Worlds of memory / eds. by N. Tirosh, A. Reading. New York : Berghahn, 2023. P. 17–32.

References

1. Alekseev, A.A. Pravo na istoricheskuyu pravdu [The Right to Historical Truth] / A.A. Alekseev // Gosudarstvo. Pravo. Vojna (K 75-letiyu Pobedy' sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyno) : materialy' mezdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2020 g.) : sbornik nauchnykh statey. V 2 chastyakh. Ch. 2 / chleny' redaktsionnoy kollegii : N.S. Nizhnik, A.A. Udal'tsov, O.V. Semenova [i dr.]. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiyskoy Federatsii — State. Law. War (on the 75th Anniversary of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War) : materials of an international scientific conference (Saint Petersburg, April 28–29, 2020) : collection of scientific articles. In 2 parts. Part 2 / members of the editorial board : N.S. Nizhnik, A.A. Udal'tsov, O.V. Semenova [et al.]. Saint Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2020. S. 724–726.
2. Astafichev, P.A. Obespechenie zaschity' istoricheskoy pravdy' kak novyy printsip v konstitutsionnom prave sovremennoy Rossii [Protection of Historical Truth as a New Principle in Constitutional Law of Modern Russia] / P.A. Astafichev // Pravoprimenenie — Law Enforcement. 2020. № 4. S. 5–10.
3. Blokhin, P.D. Struktura osnovnykh prav i ikh pravomernoe ogranicenie: rossiyskaya konstitutsionnaya model' [The Structure of Fundamental Rights and Their Lawful Limitation: The Russian Constitutional Model] / P.D. Blokhin // Zakon — Law. 2022. № 12. S. 14–33.
4. Gadzhieva, D.A. K voprosu o kontseptsii kollektivnykh prav lichnosti [On the Concept of Collective Rights of an Individual] / D.A. Gadzhieva // Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 36 — Legal Bulletin of the Dagestan State University. 2020. Vol. 36. № 4. S. 46–52.
5. Evseev, A.P. K istorii prinyatiya ispanskogo zakona «O Demokraticeskoy pamyati» [On History of Adoption of the Spanish Law, On Democratic Memory] / A.P. Evseev // Vestnik vosstanovitelnoy yustitsii — Bulletin of Restorative Justice. 2023. № 17. S. 38–39.
6. Evseev, A.P. Pravo na pravdu — novoe pravo cheloveka? [The Right to Truth: A New Human Right?] / A.P. Evseev // Mezhdunarodnoe pravosudie — International Justice. 2022. № 2 (42). S. 24–37.
7. Zhukovsky, V.I. Rech po delu Gulak-Artemovskoy [The Speech in the Gulak-Artemovskaya Case] / V.I. Zhukovsky // Jurisprudentsiya — Jurisprudence. 2011. № 1. S. 55–68.
8. Kantorovich, Ya.A. Pravo na istinu : etiko-yuridicheskiy ocherk [The Right to Truth : ethical and legal sketch] / Ya.A. Kantorovich. Sankt-Peterburg : Tipografiya tovarishestva «Obschestvennaya polza» — Saint Petersburg : Printing office of the Public Good partnership, 1904.
9. Klyuchnikov, A.Yu. Pravo na istinu v mezdunarodnom pravosudii [The Right to Truth in International Justice] / A.Yu. Klyuchnikov // Lex russica (Russkiy zakon). 2020. T. 73 — Lex Russica (Russian Law). 2020. Vol. 73. № 12 (169). S. 106–117.
10. Markov, A.V. V Kenii nashli samoe drevnee na territorii Afriki chelovecheskoe pogrebenie [The Oldest Human Burial in Africa Has Been Discovered in Kenya] / A.V. Markov // Elementy'. 2021. 10 maya — Elements. 2021. May 10.

11. Nelaeva, G.A. Pravo na ustanovlenie istiny' v kontekste pravosudiya perekhodnogo perioda: op'y stran Latinskoy Ameriki [The Right to Establish Truth in the Context of Justice of the Transitional Period: The Experience of Latin American Countries] / G.A. Nelaeva // Latinskaya Amerika — Latin America. 2020. № 5. S. 43–52.
12. Oganesyan, T.D. Postmodernistskie prava v evropeyskom prave [Postmodern Rights in European Law] / T.D. Oganesyan // Aktualny'e problemy' mirovoy politiki : materialy' X Ezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molody'kh ucheny'kh (g. Moskva, 8 dekabrya 2023 g.) : sbornik nauchny'kh statey / chleny' redaktsionnoy kollegii : I.O. Anisimov, O.V. Dzhavad, A.A. Kashina [i dr.] ; otvetstvenny'y redaktor O.A. Timakova. Moskva : Diplomaticeskaya akademiya MID Rossii — Relevant Issues of Global Politics : materials of the 10th annual international scientific conference of young scientists (Moscow, December 8, 2023) : collection of scientific articles / members of the editorial board : I.O. Anisimov, O.V. Dzhavad, A.A. Kashina [et al.] ; publishing editor O.A. Timakova. Moscow : Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2024. S. 599–605.
13. Sazonnikova, E.V. Zaschita istoricheskoy pravdy' kak napravlenie gosudarstvennoy politiki v Rossiyskoj Federatsii [Protection of Historical Truth as a Direction of the State Policy in the Russian Federation] / E.V. Sazonnikova // Konstitutsionalizm i gosudarstvovedenie — Constitutionalism and State Studies. 2023. № 4 (32). S. 27–28.
14. Skorobogatov, A.V. Pravo na istoricheskuyu pamyat v sisteme prav cheloveka [The Right to Historical Memory in the Human Rights System] / A.V. Skorobogatov, A.I. Skorobogatova // Prolog: zhurnal o prave — Prolog: Law Journal. 2024. № 2. S. 7–18.
15. Uakiev, V.S. Dialektika pravdy' i nepravdy' v voprose izucheniya voennoy istorii [Dialectics of Truth and Untruth in the Study of Military History] / V.S. Uakiev // Vestnik Voennoy akademii rakety'kh voysk strategicheskogo naznacheniya — Bulletin of the Strategic Missile Forces Academy. 2019. № 2 (15). S. 62–75.
16. Ustinkin, S.V. Protsess natsionalnogo primireniya v Alzhire: normativno-pravovoy i demograficheskiy aspekty' [The Process of National Reconciliation in Algeria: Statutory and Demographic Aspects] / S.V. Ustinkin, G. Ahmed, E.K. Rudakova // Vlast — Power. 2020. № 5. S. 241–246.
17. Kholmogorov, E. Istina v kino. Op'y konservativnoy kinokritiki [Truth in Cinema. Experience of Conservative Film Criticism] / E. Kholmogorov // EON. Almanakh staroy i novoy kultury' : sbornik statey / otvetstvenny'y redaktor-sostavitel Galtseva R.A. Moskva : Institut nauchnoy informatsii po obschestvenny'm naukam RAN — EON. Almanac of Old and New Culture : collection of articles / publishing editor and compiler Galtseva R.A. Moscow : Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2019. S. 140–159.
18. Chernyshova, O.S. Syuzhet dlya seriala? Pravo na pravdu v praktike ESPCH [A Plot for a TV Series? The Right to Truth in the ECHR Practice] / O.S. Chernyshova // Rossiyskiy ezhegodnik Evropeyskoj konventsii po pravam cheloveka. 2015. № 1. Moskva : Statut — Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights. 2015. No. 1. Moscow : Statute, 2015. S. 140–146.
19. Gliszczynska-Grabias, A. Using and Abusing Memory Laws in Search of "Historical Truth" / A. Gliszczynska-Grabias, G. Baranowska // The Right to Memory: History, Media, Law, and Ethics / N. Tirosh, A. Reading. Berghahn Books, 2023. S. 112–131.
20. Huyssen, A. Historical Justice and Human Rights. A New Constellation / A. Huyssen // Historical Justice and Memory / eds. by K. Neumann, J. Thompson. Madison, WI : The University of Wisconsin Press, 2015. S. 27–44.
21. Sadowski, M.M. Law and Memory: Intersections / M.M. Sadowski. Canada : McGill University, 2023. 503 s.
22. Sweeney, J.A. The Elusive Right to Truth in Transitional Human Rights Jurisprudence / J.A. Sweeney // International & Comparative Law Quarterly. 2018. Vol. 67. Iss. 2. S. 353–387.
23. Winter, J. Antigone's Shadow: Human Rights, Memory, and the Two World Wars // The Right to Memory: History, Media, Law, and Ethics. Vol. 10. Worlds of memory / eds. by N. Tirosh, A. Reading. New York : Berghahn, 2023. S. 17–32.

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов,
просим обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08
или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

Экономическая эффективность как критерий экономического анализа интеграционного и международного частного права: применим ли принцип Парето?

Бабкина Елена Васильевна,
советник экспертно-аналитического отдела Секретариата Суда
Евразийского экономического союза,
кандидат юридических наук, доцент
Babkinaelena16@gmail.com

Статья посвящена анализу экономической эффективности как критерия нормативной оценки права с позиций экономического анализа. Автор рассматривает возможность применения Парето-критерия в сфере интеграционного и международного частного права, а также его ограничения. Предлагается альтернативный подход с учетом дистрибутивной справедливости и аксиологического компонента правопорядка интеграционного объединения.

Ключевые слова: экономический анализ права, Парето-эффективность, дистрибутивная справедливость, ЕАЭС, ЕС, интеграционное право, международное частное право, ценности.

Экономической теорией признано, что экономический анализ права проходит на двух этапах: оценка *ex-post* действующих норм права в контексте существующих правовых последствий (позитивный анализ) и оценка *ex-ante* возможных последствий регулирования с позиций социальной целесообразности (нормативный анализ). Целью нормативного анализа является выработка рекомендаций законодателю, основанных на экономическом анализе последствий нормотворческих стратегий¹.

Критика представителей школы экономического анализа в отношении юридического формализма нормотворческого процесса сводится к чрезмерной закрытости этой системы, без

обращения к другим дисциплинам, нацеленности на согласованность, последовательность и непротиворечие нового регулирования ранее действовавшему, чтобы аналогичные дела рассматривались одинаково, без анализа ценностей, которые лежат в основе правовой системы, их природы и генезиса и без обращения к иным источникам ценностей, что существенным образом снижает потенциал реформирования права. В стремлении избежать противоречий, сгладить несоответствия и реализовать саморегулирующуюся гармонию принципов и норм права процесс нормотворчества подвержен трансформации, реинтерпретации или порой отказу от конкретных решений в целях соответствия стандарту согласованности и последовательности².

¹ См. подробнее: Omar, A. Historical Roots and Contemporary Trends in Analysis of Law from Economic Standpoint // Social Science Chronicle. 2023. Vol. 3. Iss. 1. P. 3; Coleman, J.L. Markets, Morals, and the Law. Oxford, GB : Oxford University Press. 2002. P. 67–93; Kaplow, L., Shavell, S. Fairness versus Welfare. Cambridge, MA and London, England : Harvard University Press, 2002. P. 15–16.

² Calabresi, G. An Introduction to Legal Thought: Four Approaches to Law and to the Allocation of Body Parts // Stanford Law Review. 2003. Vol. 55. P. 2115; Weinrib, E.J. The idea of private law. Oxford, UK : Oxford University Press. 2012. P. 22–28.

Нельзя не согласиться с тезисом о том, что в основе нормотворческого процесса, обеспечиваемого юридической наукой, должен лежать междисциплинарный подход в целях достижения большей последовательности и объяснения логических взаимосвязей системы. Середина прошлого века ознаменована идеей необходимости использовать экономическую теорию в процессе нормативного анализа. Используя яркую метафору, знаменитый американский ученый *G. Calabresi* называет экономический анализ архимедовой точкой опоры, на которую следует установить рычаг, который помогает ученому, когда это уместно, сдвинуть закон, т.е. обосновать необходимость изменения существующей реальности³.

Экономическая теория при осуществлении анализа права использует различные принципы оценки. Одним из наиболее важных принципов, применяемых как на стадии нормотворчества, так и на стадии правоприменения в целях оценки действующих норм права является принцип эффективности, критерий, который не имеет четких границ и понимается по-разному различными представителями экономической и правовой академической среды.

Свое начало он берет в экономике благосостояния⁴ (*welfare economics*), концепция которого при осуществлении нормативного анализа включает оценку не только уровня материального довольства индивида — потребляемые товары и услуги, социальные и экологические удобства, но и степени его самореализации, эстетической удовлетворенности, контактов с другими людьми.

³ *Calabresi, G. Of Law and Economics and Economic Analysis of Law: The Role of the Lawyer // Global jurist.* 2019. Vol. 19. № 3. P. 2–3.

⁴ См.: *Pigou, A. The economics of welfare.* Routledge, 2017. 876 p.

ми и группами и иных ценностей, которые имеют нематериальную форму. В негативном выражении благосостояние включает вред, причиненный его личности и имуществу, понесенные издержки и неудобства. Благосостояние, охватывая ситуации неопределенности, включает стоимость защиты от риска, включая возможность страхования⁵.

В своей работе «Экономический анализ права»⁶ американский ученый, судья Р. Познер предлагает в процессе нормативного анализа права использовать экономическую эффективность вместо категории «справедливость»⁷.

Принцип экономической эффективности оценивает норму права с позиции оптимальности распределения благ и прав. Понятие эффективности в экономическом анализе шире его общеупотребимого значения. На бытовом уровне оно включает соотношение затрат и прибыли (дохода), которое влечет достижение цели с минимальными затратами, однако сама цель не является предметом анализа. Таким пониманием руководствуется и юридическая наука. Наоборот, в экономике благосостояния категория «эффективность» охватывает не только отношение средства — результат, но и непосредственно саму цель такого отношения. Эффективность в экономике благосостояния означает не просто достижение произвольной цели в условиях благоприятного соотношения конечного результата и промежуточных затрат, но включает

⁵ Kaplow, L., Shavell, S. Op. cit. P. 18–20; Kaplow L., Steven, S. The Conflict between Notions of Fairness and the Pareto Principle // American law and economics review 1999. Vol. 1 (1–2). P. 65.

⁶ Познер Р. Экономический анализ права. В 2 т. Т. 2 / пер. с англ. под ред. В. Л. Тамбовцева. СПб. : Экономическая школа, 2004. 454 с.

⁷ Гаджиев Г.А. Легитимация идей «Права и экономики» (новые познавательные структуры для гражданского права) // Вестник гражданского права. 2017. № 6. С. 108–173.

и оценку цели регулирования, которая представляет собой достижение наиболее благоприятного социального устройства и включает совокупность социальных условий, в том числе нематериальные блага индивидов⁸.

С точки зрения принципа эффективности правовое регулирование является желательным и не заслуживает дальнейшего совершенствования, если товары и права распределены оптимальным образом⁹. Вводится понятие аллокативной (распределительной) эффективности, когда определенное распределение товаров и ресурсов предстает как цель или как критерий, с помощью которого оцениваются те или иные состояния¹⁰.

Условия, при которых распределение считается оптимальным, зависят от того, какой критерий эффективности экономики благосостояния взят за основу. Однако не существует единого подхода к критериям оценки такой оптимальности правового регулирования. Экономической теорией предложено несколько критериев эффективности.

В экономической науке большое распространение получил **принцип поиска оптимальных решений** (принцип Парето / *Pareto principle*), который в преломлении к правовому регулированию оперирует двумя категориями: 1) правовое решение является эффективным в том случае, если при улучшении положения одной группы интересантов положение иных групп интересантов как минимум не ухудшается (*Pareto-improvement*); 2) Парето

— оптимальное решение имеет место, когда достигается предел в возможных улучшениях, когда невозможно увеличить положительный эффект регулирования для одного субъекта / целевой группы, не ухудшив статус другого субъекта/группы (*Pareto efficiency*). Таким образом, не любое Парето-улучшение приводит к Парето-эффективности. Парето — эффективных решений немного, а факторов Парето-улучшений множество — лишь единичные действия приводят к важным результатам.

То есть совершенствование правового регулирования должно стремиться как минимум к реализации Парето-улучшений (получение выгоды одних субъектов не должно приводить к появлению издержек у других субъектов), а как максимум — к реализации Парето — эффективного решения (решения, при котором дальнейшие Парето-улучшения невозможны).

Выделяют два вида Парето-улучшений — сильное и слабое. Первое имеет место, когда происходит улучшение правового положения обеих сторон в двусторонних правоотношениях. Слабое Парето-улучшение приводит к улучшению правового положения одной стороны при отсутствии ухудшения в правовом статусе другой стороны.

В экономической литературе признается, что принцип Парето представляет собой научное обоснование принципа свободы договора¹¹. Частные субъекты права из широкого спектра юридических возможностей выбирают посредством свободного волеизъявления сторон те условия сделки, которые априори должны вести к Парето-улуч-

⁸ Janson, G. Ökonomische Theorie im Recht. 1. Aufl. Duncker & Humblot, 2019. P. 88–89.

⁹ Eidenmuller, H. Effizienz als Rechtsprinzip. Mohr Siebeck, 2005. S. 41–57; Janson, G. Op. cit. S. 88–108.

¹⁰ Ruhl, G. Statut und Effizienz: Ökonomische Grundlagen des Internationalen Privatrechts. Tübingen : Mohr Siebeck, 2011. S. 139–40.

¹¹ Степанов Д., Авдашева С. Критерий эффективности в правовом регулировании экономической деятельности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 5. С. 95.

шениям. Наличие диспозитивного правового регулирования, представляющего баланс интересов сторон сделки, по мнению законодателя, позволяет сторонам изменить его в силу особых фактических обстоятельств их правоотношения (например, уменьшение размера законной неустойки по причине большого объема товара в договоре купли-продажи). Такое — диспозитивное — регулирование предпочтительнее для сторон правоотношения, чем императивное, поскольку позволяет учесть желания контрагентов в конкретных обстоятельствах и не ухудшает правовое положение тех контрагентов, которые желают применять регулирование, установленное диспозитивной правовой нормой. Таким образом, введение диспозитивной нормы можно признать Парето-улучшением.

Теория Парето встретила обоснованную критику в доктрине по причине методологической сложности применения ее выверенных в теории формул в реальности.

Во-первых, дискуссии вызывает оценочность критерия эффективности по причине субъективной интерпретации и сложности сравнения различных общественных благ, например, увеличение рестриктивных требований в условиях одновременного расширения перечня прав.

Во-вторых, названная теория не принимает во внимание дистрибутивную справедливость, т.е. справедливость распределения выгод и затрат¹². Она не учитывает ситуацию, когда в целях прироста благосостояния улучше-

ние правового положения большинства влечет незначительное ухудшение правового статуса меньшинства.

Необходимость редистрибуции обосновывается функциями социального государства, соблюдением норм морали и нравственности, справедливости, но в любом случае не отвечает критерию Парето-улучшения с позиций экономического анализа.

Такой подход особенно диссонирует с целями интеграционного права, правовые механизмы которого направлены на ликвидацию экономической асимметрии между государствами-членами с разным уровнем развития и в этой связи применяются для перераспределения ресурсов в пользу государств с менее развитой экономикой или столкнувшихся с экономическим кризисом. Так, одной из целей права ЕС, декларируемой в ст. 174 Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС) и подлежащей учету при разработке и осуществлении политики Союза, равно как и создании внутреннего рынка (ст. 175 ДФЕС), является сокращение разрыва в уровне развития различных регионов и отставания тех из них, которые находятся в наименее благоприятном положении. ЕС осуществляет такой род деятельности через структурные фонды — Европейский фонд по ориентированию и предоставлению гарантий для сельского хозяйства, Европейский социальный фонд, Европейский фонд регионального развития, а также через Европейский инвестиционный банк и другие финансовые инструменты, причем каждые три года Комиссия представляет Европейскому парламенту, Совету, Экономическому и социальному комитету и Комитету регионов доклад о прогрессе, достигнутом в реализации экономического, социального и территориального сплочения

¹² Kaplow, L., Steven S. Op. cit. P. 63–77; Ota, Sh. Choice of Law and Economic Analysis: A Methodological Introduction //An Economic Analysis of Private International Law, Edited by Jürgen Basedow and Toshiyuki Kono and Giesela Rühl. Mohr Siebeck, 2006. P. 9; Степанов Д., Авдашева С. Указ. соч. С. 99.

(ст. 175 ДФЕС). Регламент от 17 декабря 2013 г. № 1303/2013 Европейского парламента и Совета, устанавливающий общие положения о структурных фондах и других инструментах политики сплочения, предусматривает в целях устранения региональных дисбалансов перераспределение в пользу менее развитых регионов и регионов с переходной экономикой (в частности, с ВВП на душу населения ниже 75% от среднего по ЕС) (п. 77)¹³.

Для права ЕАЭС идея дистрибутивной справедливости также не чужда, хотя ее механизмы не отличаются высокой транспарентностью. В частности, Направление 6 «Выработка гибких механизмов целевого содействия экономическому развитию» Стратегии развития ЕАЭС до 2025 г. (утверждена Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12)¹⁴ предусматривает в п. 6.1.8 проработку вопроса внедрения механизмов и программ обусловленного целевого финансирования для развития догоняющих экономик регионов государств-членов в рамках действующих институтов развития, в том числе путем дополнения имеющихся подходов

в финансировании. Первичное право, а именно ст. 93 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г., а также Протокол о единых правилах предоставления промышленных субсидий (приложение 28 к Договору о ЕАЭС) устанавливают единые правила предоставления субсидий в отношении промышленных товаров на территориях государств-членов в целях обеспечения условий для стабильного и эффективного развития экономик государств-членов, причем под субсидией понимается финансовое действие, которое оказывается субсидирующим органом (или уполномоченной государством-членом структурой), в результате которого создаются (обеспечиваются) преимущества.

В международном частном праве¹⁵ принцип Парето также блокирует правовое регулирование определенных механизмов, в частности, механизмов ограничения применения иностранного права, таких как сверхимперативные нормы и *order public*, направленных на защиту публичного интереса (например, слабой стороны в правоотношении, третьей стороны)¹⁶, но ограничивающих, в частности, свободу выбора права сторонами договора, что по логике противоречит категории Парето-улучшение — стороны или одна из сторон договора не могут выбирать применимое право, т.е. их/ее положение ухудшается.

¹³ Regulation (EU) No 1303/2013 of the European Parliament and of the Council of 17 December 2013 laying down common provisions on the European Regional Development Fund, the European Social Fund, the Cohesion Fund, the European Agricultural Fund for Rural Development and the European Maritime and Fisheries Fund and laying down general provisions on the European Regional Development Fund, the European Social Fund, the Cohesion Fund and the European Maritime and Fisheries Fund and repealing Council Regulation (EC) No 1083/2006. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2013/1303/oj/eng> (дата обращения: 05.08.2025).

¹⁴ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/368/5597/> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁵ О применении экономической эффективности в международном частном праве см. подробнее: Бабкина Е.В. Экономическая рациональность коллизионного права: методологический аспект // Республика Беларусь в современном мире / под ред. Е.В. Пильгун. Минск : Издательский центр БГУ, 2021. С.163–174.

¹⁶ См. подробнее: Бабкина Е.В. Механизмы ограничения действия коллизионного метода в международном частном праве // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права : сб. науч. трудов / редкол. Ю.П. Бровка [и др.]. Минск : Белорусский государственный университет, 2009. С. 201–218.

Кроме того, поскольку при реализации теории Парето важен не процесс, а результат, не подлежит оценке соблюдение процессуального права, что противоречит принципу законности¹⁷.

О желании общества учитывать дистрибутивную справедливость при применении Парето-принципа свидетельствуют и социологические опросы, проводимые исследователями экономического анализа права¹⁸.

В-третьих, принцип Парето критикуется за игнорирование ценностных ориентаций и целевых установок, лежащих в основе многих теорий экономического анализа¹⁹.

Вместе с тем ценностно-целевые установки представляют собой фундамент интеграционного права. Ценности формируются под влиянием устоев, закрепленных в общественном сознании.

¹⁷ Ota, Sh. Op. cit. P. 9.

¹⁸ Японский ученый Shozo Ota предложил участникам социологического опроса в Токио выбрать наиболее предпочтительный из шести вариантов результата налоговой реформы: сильное Парето-улучшение (положение бедных улучшается, положение богатых улучшается), слабое Парето-улучшение 1 (положение бедных улучшается, положение богатых остается прежним), слабое Парето-улучшение 2 (положение бедных остается прежним, положение богатых улучшается), Парето-несовместимость 1 (положение бедных улучшается, положение богатых ухудшается), Парето-несовместимость 2 (положение бедных ухудшается, положение богатых улучшается), сильная Парето-несовместимость (положение бедных ухудшается, положение богатых ухудшается). Результаты были довольно неожиданными. Наибольшие предпочтения набрал вариант слабое Парето-улучшение 1, далее, с небольшой разницей слабое Парето-улучшение 2 и сильное Парето-улучшение, что указывает на то, что участники опроса в большей степени согласны со слабым Парето-улучшением, нежели с сильным Парето-улучшением, если положение бедных улучшается, а это значит, что дистрибутивная справедливость является немаловажным критерием выбора. См.: Ota, Sh. Op. cit. P. 9–11.

¹⁹ Calabresi, G. Of Law and Economics and Economic Analysis of Law: The Role of the Lawyer. Vol. 19. № 3.

ни. На основе ценностей определяются цели функционирования интеграционного объединения, формируется правовая система с ядром в виде фундаментальных положений — принципов права, устанавливается институциональная система, определяется компетенция органов.

Так, несмотря на отсутствие в праве ЕС у ценностей нормативного статуса они в силу их особого социального значения являются структурным элементом европейского публичного порядка, определяют вектор и рамку интеграционного процесса и в этой связи не могут не учитываться в нормотворчестве. В заключении от 18 декабря 2014 г. № 2/13 Европейский суд постановил, что правовая структура ЕС основана на основополагающей предпосылке, что каждое государство-член разделяет со всеми другими государствами-членами и признает, что они разделяют с ним набор общих ценностей, на которых основан ЕС, как указано в ст. 2 Договора о ЕС²⁰.

Более того, Лиссабонский договор вводит четкий правовой механизм контроля над соблюдением ценностей. Согласно ч. 1 ст. 7 Договора о ЕС по мотивированному предложению 1/3 государств — членов Европейского парламента или Европейской комиссии Совет, постановляя большинством в 4/5 своих членов после одобрения Европейского парламента, может констатировать существование явной угрозы серьезного нарушения каким-либо государством-членом ценностей, указанных в ст. 2 Договора о ЕС. Реше-

²⁰ ECJ 18 December 2014, Opinion 2/13, Accession of the EU to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. P. 168. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62013CV0002> (дата обращения: 01.08.2025).

ние о существовании нарушения ценностей принимает Европейский совет, который, постановляя единогласно по предложению государств-членов или Европейской комиссии после одобрения Европейского парламента, может констатировать нарушение вышеназванных ценностей (ч. 2 ст. 7 Договора о ЕС). Санкцией в таком случае выступает приостановление (с учетом последствий для прав и обязанностей физических и юридических лиц) отдельных прав государства, определенных в учредительных договорах, включая лишение представителя государства-нарушителя права голоса в Совете (ч. 3 ст. 7 Договора о ЕС)²¹.

ЕС демонстрирует попытки приданья указанному механизму практического характера, в частности, его применение инициировалось Комиссией в отношении Польши в 2017 г.²² и Европейским парламентом в отношении Венгрии в 2018 г.²³ Однако в доктрине отмечается неэффективность данного механизма, называемого «бумажным тигром», на практике по причине необ-

ходимости консенсуса в Совете и возможности блокирования решения любым государством-членом²⁴.

В доктрине мы наблюдаем преимущественно скептический подход к выявлению ценностей в праве ЕАЭС по причине отсутствия ценностного компонента в закрепленных в праве ЕАЭС целях, их сугубо прагматичном, инструментальном характере²⁵.

Однако, как нам представляется, существует возможность выявления, формулирования ценностных установок в праве ЕАЭС и оценки их влияния на нормотворчество и правоприменение в ЕАЭС.

Несмотря на отсутствие в терминологическом аппарате Договора о ЕАЭС эксплицитной категории «ценностей», данные мета-правовые регуляторы могут быть выведены на основании анализа преамбулы и текста Договора о ЕАЭС, а также иных источников права Союза в контексте его внутренней согласованности, включая решения Суда ЕАЭС, посредством интерпретативного подхода, уважая «интенции законодательного органа» и выявляя латентные ценностные ориентиры²⁶, а также телологического подхода, т.е. посредством

²¹ Астапенко В.А., Бабкина Е.В., Климович Т.В., Родич М.В. Европейское право : учеб.-метод. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Минск : Четыре четверти, 2015. С. 130–132.

²² European Commission. Reasoned Proposal in accordance with Article 7(1) of the Treaty on European Union regarding the rule of law in Poland. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52017PC0835> (дата обращения: 17.07.2025).

²³ European Parliament. Resolution of 12 September 2018 on a proposal calling on the Council to determine, pursuant to Article 7(1) of the Treaty on European Union, the existence of a clear risk of a serious breach by Hungary of the values on which the Union is founded. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0340_EN.html (дата обращения: 17.07.2025); European Parliament. Report on a proposal calling on the Council to determine, pursuant to Article 7(1) of the Treaty on European Union, the existence of a clear risk of a serious breach by Hungary of the values referred to in Article 2 of the Treaty. Document A8-0250/2018. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2018-0250_EN.html (дата обращения: 17.07.2025).

²⁴ Kochenov, D., Pech, L. Monitoring and Enforcement of the Rule of Law in the EU: Rhetoric and Reality. European Constitutional Law Review. 2015. № 11 (3). P. 512–540; Blanke, H.-J., Sander, F. The European Union's rule of law and its objectors. URL: https://www.ugr.es/~redce/ESPECIAL1/articulos/04_Blanke_Sander.htm (дата обращения: 17.07.2025).

²⁵ Dragneva, R., Wolczuk, K. The Eurasian Economic Union: Deals, Rules and the Exercise of Power. Chatham House, 2017; Мешкова Т.А., Изотов В.С., Демидкина О.В., Кофнер Ю.К. ЕАЭС в меняющемся geopolитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 1. С. 26; Mostafa, G., Mahmood, M. Eurasian Economic Union: Evolution, challenges and possible future directions // Journal of Eurasian Studies. July 2018. Vol. 9. Iss. 2. P. 1–11.

²⁶ Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. В.Л. Трусова. М. : Новое издательство, 2004. 512 с.

оценки нормоустановлений через призму основополагающих целей (когда мы говорим об интеграционном праве, то о целях интеграции). Возникает возможность реконструировать аксиологический вектор интеграционного проекта²⁷ исходя из совокупности целевых установок, обозначенных в преамбуле и ст. 4 Договора о ЕАЭС, и инструментов их достижения.

Выявлению ценностей ЕАЭС может способствовать и институциональный подход, заключающийся в анализе компетенции и функций органов интеграционного объединения как структурных элементов правопорядка, используемых ими механизмов и процедур: делегирование полномочий, порядок назначения членов, мониторинг и контроль, реализуемые в принимаемых органами решениях, включая судебный контроль. Устойчивые практики правового взаимодействия, архитектура правопорядка способствуют реконструкции ценностей международной организации региональной экономической интеграции: политические институты служат в том числе определению ценностей²⁸.

Определенные выводы можно сделать и на основании сравнительно-правового подхода, посредством анализа ценностей схожих интеграционных объединений — ЕС, МЕРКОСУР, ОНАДА.

Представляется, что на основании анализа текста преамбулы к Догово-

ру о ЕАЭС к ценностям ЕАЭС можно с определенными допущениями отнести уважение суверенного равенства государств, необходимость безусловного соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина, целей и принципов Устава ООН и иных общепризнанных принципов и норм международного права.

Некоторые ценности получили закрепление и развитие в практике Суда ЕАЭС²⁹. В частности, указание на суверенное равенство государств содержится в консультативном заключении от 11 декабря 2017 г. по делу о сокращении штатов, на верховенство права — в консультативном заключении от 30 октября 2017 г. по делу о свободе движения товаров. В консультативном заключении от 20 декабря 2018 г. по делу о пенсиях Суд на основании такой ценности, как верховенство конституционных прав и свобод человека и гражданина, вывел общий принцип права ЕАЭС, устанавливающий, что уровень прав и свобод, гарантированный ЕАЭС, не может быть ниже, чем он обеспечивается в государствах-членах.

Так возможны ли Парето-опимальность, предел совершенствования права, ситуация идеального статус-кво, когда нельзя улучшить положение одной группы лиц, не ухудшив положение другой в рамках нормативной оценки правовых реформ? Представляется, что нет. На наш взгляд, достижение Парето-эффективности в праве — это теоретический оптимум, недостижимый на практике, поскольку стандарт эффективности нереалистично высок. Особенно четко утопичность

²⁷ Moorhead, T. The Values of the European Union Legal Order: Constitutional Perspectives // European Journal of Law Reform. 2014. Vol. 16. Iss. 1. P. 3–18.

²⁸ March, J. G., Olsen, J. P. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. New York : Free Press, 1989. P. 17; Craig, P. Integration, Democracy and Legitimacy // The Evolution of EU Law. 3rd edn, 2021. P. 18–19; Moorhead, T. Op. cit. P. 4–5.

²⁹ Чайка К.Л. Роль общих ценностей Евразийского экономического союза в становлении и развитии права интеграционного объединения // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 155–156.

Парето-эффективности проявляется в интеграционном праве, где, как указывалось выше, присутствуют конкурирующие цели — экономическая эффективность, справедливость, солидарность, защита прав человека. При таких условиях любое потенциально эффективное решение влечет дисбаланс интересов государств-членов и их субъектов.

Достижение Парето-оптимальности затруднительно и по причине эволюции ценностных ориентиров интеграционного объединения³⁰, которые, как указывалось выше, являются ограничителями применения теории Парето. Например, для Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) 1951 г. главными ценностями выступали такие категории, как «всеобщий мир» (единственная ценность, упомянутая в преамбуле Договора об учреждении ЕОУС) и «солидарность» (идея, высказанная в Декларации Шумана 1950 г.). Средством достижения мира рассматривалась экономическая интеграция. С развитием интеграционного объединения, реализации мира как основной ценности после принятия Копенгагенской декларации 1993 г. список ценностей ЕС был дополнен политическими ценностями — стабильность институтов, гарантирующих демократию, верховенство права, права человека и уважение и защита меньшинств, которые мы видим сейчас в ст. 2 Договора о ЕС. Как отмечает *T. Moorhead*, ЕС — это развивающийся политический, правовой и конституционный проект, границы которого постоянно изменяются, оспариваются, отрицаются и пересматриваются государствами-членами.

³⁰ Moorhead, T. Op. cit. P. 6.

Более того, даже в тех отраслях права, где признается эффективность Парето-улучшений, в частности, в договорных отношениях, достижение Парето-эффективности означает исчезновение стимулов к дальнейшим переговорам и резкое замедление хозяйственного оборота как совокупности сделок. Если этот процесс сопровождается стабильностью всех элементов системы — субъектный состав, предпочтения субъектов, предмет сделок, то гипотетически баланс возможен³¹. Однако в реальности такое равновесие недостижимо, поскольку невозможно «зацементировать» все элементы системы — изменение внешних фактических обстоятельств (изменение субъективных предпочтений, исчезновение товара с рынка или появление нового товара, развитие технологий и проч.) неизбежно влечет потребность в новых изменениях внутри системы³².

Таким образом, принцип Парето нельзя признать универсальным критерием экономической эффективности в нормативном анализе интеграционного права, равно как и международного частного права, однако он может применяться в области диспозитивного регулирования договорных отношений, а также при условии учета принципов дистрибутивной справедливости и аксиологического компонента экономической интеграции.

³¹ Степанов Д.И., Авдашева С.Б. Указ. соч. С. 95.

³² Именно данное утверждение обосновывает критику императивного регулирования договорных отношений: субъект внешней системы (законодатель, правоприменитель) еще в большей степени ограничен в информации относительно внутренних элементов системы, т.е. в способности оценить направление вектора Парето-улучшения. См.: Степанов Д., Авдашева С. Указ. соч. С. 96.

Литература

1. Бабкина Е.В. Механизмы ограничения действия коллизионного метода в международном частном праве / Е.В. Бабкина // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права : сборник научных статей / члены редакционной коллегии: Ю.П. Бровка, Д.М. Демичев, С.Г. Дробязко [и др.] ; ответственные редакторы: Е.В. Бабкина, Ю.А. Лепешков. Минск : Белорусский государственный университет, 2009. С. 187–204.
2. Бабкина Е.В. Экономическая рациональность коллизионного права: методологический аспект / Е.В. Бабкина // Республика Беларусь в современном мире : коллективная монография / под редакцией Е.В. Пильгун. Минск : Издательский центр БГУ, 2021. С. 163–174.
3. Гаджиев Г.А. Легитимация идей «Права и экономики» (новые познавательные структуры для гражданского права) / Г.А. Гаджиев // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17. № 6. С. 108–173.
4. Дворкин Р. Империя права / Р. Дворкин ; перевод с английского В.Л. Трусова. Москва : Новое издательство, 2004. 512 с.
5. Европейское право : учебно-методическое пособие / В.А. Астапенко, Е.В. Бабкина, Т.В. Климович, М.В. Родич. 2-е изд., испр. и доп. Минск : Четыре четверти, 2015. 358 с.
6. Мешкова Т.А. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества / Т.А. Мешкова, В.С. Изотов, О.В. Демидкина, Ю.К. Кофнер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 1. С. 7–33. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-7-33
7. Познер Р. Экономический анализ права. В 2 томах. Т. 2 / Р. Познер ; перевод с английского под редакцией В.Л. Тамбовцева. Санкт-Петербург : Экономическая школа, 2004. 974 с.
8. Степанов Д. Критерий эффективности в правовом регулировании экономической деятельности / Д. Степанов, С. Авдашева // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 5. С. 88–133.
9. Чайка К.Л. Роль общих ценностей Евразийского экономического союза в становлении и развитии права интеграционного объединения / К.Л. Чайка // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 148–157. DOI: 10.12737/jrl.2020.062
10. Blanke, H.-J. The European Union's rule of law and its objectors / H.-J. Blanke, F. Sander. URL: https://www.ugr.es/~redce/ESPECIAL1/articulos/04_Blanke_Sander.htm (date of access: 17.07.2025).
11. Calabresi, G. An Introduction to Legal Thought: Four Approaches to Law and to the Allocation of Body Parts / G. Calabresi // Stanford Law Review. 2003. Vol. 55. Iss. 6. P. 2113–2151. DOI: 10.2307/1229645
12. Calabresi, G. Of Law and Economics and Economic Analysis of Law: The Role of the Lawyer / G. Calabresi // Global jurist. 2019. Vol. 19. Iss. 3. P. 1–24.
13. Coleman, J.L. Markets, Morals, and the Law / J.L. Coleman. Oxford, GB : Oxford University Press, 2002. 414 p.
14. Craig, P. Integration, Democracy and Legitimacy / P. Craig // The Evolution of EU Law / P. Craig, G. de Burca. 3rd edn. Oxford University Press, 2021. P. 12–45.
15. Dragneva, R. The Eurasian Economic Union: Deals, Rules and the Exercise of Power / R. Dragneva, K. Wolczuk // Chatham House Research Paper, Royal Institute of International Affairs, London : Chatham House, 2017. P. 1–15.
16. Eidenmuller, H. Effizienz als Rechtsprinzip / H. Eidenmuller. Tübingen : Mohr Siebeck, 2005. 522 s.
17. Janson, G. Ökonomische Theorie im Recht / G. Janson. Duncker & Humblot, 2019. 286 p.
18. Kaplow, L. Fairness versus Welfare / L. Kaplow, S. Shavell. Cambridge, MA and London, England : Harvard University Press, 2002. 544 p.
19. Kaplow, L. The Conflict between Notions of Fairness and the Pareto Principle / L. Kaplow, S. Steven // American law and economics review 1999. Vol. 1. Iss. 1–2. P. 63–77.
20. Kochenov, D. Monitoring and Enforcement of the Rule of Law in the EU: Rhetoric and Reality / D. Kochenov, L. Pech // European Constitutional Law Review. 2015. Vol. 11. Iss. 3. P. 512–540. DOI: 10.1017/S1574019615000358

21. March, J.G. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics / J.G. March, J.P. Olsen. New York : Free Press, 1989. 227 p.
22. Moorhead T. The Values of the European Union Legal Order: Constitutional Perspectives / T. Moorhead // European Journal of Law Reform. 2014. Vol. 16. Iss. 1. P. 3–18. DOI: 10.5553/ejlr/doiyear014016001001
23. Mostafa, G. Eurasian Economic Union: Evolution, challenges and possible future directions / G. Mostafa, M. Mahmood // Journal of Eurasian Studies. July 2018. Vol. 9. Iss. 2. P. 1–11. DOI: 10.1016/j.euras.2018.05.001
24. Omar, A. Historical Roots and Contemporary Trends in Analysis of Law from Economic Standpoint / A. Omar // Social Science Chronicle. 2023. Vol. 3. Iss. 1. P. 1–18.
25. Ota, Sh. Choice of Law and Economic Analysis: A Methodological Introduction / Sh. Ota // An Economic Analysis of Private International Law / eds. by J. Basedow, T. Kono, G. Rühl. Mohr Siebeck, 2006. P. 3–14.
26. Pigou, A. The economics of welfare / A. Pigou. New York : Routledge, 2017. 876 p.
27. Ruhl, G. Statut und Effizienz : Okonomische Grundlagen des Internationalen Privatrechts / G. Ruhl. Tübingen : Mohr Siebeck, 2011. 811 s.
28. Weinrib, E.J. The idea of private law / E.J. Weinrib. Oxford, UK : Oxford University Press, 2012. 238 p.

References

1. Babkina, E.V. Mekhanizmy' ograničeniya deystviya kollizionnogo metoda v mezdunarodnom chaste prave [Mechanisms Restricting the Application of the Conflict of Laws Method in Private International Law] / E.V. Babkina // Aktualny'e problemy' mezdunarodnogo publichnogo i mezdunarodnogo chaste prava : sbornik nauchny'kh statey / chleny' redaktsionnoy kollegii : Yu.P. Brovka, D.M. Demichev, S.G. Drobyazko [i dr.] ; otvetstvenny'e redaktory' : E.V. Babkina, Yu.A. Lepeshkov. Minsk : Belorusskiy gosudarstvenny'y universitet — Relevant Issues of Public International and Private International Law : collection of scientific articles / members of the editorial board : Yu.P. Brovka, D.M. Demichev, S.G. Drobyazko [et al.] ; publishing editors : E.V. Babkina, Yu.A. Lepeshkov. Minsk : Belarusian State University, 2009. S. 187–204.
2. Babkina, E.V. Ekonomicheskaya ratsionalnost kollizionnogo prava: metodologicheskiy aspekt [Economic Rationality of Conflict of Laws: The Methodological Aspect] / E.V. Babkina // Respublika Belarus v sovremennom mire : kollektivnaya monografiya / pod redaktsiey E.V. Pilgun. Minsk : Izdatelskiy tsentr BGU — The Republic of Belarus in the Modern World : collective monograph / edited by E.V. Pilgun. Minsk : BSU publishing center, 2021. S. 163–174.
3. Gadzhiev, G.A. Legitimatsiya idey «Prava i ekonomiki» (novy'e poznavatelny'e struktury' dlya grazhdanskogo prava) [Legitimization of Ideas of Law and Economics (New Cognitive Structures for Civil Law)] / G.A. Gadzhiev // Vestnik grazhdanskogo prava. 2017. T. 17 — Civil Law Bulletin. 2017. Vol. 17. № 6. S. 108–173.
4. Dworkin, R. Imperiya prava [Law's Empire] / R. Dworkin ; perevod s angliyskogo V.L. Trusova. Moskva : Novoe izdatelstvo — translated from English by V.L. Trusov. Moscow : New Publishing House, 2004. 512 s.
5. Evropeyskoe pravo : uchebno-metodicheskoe posobie [European Law : educational and methodological guide] / V.A. Astapenko, E.V. Babkina, T.V. Klimovich, M.V. Rodich. 2-e izd., ispr. i dop. Minsk : Chety're chetverti — 2nd edition, revised and enlarged. Minsk : Four Quarters, 2015. 358 s.
6. Meshkova, T.A. EAES v menyayuschemsyя geopoliticheckom kontekste: prioritety' mezdunarodnogo sotrudnichestva [The EAEU in the Changing Geopolitical Framework: Priorities of International Cooperation] / T.A. Meshkova, V.S. Izotov, O.V. Demidkina, Yu.K. Kofner // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya : Politologiya. 2019. T. 21 — Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series : Political Studies. 2019. Vol. 21. № 1. P. 7–33. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-7-33
7. Posner, R. Ekonomicheskij analiz prava. V 2 tomakh. T. 2 [Economic Analysis of Law. In 2 volumes. Vol. 2] / R. Posner ; perevod s angliyskogo pod redaktsiey V.L. Tambovtseva. Sankt-Peterburg : Ekonomicheskaya shkola — translated from English and edited by V.L. Tambovtsev. Saint Petersburg : Economic School, 2004. 974 s.

8. Stepanov, D. Kriteriy effektivnosti v pravovom regulirovaniı ekonomiceskoy deyatelnosti [The Criterion of Effectiveness in Legal Regulation of Economic Activities] / D. Stepanov, S. Avdasheva // Vestnik ekonomiceskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii — Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2017. № 5. S. 88–133.
9. Chayka, K.L. Rol obschikh tsennostey Evraziyskogo ekonomiceskogo soyuza v stanovlenii i razvitiı prava integratsionnogo obyedineniya [The Role of Common Values of the Eurasian Economic Union in the Establishment and Development of Law of the Integration Association] / K.L. Chayka // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2020. № 5. S. 148–157. DOI: 10.12737/jrl.2020.062
10. Blanke, H.-J. The European Union's Rule of Law and Its Objectors / H.-J. Blanke, F. Sander. URL: https://www.ugr.es/~redce/ESPECIAL1/articulos/04_Blanke_Sander.htm (date of access: July 17, 2025).
11. Calabresi, G. An Introduction to Legal Thought: Four Approaches to Law and to the Allocation of Body Parts / G. Calabresi // Stanford Law Review. 2003. Vol. 55. Iss. 6. S. 2113–2151. DOI: 10.2307/1229645
12. Calabresi, G. Of Law and Economics and Economic Analysis of Law: The Role of the Lawyer / G. Calabresi // Global jurist. 2019. Vol. 19. Iss. 3. S. 1–24.
13. Coleman, J.L. Markets, Morals, and the Law / J.L. Coleman. Oxford, GB : Oxford University Press, 2002. 414 s.
14. Craig, P. Integration, Democracy and Legitimacy / P. Craig // The Evolution of EU Law / P. Craig, G. de Burca. 3rd edn. Oxford University Press, 2021. S. 12–45.
15. Dragneva, R. The Eurasian Economic Union: Deals, Rules and the Exercise of Power / R. Dragneva, K. Wolczuk // Chatham House Research Paper, Royal Institute of International Affairs, London : Chatham House, 2017. S. 1–15.
16. Eidenmuller, H. Effizienz als Rechtsprinzip / H. Eidenmuller. Tübingen : Mohr Siebeck, 2005. 522 s.
17. Janson, G. Ökonomische Theorie im Recht / G. Janson. Duncker & Humblot, 2019. 286 s.
18. Kaplow, L. Fairness Versus Welfare / L. Kaplow, S. Shavell. Cambridge, MA and London, England : Harvard University Press, 2002. 544 s.
19. Kaplow, L. The Conflict Between Notions of Fairness and the Pareto Principle / L. Kaplow, S. Steven // American Law and Economics Review 1999. Vol. 1. Iss. 1–2. S. 63–77.
20. Kochenov, D. Monitoring and Enforcement of the Rule of Law in the EU: Rhetoric and Reality / D. Kochenov, L. Pech // European Constitutional Law Review. 2015. Vol. 11. Iss. 3. S. 512–540. DOI: 10.1017/S1574019615000358
21. March, J.G. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics / J.G. March, J.P. Olsen. New York : Free Press, 1989. 227 s.
22. Moorhead, T. The Values of the European Union Legal Order: Constitutional Perspectives / T. Moorhead // European Journal of Law Reform. 2014. Vol. 16. Iss. 1. S. 3–18. DOI: 10.5553/ejlr/doiyear014016001001
23. Mostafa, G. Eurasian Economic Union: Evolution, Challenges and Possible Future Directions / G. Mostafa, M. Mahmood // Journal of Eurasian Studies. July 2018. Vol. 9. Iss. 2. S. 1–11. DOI: 10.1016/j.euras.2018.05.001
24. Omar, A. Historical Roots and Contemporary Trends in Analysis of Law from Economic Standpoint / A. Omar // Social Science Chronicle. 2023. Vol. 3. Iss. 1. S. 1–18.
25. Ota, Sh. Choice of Law and Economic Analysis: A Methodological Introduction / Sh. Ota // An Economic Analysis of Private International Law / eds. by J. Basedow, T. Kono, G. Rühl. Mohr Siebeck, 2006. S. 3–14.
26. Pigou, A. The Economics of Welfare / A. Pigou. New York : Routledge, 2017. 876 s.
27. Ruhl, G. Statut und Effizienz : Okonomische Grundlagen des Internationalen Privatrechts / G. Ruhl. Tübingen : Mohr Siebeck, 2011. 811 s.
28. Weinrib, E.J. The Idea of Private Law / E.J. Weinrib. Oxford, UK : Oxford University Press, 2012. 238 s.

DOI: 10.18572/3034-2953-2025-4-89-95

Поступила в редакцию: 14.06.2025. Принята к публикации: 06.11.2025.

Международный коммерческий арбитраж в Китае: уроки Востока для будущего Запада

Костицын Андрей Владимирович,
преподаватель кафедры международного и интеграционного права
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
kostitsyn-av@ranepa.ru

В современных геополитических условиях все чаще ставится вопрос о так называемом развороте на Восток. Указанная тенденция коснулась также сферы международного коммерческого арбитража. Не секрет, что российские контрагенты при заключении арбитражных соглашений вместо ранее популярных западноевропейских предпочитают все чаще, помимо российских арбитражных учреждений, азиатские арбитражные центры (Китая, Объединенных Арабских Эмиратов преимущественно). На Петербургском международном юридическом форуме — 2025 (ПМЮФ—2025) в ходе сессии «Международный коммерческий арбитраж и арбитражная реформа в Китае» автором была представлена текущая ситуация в сфере международного коммерческого арбитража в Китае. Особое внимание участники дискуссии обратили на проводимую арбитражную реформу и, в частности, на ключевой вопрос о значимости института арбитража *ad hoc* в рассматриваемом арбитражном законопроекте. Настоящая публикация подготовлена с учетом обозначенных автором на ПМЮФ—2025 тезисов, а также ряда других, не вошедших ввиду регламента сессии. Автором в статье обобщены актуальные статистические данные западных и азиатских арбитражных учреждений, свидетельствующих о популярности международного коммерческого арбитража в Китае и Азии, о наиболее популярных арбитражных центрах.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, западные арбитражные центры, восточные арбитражные центры, статистика арбитражных учреждений, арбитражная реформа в Китае, проарбитражность, арбитраж *ad hoc*.

На протяжении нескольких лет в Китае активно обсуждаются необходимые поправки в закон об арбитраже (1994)¹. В этой связи невозможно не провести параллель с Российской Федерацией, обладающей также 10-летним опытом проведения арбитражной реформы (2015).

Текущий законопроект в Китае рассматривался 8 ноября 2024 г. на

14-м съезде Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП)².

В ходе работы сессий Петербургского международного юридического форума — 2025 (ПМЮФ—2025) была организована сессия «Международный коммерческий арбитраж и арбитражная реформа в Китае», в ходе которой предлагалось рассмотреть не только специфику Китая как места арбитража с учетом современных тенденций раз-

¹ Закон Китайской Народной Республики «Об арбитраже» (принят 9-м съездом ВСНП Китая 31.08.1994). URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wx-zl/2000-12/05/content_4624.html (дата обращения: 03.06.2025).

² Официальный сайт ВСНП Китая. URL: <http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/> (дата обращения: 03.06.2025).

ворота на Восток, но особенно сфокусироваться участникам дискуссии на конкретных изменениях, которые имеют место быть в сфере международного коммерческого арбитража в результате проводимой реформы, и ее предпосылках³.

Прежде всего, следует привести сводные статистические данные, подготовленные автором для данной сессии ПМЮФ–2025. Результат мониторинга официальных сайтов китайских арбитражных учреждений выявил значительный уровень проарбитражности для формирования общего представления об отношении данной юрисдикции к арбитражу и международному коммерческому арбитражу в частности. Очевидно, что Китай и его арбитражные учреждения, как и другие страны Азии, в условиях изменения внешнеполитической конъюнктуры активно развивали сферу арбитража.

Как было обозначено модератором сессии — А. Алексеенко, научным руководителем программы «Юриспруденция с углубленным изучением китайского языка и права КНР» Санкт-Петербургского государственного университета, признанным российским китаеведом, «на текущий момент в Китае выделяется порядка 200 арбитражных центров...».

В фокусе исследования по части мониторинга статистики были лишь наиболее известные арбитражные учреждения Китая, а именно — SCIA, CIETAC, SHIAC, HKIAC, BAC (перечислены в порядке убывания количества дела в опубликованной статистике междуна-

³ С полной версией записи трансляции можно ознакомиться по ссылке: Международный коммерческий арбитраж и арбитражная реформа в Китае // Сессия ПМЮФ–2025. URL: <https://legalforum.info/programme/youth-forum/7882/> (дата обращения: 03.06.2025).

родных дел по 2024 г., не в алфавитном порядке).

Прежде всего следует отметить, что названные китайские арбитражные учреждения совокупно рассмотрели по итогам 2024 г. свыше 2 000 (!!!) дел. Ниже представлены цифры, красноречиво свидетельствующие о ситуации с арбитражем в Китае (дел всего / международных споров (местонахождение, год основания)):

- SCIA — 14 518/520 (Шеньчжэнь, 1983)⁴;
  - CIETAC — 6 013/758 (Пекин, 1956)⁵;
  - SHIAC — 4 879/229 (Шанхай, 1988)⁶;
  - HKIAC — 503/432 (Гонконг, 1985)⁷;
- ИТОГО:** 1 939 дел (всего 25 913);
- BAC — 163 (2019) (Пекин, 1995).

ВСЕГО: свыше 2 000 дел.

Для наглядности предлагается сравнить с цифрами основных недружественных по отношению к России, ранее популярных у российских контрагентов арбитражных учреждений из стран Западной Европы (условный топ-3: Париж, Лондон, Стокгольм).

- ICC (2024): 831/831? (Париж, 1919)⁸;

⁴ Ежегодный отчет о количестве дел Шеньчжэньского международного арбитражного суда (SCIA). URL: <https://en.scia.com.cn/AboutSCIANK.html> (дата обращения: 03.06.2025).

⁵ Ежегодный отчет о количестве дел Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии (CIETAC). URL: <https://www.cietac.org/en/categories/2881/articles> (дата обращения: 03.06.2025).

⁶ Ежегодный отчет о количестве дел Шанхайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии (SHIAC). URL: https://shiac.org/pc/HKIAC?moduleCode=annual_report (дата обращения: 03.06.2025).

⁷ Ежегодный отчет о количестве дел Гонконгского международного арбитражного центра (HKIAC). URL: <https://www.hkiac.org/about-us/statistics> (дата обращения: 03.06.2025).

⁸ Ежегодный отчет о количестве дел Международного арбитражного суда Международной торговой палаты (ICC). URL: <https://iccwbo.org/news-publications/news/icc-dispute-resolution-services-in-2024/> (дата обращения: 03.06.2025).

- LCIA (2024): 327/313 (Лондон, 1883)⁹;
- SCC (2024): 204/105 (Стокгольм, 1917)¹⁰.

Совокупно на три названных западных юрисдикции за 2024 г. администрировали лишь 1 249 дел (при условии также, что у Арбитражного суда ICC все из заявленных 831 дела международные).

Еще раз красной строкой для наглядности: **1 939 дел+** (Китай, одна юрисдикция) VS **1 249 дел** (Англия, Франция, Швеция, три юрисдикции). И, очевидно, что критерий значительно большей численности населения Китая в соотношении с европейскими — не релевантен, поскольку в сравнительном анализе идет речь о международном, не о внутреннем арбитраже. Многие юрисдикции, признаваемые многие десятилетия эталоном проарбитражности, славились своей нейтральностью, в том числе геополитической, будучи центрами разрешения преимущественно внешних споров.

Цифра по внутреннему арбитражу по Китаю тоже впечатляющая, совокупно составляющаяся только из названных арбитражных центров, — **25 913 дел.**

Для объективности и соотношения следует привести статистические данные касательно деятельности российских арбитражных учреждений. Так, согласно обобщенным данным Минюста России, осуществляющего общее регулирование арбитражной сферы в России и мониторинг данных, по итогам 2024 г. российские арбитражные учреж-

дения зарегистрировали **303 дела по международным спорам**. Для страны, которая в текущей ситуации противостоит недружественному коллективному Западу, — это более чем говорящие цифры, обладающие ежегодной положительной динамикой. Не вызывает сомнений, что по окончании специальной военной операции количество международных споров, администрируемых российскими арбитражными учреждениями, неизбежно увеличится. Конечно, данный обзор было бы проще осуществить, если бы и Китай применял российские наработки. Так, ведение китайским регулятором публичного отчета статистики по основным арбитражным учреждениям, по аналогии с тем, что ведет Минюст России¹¹, сделало бы еще более привлекательной сферу арбитражного разрешения споров в Китае.

Обсуждаемый разворот на Восток представляет собой не разворот именно на Китай, но на азиатские арбитражные центры, среди которых нельзя не отметить такие не менее популярные среди российских контрагентов, как SIAC и DIAC. Что касается первого — согласно изданному Правительством Российской Федерации в 2022 г. Распоряжению №430-р Сингапур указан среди 49 стран списка как недружественная по отношению к Российской Федерации юрисдикция¹². Вместе с тем

⁹ Ежегодный отчет о количестве дел Лондонского международного коммерческого суда (LCIA). URL: <https://www.lcia.org/LCIA/reports.aspx> (дата обращения: 03.06.2025).

¹⁰ Ежегодный отчет о количестве дел Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма (SCC). URL: <https://sccarbitrationinstitute.se/en/statistics-2024/> (дата обращения: 03.06.2025).

¹¹ Публичный отчет Минюста России о деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства за 2024 г. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/publichnyijotcheto/deyatelnostisovetaza2024-final.pdf> (дата обращения: 05.06.2025).

¹² Распоряжение Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» (ред. от 29.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

исключительно ради наглядности и соотношения цифр: 625/625? (Сингапур, 1991).

Касательно же DIAC — на момент проведения исследования на официальном сайте была опубликована статистика только за 2023 г.¹³, данных по 2024 г. еще нет. Вместе с тем по состоянию на 2023 г. количество дел: DIAC (2023): 355/323 (Дубай, 1994)¹⁴.

Среди азиатских арбитражных центров следует также выделить Ташкентский международный арбитражный центр (TIAC, Узбекистан)¹⁵, Международный арбитражный центр Астана (МФЦА, Казахстан)¹⁶, Азиатский международный арбитражный центр (AIAC, Малайзия, Куала-Лумпур)¹⁷.

Вывод из представленных говорящих цифр напрашивается сам собой: очевидно, российские контрагенты ошибочно заблуждались и длительное время считали проарбитражными юрисдикциями далеко не те, которые являлись де-факто таковыми. Притом следует принять во внимание дополнительно историю функционирования европейских арбитражных центров с учетом года их основания в соотношении с китайскими. Налицо, что основные западные центры были основаны в конце 19-го — начале 20-го в., а китайские, да и, по сути, все азиатские — учрежде-

ния 20-го века. Указанное свидетельствует о явно прогрессивной динамике развития азиатских центров, как и наблюдался прогресс в других отраслях экономики.

Означает ли это, что, исходя из обозначенных статистических данных, российским контрагентам свое внимание следует перенаправить в сторону проарбитражного Китая или других азиатских арбитражных центров?

Прежде чем ответить на данный вопрос, следует учесть ряд факторов.

Невозможно, говоря о любой стране и арбитраже в ней (Китай не исключение), не упомянуть предпосылки арбитражной реформы. В любой стране, каким бы путем она ни пошла в направлении развития арбитража, реформы неизбежны; это своего рода тонкая настройка. Обусловлено это все большим числом споров, контрагентов из разных стран, необходимости учета лучших мировых практик для учета их в своей деятельности. Конечно, на развитие арбитража повлияют и предыстория страны в отношении развития арбитража, история, культура, правосознание и, конечно, имплементация наиболее ценных мировых практик. Китайский законодатель не мог не учитывать положения и Нью-Йоркской конвенции, и Типового закона об арбитраже, Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ, иных рекомендательных регуляторов в ходе проводимой арбитражной реформы.

Непосредственно о китайской реформе в сфере арбитража следует последовательно подтвердить вышеобозначенный тезис о том, что арбитражная реформа в любой стране неизбежна (равно как и методично обновляемые арбитражными учреждениями в 21-м веке регламенты). Практически каждый китайский специалист как рус-

¹³ Сайт Дубайского международного арбитражного центра (DIAC). URL: <https://www.diac.com/en/annual-reports/> (дата обращения: 03.06.2025).

¹⁴ Ежегодный отчет о количестве дел DIAC — DIAC-Annual-Report-2023. URL: <https://www.diac.com/wp-content/uploads/2024/10/DIAC-Annual-Report-2023.pdf> (дата обращения: 03.06.2025).

¹⁵ Официальный сайт Ташкентского международного арбитражного центра (TIAC). URL: <https://www.tiac.uz> (дата обращения: 03.06.2025).

¹⁶ Официальный сайт Международного арбитражного центра Астана (МФЦА). URL: <https://www.iac.aifc.kz> (дата обращения: 03.06.2025).

¹⁷ Официальный сайт Азиатского международного арбитражного центра (AIAC). URL: <https://www.aiac.world> (дата обращения: 03.06.2025).

скоговорящий, так и китаеговорящий¹⁸, каждая публикация наглядно демонстрировали в последние годы необходимость, важность искоренения пресловутого запрета на арбитраж *ad hoc* в Китае.

Представленный в 2024 г. на рассмотрение ВСНП Китая законопроект о внесении изменений в закон об арбитраже содержит ст. 79, согласно которой:

«79. Арбитраж *ad hoc* разрешен для рассмотрения споров с участием иностранных лиц, связанных с морскими перевозками, или споров с участием иностранных лиц между предприятиями, зарегистрированными в определенных зонах свободной торговли»¹⁹. Законодателем Китая даже обозначены дополнительно те категории специализированных споров, разрешаемых

международным коммерческим арбитражем, особенно эффективно подлежащие разрешению путем арбитража *ad hoc*.

С одной стороны — причины существовавшего ранее запрета поняты особенно для страны с исторически сформировавшимся коммунистическим подходом в направлении выстраивания социалистической рыночной экономики²⁰. Однако время идет, и такой пробел не может не влиять на проарбитражность данной (любой) юрисдикции. Непосредственно об арбитраже *ad hoc* важно отметить, что ключевая мысль заключается в следующем: **в мире не может существовать полноценной (во всех смыслах) проарбитражной юрисдикции без арбитража *ad hoc***. При этом существование арбитража *ad hoc* необходимо именно на практике, не только на бумаге. Равно, как и наоборот: не может и не должна существовать проарбитражная юрисдикция без институционального арбитража, арбитражных центров, а только в полноценном симбиозе и взаимодействии через практику оказания отдельных функций по администрированию споров в отношении арбитража *ad hoc*.

Любая дискриминация — это повод для представления данной юрисдикции извне как ограничивающей свободу контрагентов. Да и попросту входит в прямое противоречие с той же Нью-Йоркской конвенцией, другими регуляторами. Изучение официальных сайтов китайских арбитражных учреждений как нельзя ярче подсветило

¹⁸ Han, W. Ad Hoc Arbitration Reform in China: A Step Forward // Asian International Arbitration Journal, Wolters Kluwer, 2022. См. также: Tang, M., Zhang, Y., Zheng, G. Development and practice of ad hoc arbitration in mainland China. URL: <https://globalarbitrationreview.com/review/the-asia-pacific-arbitration-review/2026/article/development-and-practice-of-ad-hoc-arbitration-in-mainland-china> (дата обращения: 04.06.2025); Чжоу Г. Коммерческий арбитраж КНР: путь развития и отношение к иностранным инвесторам. URL: <https://conf.hse.ru/2023/news/827063233.html> (дата обращения: 05.06.2025); Янь Ч. Политическая и правовая основа арбитража *ad hoc* в Китае. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-i-pravovaya-osnovy-arbitazha-ad-hoc-v-kitaе/viewer> (дата обращения: 04.06.2025); Синьцзюань Ч., Шэнцзуй Ч. О построении разовой арбитражной системы Китая // Журнал Восточно-Китайского университета политологии и права. 2010. № 4. С. 56–59 (на кит. яз.).

¹⁹ Закон Китайской Народной Республики «Об арбитраже» (пересмотренный проект 2024 г.). URL: <https://nprcobserver.com/wp-content/uploads/2024/11/Arbitration-Law-Draft-Revision.pdf> (дата обращения: 04.06.2025); Zhong, M., Dang, H. Dissecting the 2024 Draft Amendment to the PRC Arbitration Law: A Stride Forward or a Step Back? URL: <https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2024/12/03/dissecting-the-2024-draft-amendment-to-the-prc-arbitration-law-a-stride-forward-or-a-step-back/> (дата обращения: 04.06.2025);

²⁰ China mulls revising arbitration law // Официальный сайт ВСНП Китая. URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2024-11/05/c_1041923.htm (дата обращения: 04.06.2025); Legislature mulls improving foreign-related arbitration system with draft revision // Официальный сайт ВСНП Китая. URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2025-04/27/c_108897.htm (дата обращения: 04.06.2025).

проблемность освоения информации ввиду того, что практически все арбитражные учреждения не имеют версии сайта на русском языке, версии арбитражного регламента на русском языке, не все имеют в списках включенных российских арбитров. Указанное не может не влиять на доступность и привлекательность данных азиатских арбитражных учреждений для российских контрагентов.

Примечательно, что, например, МКАС при ТПП РФ и Российский арбитражный центр (лидеры по итогам 2024 г. рассмотрения международных дел: 241 дело²¹ и 38 дел²²) такие версии на китайском языке уже имеют²³. Наличие на сайте арбитражного учреждения опубликованного регламента на иностранных языках — безусловная ценность для зарубежных контрагентов.

Невозможно в завершение публикации не учесть лейтмотив ПМЮФ–2025 — «**Уроки прошлого для мира будущего**». Как процитировала профессор А.С. Смбатян слова выдающегося российского историка В.О. Ключевского²⁴: «История — это не учительница, а надзирательница: она ничему не учит, но сурово наказывает за незнание уроков».

²¹ Количество дел в МКАС при ТПП РФ. URL: <https://mkas.tpprf.ru/ru/Stat/page.php> (дата обращения: 04.06.2025).

²² Годовой отчет РАЦ и РИСА за 2024 г. URL: <https://centerarbitr.ru/2025/03/28/годовой-отчет-рац-и-риса-за-2024-год/> (дата обращения: 04.06.2025).

²³ Сайт МКАС при ТПП РФ на китайском языке. URL: <https://mkas.tpprf.ru/cn> (дата обращения: 04.06.2025); Сайт РАЦ на китайском языке. URL: <https://centerarbitr.ru/zh/> (дата обращения: 04.06.2025).

²⁴ Глубокое пике ООН: крушение или новый взлет? (К 80-летию принятия Устава ООН) // Сессия ПМЮФ–2025. URL: <https://legalforum.info/news/globokoe-pike-oon-krushenie-ili-novyj-vzlet-k-80-letiju-prinjatija-ustava-oon> (дата обращения: 31.05.2025).

В этой связи следует применить выводы и для текущей тенденции разворота на Восток. Обращение (без оглядки) на Восток, на Запад, на Юг — беспersпективно и попросту опасно для контрагента из любой страны. Необходимо всегда помнить самоидентичность и национальную безопасность (для любой страны); Россия тому не исключение. Вопрос сохранения исторической памяти всецело применим и для сферы международного коммерческого арбитража. В этой связи не забывать о значительном проарбитражном потенциале Отечества²⁵ как в отношении арбитражных представителей, так и касательно арбитров, давней истории третейского разбирательства.

Взаимный процесс изучения опыта России, Китая и стран Азии — наиболее перспективный путь проработки сферы международного коммерческого арбитража.

Конечно, текущая динамика Китая, пресловутый разворот на Восток имеют место во многом не только ввиду геополитических событий, проводимой Российской Федерацией специальной военной операции (СВО). Сохранятся ли данный разворот на Восток и показатели Китая в сфере арбитража после окончания СВО, изменения подхода и дружественности стран — вопрос, на который однозначного ответа не имеется.

Только время расставит все по своим местам, как и в ряде других вопросов от Запада к Востоку, между Востоком и Западом.

²⁵ Круглый стол Президентской академии от 17 мая 2025 г. «Россия как место разрешения споров: импортозамещение в арбитраже». URL: <http://проарбитражность.рф> (дата обращения: 31.05.2025).

Литература

1. Синьцюань Ч. О построении разовой арбитражной системы Китая / Ч. Синьцюань, Ч. Шэнцуй // Журнал Восточно-Китайского университета политологии и права 2010. № 4. С. 56–59 (на кит. яз.).
2. Чжоу Г. Коммерческий арбитраж КНР: путь развития и отношение к иностранным инвесторам : доклад / Г. Чжоу // XXIV Ясинская (Апрельская) международная научная конференция (г. Москва, 4–14 апреля 2023 г.). URL: <https://conf.hse.ru/2023/news/827063233.html> (дата обращения: 05.06.2025).
3. Янь Ч. Политическая и правовая основа арбитража ad hoc в Китае / Ч. Янь // Юридическая наука. 2022. № 5. С. 161–166.
4. Han, W. Ad Hoc Arbitration Reform in China: A Step Forward / W. Han // Asian International Arbitration Journal. 2022. Vol. 18. Iss. 2. P. 143–166.
5. Tang, M. Development and practice of ad hoc arbitration in mainland China / M. Tang, Y. Zhang, G. Zheng // The Asia-Pacific Arbitration Review 2026. Global Arbitration Review, 2025. 11 p.
6. Zhong, M. Dissecting the 2024 Draft Amendment to the PRC Arbitration Law: A Stride Forward or a Step Back? / M. Zhong, H. Dang // Kluwer Arbitration Blog. 2024. 3 December.

References

1. Xinquan, C. O postroenii razovoy arbitrazhnoy sistemy' Kitaya [On the Development of the Ad Hoc Arbitration System in China] / C. Xinquan, C. Shengcui // Zhurnal Vostochno-Kitayskogo universiteta politologii i prava — Journal of the East China University of Political Science and Law. 2010. № 4. S. 56–59 (na kit. yaz. — in the Chinese language).
2. Zhou, G. Kommercheskiy arbitrazh KNR: put razvitiya i otnoshenie k inostrannym investoram : doklad [Commercial Arbitration in the PRC: The Development Path and Approach to Foreign Investors : speech] / G. Zhou // XXIV Yasinskaya (Aprelskaya) mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya (g. Moskva, 4–14 aprelya 2023 g.) — The 24th Yasin (April) international scientific conference (Moscow, April 4–14, 2023). URL: <https://conf.hse.ru/2023/news/827063233.html> (data obrashcheniya: 05.06.2025 — date of access: June 5, 2025).
3. Yan, C. Politicheskaya i pravovaya osnova arbitrazha ad hoc v Kitae [The Political and Legal Basis of Ad Hoc Arbitration in China] / C. Yan // Yuridicheskaya nauka — Legal Science. 2022. № 5. S. 161–166.
4. Han, W. Ad Hoc Arbitration Reform in China: A Step Forward / W. Han // Asian International Arbitration Journal. 2022. Vol. 18. Iss. 2. S. 143–166.
5. Tang, M. Development and Practice of Ad Hoc Arbitration in Mainland China / M. Tang, Y. Zhang, G. Zheng // The Asia-Pacific Arbitration Review 2026. Global Arbitration Review, 2025. 11 s.
6. Zhong, M. Dissecting the 2024 Draft Amendment to the PRC Arbitration Law: A Stride Forward or a Step Back? / M. Zhong, H. Dang // Kluwer Arbitration Blog. 2024. 3 December.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ

тел. (495) 617-18-88 — многоканальный
8-800-333-28-04 (по России бесплатно)
адрес электронной почты: podpiska@lawinfo.ru

Law Between East and West

No. 4 / 2025

The Journal is published with
the support of the Foundation
of Grateful Graduates
of the International Law School
of MGIMO

Editor in Chief

Gennady P. Tolstopyatko, LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation

Deputy Editors in Chief

Aleksey A. Malinovsky, LL.D., Associate Professor
Natalya I. Platonova, PhD (Law), Associate Professor

Executive Secretary

Dina M. Osina, PhD (Law)

Editorial board:

Adel I. Abdullin, LL.D., Professor
Lana L. Arzumanova, LL.D., Professor
Vladimir M. Baranov, LL.D., Professor,
Honored Scientist of the RF
Tatyana A. Vasilyeva, LL.D., Associate Professor
Aleksandr G. Volevodz, LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the RF
Vyacheslav V. Gavrilov, LL.D., Associate Professor
Elena Yu. Gracheva, LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the RF
Maria V. Zakharova, LL.D.
Sergey B. Zinkovsky, PhD (Law), Associate Professor
Igor A. Kravets, LL.D., Professor
Yury E. Monastyrsky, LL.D.
Elena I. Nosyreva, LL.D., Professor
Konstantin V. Obrazhiev, LL.D., Professor
Elena V. Pokachalova, LL.D., Professor
Ekaterina A. Ryzhkova, PhD (Law), Associate Professor
Akmal Kh. Saidov, Academician of the Academy
of Sciences of Uzbekistan, LL.D., Professor;
Elina L. Sidorenko, LL.D., Associate Professor
Oleg Yu. Skvortsov, LL.D., Professor
Elena N. Trikoz, LL.D., Associate Professor
Aleksandra A. Troitskaya, LL.D., Associate Professor
Pavel V. Troschinsky, PhD (Law)
Mikhail A. Tserkovnikov, PhD (Law)

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., professor, academician of the RAE,
Honored Lawyer of the Russian Federation

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov E.N., Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Proofreading:

Pavlova T.G.

Layout:

Kurukina E.I.

Tel.: (495) 953-91-08.

Authors shall not pay for publication of their articles.

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere
of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. PI No. FC77-84258 of December 5, 2022. Issued since 2024. Published twice a half-year.

ISSUES OF THEORY AND HISTORY OF LAW

Dmitry Yu. Poldnikov. Milestones in the development of legal geography abroad: from ethnographers' notes to a scientific discipline.....	2
Viktoria A. Yakovleva. The Institute of Public Courts in the German Democratic Republic and its Soviet origins..	11

LEGAL GEOGRAPHY

AND COMPARATIVE LEGAL STUDIES

Olga V. Romanovskaya. Law and Digital Sovereignty: Between East and West	25
Danila A. Avdeev, Alexandra D. Gindulina. Application of recommendation technologies on Internet resources: experience of legal regulation of the Russian Federation and PRC.....	35
Inna S. Barzilova. Normative legal acts and other sources of law in the legal systems of the countries of the Commonwealth of Independent States (on the example of the Central Asian republics).....	42
Dmitrii E. Tonkov. Human Rights in Sweden: Historical and Modern Examples of “Nordic Exceptionalism”	48
Anton P. Platonov. The legal basis for the implementation of the external functions of the State in the PRC	58

COMPARATIVE CONSTITUTIONAL LAW

Anton A. Vasiliev, Ekaterina S. Besedina, Zelenin Yuri A. Zelenin. The right to historical truth: the problem of conceptualization and legal consolidation of the concept.....	63
---	----

PRIVATE INTERNATIONAL LAW

AND INTERNATIONAL COMMERCIAL DISPUTE RESOLUTION

Elena V. Babkina. Economic efficiency as a factor or the economic analysis of integration and international private law: is Pareto an applicable principle?	77
Andrey V. Kostitsyn. International Commercial Arbitration in China: Lessons from the East for the Future of the West	89

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya
Emb., Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 (multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper No. 1. Printer's sheet 12,5.

Conventional printed sheet 12,5.

ISSN 3034-2953

Passed for printing: 16.12.2025.

Issue was published: 24.12.2025.

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Printed by National Polygraphic

Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga,

248031. Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of
materials without prior written permission
of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance
with law.

Founder: MGIMO University

Milestones in the development of legal geography abroad: from ethnographers' notes to a scientific discipline.

Dmitry Yu. Poldnikov, Professor of the Department of Legal Theory and Comparative Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor

The idea that natural and climatic factors influence law and the state has a long history, which helps to understand the emergence of legal geography. The article traces the evolution of approaches to this interrelation within social geography and jurisprudence. It shows how geographical determinism in the works of scholars of Antiquity and the Middle Ages gradually gave way to geographical possibilism, and by the end of the 20th century was supplemented by environmentalism and the ideas of the 'spatial turn'. The article reconstructs the stages of this new discipline's formation in the scholarly thought of the East and West, from the thinkers of antiquity and the Middle Ages, through the Modern Era and the age of European colonialism, up to the 20th century. It demonstrates how legal positivism hindered the development of this field, and the impetus it gained from expanding its subject matter to include the topics of legal pluralism, social justice, and transnational aspects of law. In the 21st century, despite the lack of a unified approach and methodology, legal geography is emerging as an important interdisciplinary field capable of offering new tools for analyzing and solving complex problems stemming from the interrelation between space and society.

Keywords: legal geography, geographical determinism, geographical possibilism, environmentalism, spatial turn, legal pluralism, history of foreign legal thought.

The Institute of Public Courts in the German Democratic Republic and its Soviet origins

Viktoria A. Yakovleva, Lecturer of the Department of Constitutional Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, PhD (Law)

The article examines the formation and development of public courts in the German Democratic Republic in comparison with similar processes in the USSR. The main stages of this process in the GDR followed the Soviet model. The creation of public courts began around 1952, at the same time when comrades' courts were restored in the USSR after the Great Patriotic War. Subsequently, in the late 1950s and early 1960s, and then in the late 1970s and early 1980s, the public courts in both countries were reformed. However, from the very beginning, the public courts in the GDR differed from the Soviet comrades' courts in several respects. These differences were due to the specific conditions in the GDR, and, presumably, contributed to the successful functioning of the public courts in the GDR up until its accession to the Federal Republic of Germany.

Keywords: USSR, GDR, public courts, comrades' courts, mediation boards and conciliation boards.

Law and Digital Sovereignty: Between East and West

Olga V. Romanovskaya, Chief Researcher of the Research Institute of Fundamental and Applied Research of the Penza State University, Doctor of Law, Professor

The article examines the understanding of digital sovereignty that has developed in the countries of the European Union and the People's Republic of China. A general vision of digital sovereignty that has developed in France is presented. It is emphasized that this country was the first to have used this concept (author — P. Bellanger, in 1997). The development of the Internet on the principles of complete freedom was considered as a hidden expansion of American giants of the technology industry, as a new form of colonialism that acquired a digital shell. Such ideas influence the French law-making policy, which led to the emergence of the Law of October 7, 2016 No. 2016-1321

on the digital republic and the creation of the Institute of Digital Sovereignty. The experience of Germany, where the Center for Digital Sovereignty of Public Administration was created, is studied. It is designed to analyze the capabilities of the IT market to provide digital solutions for public administration. The German approach is based on the need to create competitive principles, which will prevent dependence on digital service providers. At the same time, the need to rely on open-source digital solutions is emphasized. The general characteristics of the «European digital sovereignty» promoted at the level of the European Union are presented, as well as the difficulties of implementing this concept. The general understanding of digital sovereignty developed in the People's Republic of China is outlined, which is based on the implementation of national control over: data; software; hardware; digital services; network infrastructure; standards and rules of digital interaction. It is emphasized that in China this concept is considered only in relation to the state as a whole, its protective nature is emphasized, as well as the balance and moderation in regulation.

Keywords: digitalization, digital sovereignty, government regulation, France, Germany, European digital sovereignty, China.

Application of recommendatory technologies on Internet resources: experience of legal regulation of the Russian Federation and PRC

Danila A. Avdeev, Deputy Director of the Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, PhD (Law)

Alexandra D. Gindulina, Assistant of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute of Law of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

Many currently functioning digital platforms provide for the use of recommendation technologies that offer the user the most relevant content, goods, and services based on the analysis of information about it. Given the changing digital landscape, this fact poses an urgent task for legislators from different countries: to ensure a balance between the economic benefits of their use and the potential risks of violating users' rights and freedoms. In the article, the authors study the experience of legal regulation of the PRC and the Russian Federation in this area in a comparative aspect: they determine the regulatory framework, key regulatory parameters and directions for further improvement of legislation on recommendation technologies, taking into account national peculiarities.

Keywords: digital law, artificial intelligence, digital platform, recommendation system, human rights.

Normative legal acts and other sources of law in the legal systems of the countries of the Commonwealth of Independent States (on the example of the Central Asian republics)

Inna S. Barzilova, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor

The article is devoted to the consideration of sources of law in the republics of Central Asia, which are members of the Commonwealth of Independent States. The emphasis is placed on normative legal acts as the main sources of law in the legal systems of these countries. The common features and distinctive features of the forms of law of these states, which belong to the continental legal family, are analyzed. The study identifies diverse approaches to understanding the role of judicial acts and legal customs in these legal systems. The study of such issues will allow the Russian Federation at the present stage to interact more effectively with the countries of this region within the CIS.

Keywords: legal system, sources of law, legal technique, mechanism of legal regulation, system of law, system of legislation, legal regimes, international cooperation.

Human Rights in Sweden: Historical and Modern Examples of “Nordic Exceptionalism”

Dmitrii E. Tonkov, Associate Professor of the Department of Legal Theory and Comparative Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, PhD (Law)

The article highlights that by “Nordic exceptionalism” the representatives of Sweden mean not only their difference from others, but also cultural and moral superiority, which extends to a variety of areas in life. The image of the Swedes as unambiguous supporters of human rights with rejection of any racist manifestations over the past few centuries has become an important element of national “exceptionalism”. However, in fact, Sweden played a leading role in European colonialism, owning the colony of St. Barthélemy in the Caribbean (in the XVIII–XIX centuries), having trade relations with the African, West Indian and East Indian Companies (since the XVII century) and economically supporting the slave trade (in the XVII–XIX centuries). Moreover, Swedish recent past contains evidence of following the methods of racial biology, hygiene and eugenics (in the XX century), for example, in activities of the State Institute for Racial Biology: its legacy included the maintenance of sterilization programs for the Swedish population even after the end of World War II. Sweden’s response to the COVID-19 coronavirus pandemic, which differed from most countries, suggesting the development of collective immunity by increasing the risk of infection among vulnerable sections of the population, turned out to be the most significant recent example of such “exceptionalism”. The paper identifies some “myths” that have formed in the (self-) perception of the Scandinavian countries, revealed primarily through the works of their own authors as the closest to the topics under consideration, and skeptically evaluates the aspiration of Scandinavian researchers to present Sweden’s “welfare state” as a modern analogue of mythological Hyperborea in Europe.

Keywords: human rights, Nordic exceptionalism, Sweden, colonialism, racism, eugenics, COVID-19, Scandinavian legal realism, welfare state

The legal basis for the implementation of the external functions of the State in the PRC

Anton P. Platonov, Assistant to the Minister of Finance of the Russian Federation, PhD (Law)

The article is devoted to the consideration of the practical aspects of the implementation of the PRC Law on International Relations of 2023. Based on the study of the practice of international communication between the Chinese side and other countries, it is concluded that the adopted law has a significant impact on China’s foreign policy activities and the formation of strict standards in the implementation of external functions of the state.

Keywords: foreign policy, external functions of the state, China, PRC, Law on International Relations, sanctions.

The right to historical truth: the problem of conceptualization and legal consolidation of the concept

Anton A. Vasiliev, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Altai State University, Doctor of Law, Associate Professor

Ekaterina S. Besedina, Assistant of the Department of Theory and History of State and Law of the Altai State University

Yuri A. Zelenin, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Altai State University, PhD (History)

The article analyzes the concept of “the right to historical truth” and its relation to such related legal concepts as “the right to truth”, the right to memory, and the right to historical memory in public and scientific discourse, especially in the context of increasing attention to the preservation of historical memory and cultural heritage in legislation.

The analysis of the legal essence is carried out “the rights to historical truth.” The prerequisites for the emergence of this category are considered, the specific significance of this category of rights in the Russian Federation is emphasized, in connection with the introduction of the constitutional norm on the protection of historical truth. The question is raised about the application of the category of the right to historical truth in legal science and legal practice in the national legislation of different countries and in international law. The article summarizes the emerging judicial practice of protecting this group of rights, and attempts to determine the place of the “right to historical truth” in the existing structure of human rights. At the end of the article, the authors formulate the definition of this legal category.

Keywords: historical truth protection, the right to historical truth, the right to truth, the right to memory, protection of historical heritage, memorial law.

Economic efficiency as a factor for the economic analysis of integration and international private law: is Pareto an applicable principle?

Elena V. Babkina, Advisor to the Expert and Analytical Department of the Secretariat of the Court of the Eurasian Economic Union, PhD (Law), Associate Professor

The article explores economic efficiency as a normative criterion for evaluating law through the lens of economic analysis. It assesses the applicability of the Pareto criterion in integration and private international law, as well as its limitations. The author proposes an alternative approach based on distributive justice and the axiological foundations of integration legal orders.

Keywords: Law and economics, Pareto efficiency, distributive justice, EAEU, EU, integration law, private international law, values

International Commercial Arbitration in China: Lessons from the East for the Future of the West

Andrey V. Kostitsyn, Lecturer of the Department of International and Integration Law of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In today's geopolitical environment, the question of the so-called “Eastward turn” is being raised more and more frequently. This trend has also affected the field of international commercial arbitration. It is no secret that Russian counterparts, when concluding arbitration agreements, instead of the previously popular Western-European arbitration centers, increasingly prefer, in addition to Russian arbitration institutions, Asian arbitration centers (China and the United Arab Emirates). At the St. Petersburg International Legal Forum — 2025 (LF-2025) during the session “International Commercial Arbitration and Arbitration Reform in China” the author presented the current situation in the field of international commercial arbitration in China. The panelists paid special attention to the ongoing arbitration reform and in particular, to the key issue of the significance of the institution of ad hoc arbitration in the draft arbitration law under consideration. This publication has been prepared taking into account the theses identified by the author at the LF-2025, as well as a number of others that were not included due to the timetable of the session. The article summarizes the current statistical data of the Western and Asian arbitration institutions concerning the most popular arbitration centers and indicating the popularity of international commercial arbitration.

Keywords: international commercial arbitration, arbitration centers, statistics of arbitration institutions, arbitration reform in China, pro-arbitration, ad hoc arbitration.